This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 134 792

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

1464
XVII, 1, 5-63

XVII, 1, 5
63
1464 — 43

3 8

S. Vesin'
С. ВЕСИНЪ.

ОЧЕРКИ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

239239 в

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1881.

этого, къ каждому труду по исторіи журналистики должно, кажется, относиться снисходительнѣе, нежели ко многимъ другимъ трудамъ. Да позволено будетъ и данному труду надѣяться на эту снисходительность. Авторъ не имѣлъ намѣренія дать въ немъ полную исторію журналистики названнаго времени. Его трудъ представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) общій очеркъ журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ; 2) особенно замѣчательныя лица, упоминаемыя въ журналахъ названнаго времени (преимущественно современники); 3) явленія обыденной общественной жизни; 4) обозрѣніе различныхъ журнальныхъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ упомянуты не всѣ замѣчательныя лица, какія встрѣчаются въ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ; объясняется это тѣмъ, что авторъ хотѣлъ въ названномъ отдѣлѣ показать, какъ и какихъ родовъ дѣятели упоминались въ журналахъ даннаго времени и не имѣлъ намѣренія говорить о всѣхъ лицахъ, какія встрѣчаются въ нихъ. При обозрѣніи журналистики 20 годовъ, исключительное вниманіе обращено на государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, поэтовъ, критиковъ, журналистовъ и знаменитыхъ путешественниковъ своего времени. Въ отдѣлѣ о критикѣ 20-хъ годовъ не упоминается объ оцѣнкѣ музыкальныхъ произведеній. Нѣтъ отдѣла о замѣчательныхъ событіяхъ времени, о которыхъ упоминала журналистика. Послѣдній отдѣлъ можетъ быть данъ современемъ. Да послужитъ извиненіемъ для всѣхъ пропусковъ и недостатковъ труда малоразработанность даннаго предмета въ литературѣ. Притомъ онъ назначается не для записныхъ ученыхъ, а для публики.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общій очеркъ.

Изучая какое-нибудь явленіе общественной жизни, невозможно довольствоваться фактами, составляющими непосредственную сферу этого явленія. Всегда нужно искать его корня, причинъ, изучать факты родственныхъ явленій, иначе оно останется для насъ непонятнымъ. Это требованіе неизбѣжно при изученіи какъ историческихъ, такъ и историко-литературныхъ явленій. Полную свою силу оно имѣетъ и при изученіи журналистики того или другого времени. Вотъ почему, приступая къ очерку русской журналистики 20-хъ годовъ, необходимо прежде всего остановиться на внутреннемъ состояніи Россіи въ это время, разсмотрѣть состояніе въ ней науки и литературы и условія общественной жизни, помогавшія развитію журналистики или задерживавшія его. Журналистика— продуктъ многоразличныхъ условій времени, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ для развитія. Сознавая, такимъ образомъ, все значеніе названныхъ факторовъ въ дѣлѣ развитія журналистики, мы, однако-же, не коснемся ихъ и попросимъ читателей для знакомства съ ними обратиться къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ *), разсматривающимъ различныя явле-

---

[1]) Богдановича, Сухомлинова, Пыпина, Пятковскаго, Стоюнина, Галахова, Полевого и др.

емъ выставлялись имъ наружу. Журналъ хорошо понималъ значеніе новыхъ русскихъ поэтовъ и съ величайшимъ уваженіемъ относился къ Пушкину и Жуковскому. Онъ не держался крайнихъ воззрѣній ни романтизма, ни классицизма. Это былъ журналъ, такъ-сказать, эклектическій. Онъ былъ проникнутъ духомъ искренней любви къ отечеству и ко всему, что было связано съ его пользой. Это былъ журналъ честный и благородный. Въ немъ было много таланта, ума и знанія.

О другихъ журналахъ сказать много нечего. «Соревнователь», издававшійся Обществомъ любителей россійской словесности, отличался тѣмъ, что въ немъ помѣщались статьи членовъ названнаго общества и притомъ по баллотировкѣ. Доходъ съ журнала поступалъ въ пользу бѣдныхъ. «Благонамѣренный», издававшійся Измайловымъ, заключалъ въ себѣ прозу, стихотворенія и критику. Особенное вниманіе въ немъ было обращено на разборъ драматическихъ произведеній. Отличительной чертой журнала была какая-то добродушная веселость, которая очень многимъ нравилась. Чрезвычайно слабъ былъ въ журналѣ отдѣлъ библіографіи. Выборъ литературныхъ статей не отличался большимъ вкусомъ. Въ журналѣ помѣщались объявленія о бѣдныхъ, и печатались отчеты о присылаемыхъ вспоможеніяхъ. «Сибирскій Вѣстникъ», издававшійся Спасскимъ, сперва заключалъ въ себѣ статьи, относившіяся исключительно къ Сибири, а потомъ и статьи, касавшіяся Азіи вообще. Въ немъ было много интересныхъ статей по исторіи и статистикѣ Сибири. Статьи эти интересны и для настоящаго времени.

Не богаты были 20-е года журналами, но еще бѣднѣе были они газетами. Онѣ названы выше, въ примѣчаніи. Между ними особенно замѣчательна была «Сѣверная Пчела», издававшаяся съ 1825 г. Булгаринымъ и Гречемъ и имѣвшая, между прочимъ, цѣлью сообщать читателямъ болѣе свѣжія политическія новости, нежели какія сообщались «С.-Петербургскими Вѣдомостями», или какія можно было почерпнуть изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Темную славу оставилъ по себѣ названный органъ русской журналистики. Глав-

ными и отличительными его чертами были всегда пристрастіе, самохвальство и часто крайнее невѣжество относительно разбираемыхъ литературныхъ произведеній. «Сѣверная Пчела» долгое, слишкомъ долгое время была пріютомъ кумовства и сплетничества, и лавкой, въ которой, если нельзя было покупать тѣхъ или другихъ товаровъ, то, покрайней-мѣрѣ, можно было справляться объ ихъ достоинствѣ (часто сомнительномъ) и цѣнѣ. Издатели газеты, нисколько не стѣсняясь публики, разсыпались въ похвалахъ другъ другу, а одинъ изъ нихъ даже имѣлъ настолько безцеремонности, что писалъ панегирики самому себѣ. Отзывы о литературныхъ произведеніяхъ основывались на началѣ знакомства и благопріятныхъ отношеній къ издателямъ. Въ нихъ часто встрѣчались непримиримыя противорѣчія, основанныя на перемѣнѣ отношеній автора разбираемаго произведенія къ пресловутому издателю. Отношенія къ публикѣ, къ чувству совѣсти и справедливости, были со стороны одного изъ названныхъ лицъ газетнаго Януса самыя халатныя. Въ своемъ фельетонѣ онъ разгуливалъ какъ у себя дома, въ своемъ кабинетѣ или въ своей спальнѣ; иначе, не возможно было-бы такъ безцеремонно выставлять на видъ интересы собственнаго желудка или кумовства съ различными владѣтелями соблазнительныхъ по своей роскоши магазиновъ. «Сегодня онъ бранилъ людей, которыхъ превозносилъ вчера, сегодня прославлялъ людей, которыхъ унижалъ вчера». Такая исторія случилась, между прочимъ, съ «Телеграфомъ». Сперва онъ бранилъ этотъ журналъ, а потомъ сталъ превозносить, сколько хватало силъ, затѣмъ опять перешелъ къ брани. Ничего не видѣли этого, или не хотѣли видѣть, глаза друга его Греча, который заявлялъ, что «у Булгарина въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ», и что Булгаринъ описываетъ моды «правильно, легко, свободно, пріятно, кратко и мило» [1]).

---

[1]) «Сынъ Отечества» 1824 г., № 38, стр. 210.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лица.

Между многими лицами, которыя обратили на себя вниманіе журналистики двадцатыхъ годовъ, выдается личность Наполеона, которому и послѣ смерти еще долго суждено было занимать умы европейскаго общества. Много статей было посвящено характеристикѣ этого великаго человѣка. Въ однѣхъ его порицали, въ другихъ онъ ставился высоко. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ отрывкахъ изъ «Жизнеописанія Наполеона», составленнаго Вальтеръ-Скоттомъ (М. Вѣстн. 27 г., ч. 4-я), помѣщены свѣдѣнія, касающіяся юности Наполеона, указаны черты, характеризующія благородство его души, его разсчетливость и т. д. Въ отрывкахъ говорится, что Наполеонъ въ юности, живучи между товарищами, былъ прилеженъ и остороженъ, неуклонно занимался своимъ совершенствованіемъ и не только не искалъ, но даже избѣгалъ обыкновенныхъ искушеній и разсѣянности. Онъ имѣлъ не много друзей и ни одного короткаго. Въ школѣ, въ языкахъ онъ успѣвалъ гораздо менѣе, чѣмъ въ математикѣ [1]). Онъ никогда не могъ привыкнуть хорошо писать и читать по французски, не говоря уже, о языкахъ иностранныхъ; къ изящнымъ искусствамъ онъ никогда не обнаруживалъ особенной охоты и въ литературныхъ произведеніяхъ больше всего любилъ напыщенное. Обхожденіе въ обществѣ возбуждало невольное удивленіе, съ примѣсью какого-то страха. Желая понравиться въ обществѣ, Наполеонъ часто забавнымъ образомъ разсказывалъ анекдоты изъ своей жизни. Если онъ молчалъ, лицо его выражало презрѣніе; если былъ въ духѣ, то разговоръ его обнаруживалъ что-то простонародное. Въ отрывкахъ сообщаются, между прочимъ, любопытныя под-

---

[1]) Говоря о любимыхъ своихъ занятіяхъ, Наполеонъ сказалъ однажды, что пріятнѣйшія для него книги были логариѳмы, а лучшимъ удовольствіемъ—рѣшеніе посредствомъ ихъ задачъ.

робности о томъ, что пришлось Наполеону испытывать послѣ паденія со стороны французской черни. Направляясь къ югу въ каретѣ, въ различныхъ городахъ Франціи развѣнчанный императоръ принужденъ былъ переодѣваться почталіономъ или служителемъ, приказывалъ слугамъ курить въ его присутствіи и насвистывать пѣсни, чтобы обмануть преслѣдовавшую его яростную чернь. Въ Оргонѣ народъ поднесъ ему къ каретѣ его изображеніе, забрызганное кровью. Говорится и о смерти Наполеона. Въ теченіи 3 мая, говорится въ отрывкахъ, увидѣли всѣ, что жизнь Наполеона примѣтно подходила къ концу. Около двухъ часовъ того-же дня священникъ Виньяли совершилъ надъ нимъ таинство соборованія. За нѣсколько дней, Наполеонъ разсказалъ, какъ похоронить, какъ положить его въ покоѣ, освѣщенномъ факелами, который у католиковъ называется *горящею комнатою* (chambre ardente). Онъ повторилъ тогда свое давнишнее изреченіе: Я не философъ, не матеріалистъ. Вѣрю въ Бога, исповѣдую законъ отцовъ моихъ. Я рожденъ католикомъ, и хочу выполнить обязанности церкви католической и принять даруемую отъ нея помощь. 4 го мая кончилось смертное бытіе сего необыкновеннаго мужа; поднялась буря ужасная, какъ-будто для довершенія сходства Наполеона съ Кромвелемъ. Бурею вырвало любимую иву, подъ сѣнію которой изгнанникъ часто наслаждался свѣжимъ вѣтеркомъ; и всѣ почти деревья около Лангвуда раздѣлили ту-же участь. Послѣднія слова, произнесенныя устами его, были: tête d'arméé, доказательство, что мысли умирающаго носились надъ полемъ битвы» [1]).

---

[1]) Въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. I, мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ жизни Наполеона на о. св. Елены. Тамъ говорится: «По письмамъ съ о. св. Елены, извѣстны намъ нѣкоторыя подробности о жизни и занятіяхъ Бонапарта. Лонгвудъ и весь о. св. Елены очень подробно описаны, недавно вышли гравированные рисунки и планы внутреннихъ покоевъ, которые занимаетъ заключенный.—Тутъ видно канапе, гдѣ онъ обыкновенно сидитъ; каминъ, на которомъ стоитъ мраморный бюстъ сына Наполеона; на стѣнѣ также висятъ пять его изображеній, два портрета императрицы, и изъ сихъ портретовъ бывшаго римскаго короля одинъ вышивала сама

Въ той-же книжкѣ «Московскаго Вѣстника», въ которой помѣщены отрывки изъ Жизнеописанія Наполеона, находится разборъ этого сочиненія Вальтеръ-Скотта. Въ разборѣ говорится, что оно надѣлало много шума въ литературномъ мірѣ. Біографія содержитъ 9 томовъ; первые два тома заняты описаніемъ революціи. По словамъ разбора, многіе остались недовольны произведеніемъ Вальтеръ-Скотта: французы бранили автора за то, что онъ будто-бы, по народному пристрастію, не отдалъ должной справедливости бывшему ихъ императору; англійскіе оппозиціонные журналы за то, что онъ посылалъ нѣкоторыя мѣста своей исторіи на разсмотрѣніе герцога Веллингтона и слѣдовалъ его поправкамъ; нѣмцы за то, что они въ новой исторіи находили прекрасныя описанія, не находя новыхъ идей и взглядовъ политическихъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ разбора, въ первые два дня послѣ появленія книги раскуплено было 5000 экземпляровъ. Одна французская газета сообщала, что автору предлагали 12,000 фунт. стерлинг. (300,000 руб.) за 8000 экземпляровъ исторіи Наполеона.

Какъ о всякомъ великомъ человѣкѣ, о Наполеонѣ и въ современномъ обществѣ и позже ходило много анекдотовъ. Мы часто встрѣчаемъ ихъ въ журналахъ 20 годовъ. Вотъ одинъ изъ такихъ анекдотовъ. Канова часто бесѣдовалъ самъ-третей съ Наполеономъ и Жозефиной въ Мальмезонѣ. Великій воинъ забавлялся надъ артистомъ. «Ты воюешь съ мраморомъ, говорилъ онъ, твои побѣды жестче моихъ»—И, можетъ быть, прочнѣе, отвѣчалъ Канова. Артистъ уговари-

---

Марія Луиза; маленькій столъ, на которомъ Бонапартъ завтракаетъ, желѣзная походная постель, на которой онъ спитъ; другая, гдѣ ложится, когда мучимъ безсонницею; въ кабинетѣ его стоитъ конторка, гдѣ онъ обыкновенно трудится. Столовая зала, гдѣ Бонапартъ всегда обѣдаетъ съ Гургодомъ, съ г-мъ и г-жей Монтолонъ; столъ его продолжается не болѣе 15 или 18 минутъ. До обѣда онъ играетъ въ шахматы; послѣ стола обыкновенно спрашиваетъ своихъ посѣтителей: съ чего начинать, съ комедіи или съ трагедіи? и тогда одинъ изъ присутствующихъ начинаетъ громко читать сцены изъ Корнеля, или Расина, или Мольера. Въ 11 часовъ вечера ложится онъ спать, и называетъ это побѣдою времени».

валъ Наполеона отдыхать на лаврахъ, наслаждаться могуществомъ и не играть жребіемъ. Императоръ смѣялся надъ его страхомъ и говорилъ: я даю новыя сраженія, какъ ты дѣлаешь новыя статуи.

Разбирая литературныя произведенія, посвященныя характеристикѣ личности Наполеона, журналы иногда вдавались въ обширныя разсужденія объ историческомъ значеніи этого человѣка. Такими разсужденіями наполненъ, напримѣръ, разборъ одного стихотворенія, подъ названіемъ «Наполеонъ», помѣщенный въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 г., ч. 9. Критикъ начинаетъ свой отзывъ о стихотвореніи такимъ образомъ: «Память человѣка великаго долго бываетъ источникомъ вдохновеній поэтическихъ. Кажется, всякій, по силѣ и средствамъ, считаетъ за долгъ принести свою дань представителю человѣчества. Хотя Наполеонъ, сей метеоръ 19-го вѣка, давно уже началъ отъ насъ удаляться, но все еще онъ, по близости своей къ намъ, слишкомъ огроменъ, и потому наши взоры не могутъ обнять въ немъ цѣлаго. Еще много, много пройдетъ вѣковъ, пока онъ не предстанетъ въ круглой полнотѣ своей, доступной зрѣнію одного потомства. До-сихъ-поръ все человѣчество еще не могло собрать вкупѣ всего того, что сей человѣкъ завѣщалъ ему и дѣломъ, и словомъ. Мы доселѣ не въ силахъ отличить въ немъ существеннаго отъ случайнаго; не можемъ найти центра, въ которомъ соединялись-бы всѣ радіусы его дѣйствій, простирающіеся по безконечной окружности; не можемъ найти рамы, въ которой могло бы вмѣститься его исполинское изображеніе. Вотъ почему все, что ни писали до-сихъ-поръ чисто историческаго о сей великой загадкѣ исторіи, такъ мало соотвѣтствовало желаніямъ людей мыслящихъ. Намъ суждено еще болѣе инстинктомъ и въ однѣхъ частяхъ постигать величіе и характеръ Наполеона, нежели разумомъ понимать его и опредѣлять каждое его дѣйствіе. Не въ этомъ-ли, наконецъ, заключается и причина того, почему одинъ изъ первенствующихъ въ литературномъ мірѣ мужей сего вѣка не могъ вполнѣ удовлетворить требованію своихъ современниковъ?

Если исторія не могла еще вмѣстить въ свои предѣлы

колоссальнаго Наполеона и въ ряду протекшихъ поколѣній поставить его вѣрное изображеніе на видъ человѣчеству, то тѣмъ менѣе могла себѣ его присвоить поэзія, которая изъ преданій минувшаго въ свой міръ, исполненный жизни, вызываетъ только тѣни, пріявшія образъ опредѣленный. Вопросъ: почему Наполеонъ доселѣ не могъ быть предметомъ ни трагедіи, ни поэмы, тѣсно связанъ съ важнымъ вопросомъ въ теоріи искусства: какое отношеніе имѣетъ исторія къ поэзіи, и подъ какими условіями лица первой могутъ переходить въ міръ идеальный? Здѣсь не мѣсто отвѣчать на него; мы рады были только случаю напомнить о немъ читателямъ.

Все, что доселѣ поэзія сказала о Наполеонѣ, ограничивалось одними только размышленіями, которымъ невольно всякій предается при чтеніи современныхъ лѣтописей о дѣлахъ его.

Послѣ этого вступленія, критикъ приводитъ нѣкоторыя мысли и мѣста изъ разбираемаго стихотворенія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ образецъ того, что наши тогдашніе поэты говорили и думали о Наполеонѣ: «Сынъ судьбы возникъ, вострепетало твореніе, но не бойся, міръ!—его уже нѣтъ.—Онъ, какъ все чудесное въ природѣ, покрытъ былъ тайною: Океанъ воспиталъ младенца, Океанъ воспріялъ его.—Какъ села, напуганныя бурями, оживившими нивы, изъ рода въ родъ передаютъ страшный разсказъ о нихъ, такъ о немъ говоритъ потомство, и проклиная его, и изумляясь ему.—Нѣтъ, не проклинай его, смертный!—можетъ быть, ты въ немъ клянешь законъ вселенной.—Кто былъ этотъ смертный, который раздавалъ царства и сокрушалъ ихъ, котораго цѣлый міръ едва могъ свести съ трона? Кто игралъ смертію и сносилъ жизнь по паденіи?—Это былъ Наполеонъ».

И самъ онъ вспоминалъ, какъ нѣкій дивный сонъ,
Сей трона блескъ, сей блескъ воинственнаго стана,
Когда узрѣлъ себя, внезапно пробужденъ,
На камнѣ, одного, въ пустынѣ океана;
Когда, склонивъ къ мечтамъ усталую главу,
Онъ видѣлъ весь свой путь съ края на край вселенны,
Маренго, Австерлицъ и въ пламени Москву
И скалы дикія Елены!

Впрочемъ, не всѣ изъ писавшихъ о Наполеонѣ въ 20 годахъ такъ благосклонно отзывались о немъ. Въ сочиненіи Н. Муравьева, члена многихъ ученыхъ обществъ своего времени, называющемся: «Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія», между прочимъ, о Наполеонѣ сказано: «онъ, сидя въ клѣткѣ своей, послѣдніе четыре года страдалъ съѣданіемъ рака его желудка. Онъ началъ свое поприще въ свѣтѣ и продолжалъ, и кончилъ оное революціоннымъ цырюльникомъ, пушкаремъ. Ни ума, ни доброты, ни чести никогда въ немъ не было болѣе того, что могло принадлежать сему званію».

Указывались въ журналахъ и произведенія иностранной литературы о Наполеонѣ, каковы, напримѣръ, Vie politique et militaire de Napoléon, авторомъ котораго считали Жомини, Napoléon en Egypte, Бартелеми, и т. п. При указаніи на первое изъ этихъ произведеній въ «Московскомъ Вѣстникѣ» приводится отзывъ о немъ изъ Revue Encyclopedique, въ которомъ онъ ставится выше «Жизнеописанія,» составленнаго Вальтеръ-Скоттомъ, упрекаемымъ въ пристрастіи, аристократизмѣ и феодализмѣ и превращеніи исторіи въ романъ. Второе произведеніе, поэма, характеризуется какъ сочиненіе, заслужившее большія похвалы въ иностранной литературѣ. Поэма содержитъ, между прочимъ, описаніе сраженія при пирамидахъ, биваковъ войскъ, вступленіе въ Каиро, разлитіе Нила и т. д.—Въ произведеніяхъ иностранной литературы въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 г., ч. 7-я, при разборѣ сочиненій Шатобріана, приводится, между прочимъ, параллель, проводимая послѣднимъ между Вашингтономъ и Наполеономъ, причемъ въ одномъ мѣстѣ говорится: «Бонапартъ не имѣетъ ни одной черты важнаго американца: онъ сражается на древней землѣ, окруженной блескомъ и шумомъ исторіи; онъ хочетъ создать одну свою славу, печется только о своемъ жребіи. Онъ предугадываетъ, что его посланіе на землѣ будетъ кратковременно, что потокъ, съ такой высоты бѣгущій, быстро промчится; онъ спѣшитъ исчерпать сластолюбіе славы, какъ молодости летучей. Подобно богамъ Омировымъ, онъ четырьмя шагами хочетъ достигнуть предѣловъ міра; онъ является на всѣхъ берегахъ; поспѣшно вноситъ имя свое въ лѣтописи

всѣхъ народовъ; на лету бросаетъ короны своему семейству и солдатамъ; торопится воздвигать памятники, писать законы, одерживать побѣды. Имя Бонапарта также повторится племенами грядущими; но съ нимъ не сольется ни единое благословеніе, и на него, какъ на законъ, будутъ ссылаться завоеватели-притѣснители».

Въ 7 части «Московскаго Вѣстника» 1828 г. приводится басня Наполеона, знакомящая насъ съ нимъ какъ съ поэтомъ. Она написана имъ въ Бріэннѣ, въ 1783 г., на 16 году его жизни. Называется она Le Chien, le Lapin et le chasseur и начинается такъ:

Cesar, chien d'arret renommé.
Mais trop enflé de son mérite;
Tenait arrête dans son gîte
Un malheureux Lapin de peur inanime, и проч.

Дѣлая общее заключеніе о журнальныхъ статьяхъ 20-хъ годовъ, касающихся личности Наполеона, нужно замѣтить, что въ нихъ мы, съ одной стороны, знакомимся съ взглядами, существовавшими относительно его въ указанное время въ обществѣ и литературѣ, а съ другой—находимъ въ нихъ довольно значительный запасъ матеріаловъ для знакомства съ названною историческою личностью.

Въ числѣ другихъ лицъ, дѣйствовавшихъ на политическомъ поприщѣ и обратившихъ на себя вниманіе журналовъ двадцатыхъ годовъ, выдается знаменитый англійскій министръ Каннингъ, умершій въ 1827 г. Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 г., ч. 3, помѣщена краткая біографія этого знаменитаго человѣка. Въ ней говорится о его происхожденіи, школьныхъ занятіяхъ, адвокатурѣ, парламентской дѣятельности, въ качествѣ представителя отъ разныхъ мѣстечекъ, дѣйствіяхъ и взглядахъ какъ министра, борьбѣ съ оппозиціей и т. д. Въ концѣ статьи высказывается, между прочимъ, такой взглядъ на Каннинга: «Сему необыкновенному человѣку нашего времени вообще приписываютъ отличную способность къ публичнымъ преніямъ и разбирательствамъ; съ пріятною наружностью соединяетъ онъ рѣдкую живость характера; разговоръ его исполненъ сарказмовъ, и парламентскія рѣчи его носятъ

на себѣ печать сатирической склонности. Каннингъ никогда не бываетъ такъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, какъ въ то время, когда поражаетъ своего противника прямыми личностями. Быстрое его возвышеніе возбудило противъ него толпу враговъ и завистниковъ, которые несправедливость свою простираютъ иногда слишкомъ далеко и въ нападеніяхъ выходятъ изъ границъ умѣренности».—Въ 5 ч. того-же журнала, за 1827 г., помѣщена замѣтка о смерти Каннинга. «Всѣ европейскіе политическіе журналы, говорится въ ней, наполнены извѣстіями о смерти Каннинга, послѣдовавшей сего августа 8 числа, по новому стилю. Едва-ли былъ кто-нибудь изъ частныхъ людей, который-бы до такой степени возбуждалъ общее вниманіе, какъ сей англійскій министръ. Въ отечествѣ его дни его болѣзни были днями общаго сѣтованія, и Англія, лишась его теперь, облекается въ одежду печали. Дюпень, славный статистикъ французскій, напечаталъ письмо къ редактору Journal des debats, въ коемъ онъ предлагаетъ выбить медаль въ честь покойнаго. Южная Америка, говоритъ онъ, оплачетъ министра миротворца, который первый привѣтствовалъ ее, какъ державу независимую, и потомъ старался утѣшить смятенія, ее раздирающія. Португалія оплачетъ министра, который спасъ ее отъ чуждаго вторженія и ужасовъ войны междоусобной. Греція оплачетъ министра, который бралъ ее подъ свое покровительство во время гибели и рѣшительно утверждалъ, что чада эллиновъ должны получить землю отцовъ своихъ. И всѣ народы оплачутъ великаго человѣка, который являлъ въ своихъ дѣйствіяхъ, до какой степени онъ хотѣлъ и умѣлъ осуществить свою мысль, намъ прежде всѣхъ достойно ввѣренную». Статьи о Каннингѣ не ограничиваются журналами 20-хъ годовъ; онѣ встрѣчаются и въ журналахъ 30-хъ годовъ; о послѣднихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Будучи не совсѣмъ чужда явленій политической жизни и упоминая о нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятеляхъ на политическомъ поприщѣ, журналистика 20-хъ годовъ гораздо больше обращала вниманія на вопросы научные и отводила на своихъ страницахъ больше мѣста для характери-

стики дѣятелей на ученомъ поприщѣ, особенно отечественныхъ. Сюда относятся Гумбольдтъ, Шлецеръ, А. В. Шлегель, Эйхгорнъ и другіе подобные ученые, а между отечественными дѣятелями преимущественно Карамзинъ. Нельзя не поставить въ заслугу журналистикѣ 20 годовъ того, что она довольно усердно знакомила публику съ ихъ замѣчательными произведеніями. Такъ, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1827 г. помѣщены отрывки изъ сочиненія Гумбольдта «Политическое обозрѣніе новой Испаніи». Тамъ-же говорится о Гумбольдтѣ слѣдующее: «Мы получили извѣстіе, что знаменитый Гумбольдтъ, въ началѣ ноября, началъ въ Берлинѣ свои физико-географическія лекціи. Число желавшихъ слушать его было такъ велико, что онъ принужденъ былъ начать второй курсъ для тѣхъ, кои не могли достать билетовъ на первый. Говорятъ, что описать нельзя, съ какимъ восторгомъ внимаютъ его чтеніямъ. Между слушателями видятъ министровъ, генераловъ. По просьбѣ берлинскихъ дамъ, Гумбольдтъ вскорѣ начнетъ для нихъ особый курсъ физической географіи». Подобныя краткія извѣстія помѣщались обыкновенно въ отдѣлѣ смѣси или разныхъ извѣстій.

Важныя услуги, принесенныя Шлецеромъ исторіи и статистикѣ, не могли не обратить на него вниманія журналистики двадцатыхъ годовъ. Особенно естественно было указать на нихъ Погодину, ревностному его почитателю, что и сдѣлано было имъ въ его журналѣ, въ переводной статьѣ изъ Герена, подъ названіемъ «Августъ Людвигъ Шлецеръ». [1]) По мнѣнію Герена, ни одинъ изъ нѣмецкихъ историковъ не имѣлъ такого сильнаго вліянія на свой вѣкъ, какъ Шлецеръ: вліяніе прочихъ ограничивалось литературою; его вліяніе простиралось и на дѣйствительную жизнь. Его занятія имѣли практическое направленіе. Придавая большое значеніе вопросамъ объ учрежденіи государствъ, онъ придавалъ еще большее значеніе вопросамъ объ управленіи ими. Это-то обстоятельство доставило его произведеніямъ доступъ къ людямъ государственнымъ. Историческія изслѣдованія Шлецера на-

---

[1]) Московскій Вѣстникъ, ч. 4, стр. 315.

чались исторіею сѣвера. Первымъ его положеніемъ было то, что все, считавшееся по отношенію къ этому предмету извѣстнымъ, большею частію баснословно и, слѣдовательно, должно быть отвергнуто. Въ сѣверной и преимущественно въ русской исторіи Шлецеръ является не столько писателемъ исторіи, сколько изыскателемъ матеріаловъ для нея. Главнымъ произведеніемъ Шлецера является критическій разборъ Несторовой лѣтописи. Къ сожалѣнію, его занятія русскою исторіею были прерваны его возвращеніемъ въ Геттингенъ. Здѣсь онъ задумалъ писать всеобщую исторію, по совершенно особенному и обширнѣйшему плану. Сначала онъ хотѣлъ изложить исторію всѣхъ народовъ порознь, числомъ около 200, каждаго на полулистѣ, изложивъ событія безъ всякаго объ нихъ разсужденія, сжавъ ихъ, какъ сжимаютъ хлопчатую бумагу на индійскихъ корабляхъ, центнеръ въ пространство кубическаго фута. Изъ сей суммы должно было сочинить систему, совершенно новый трудъ, который преимущественно долженъ былъ заключать исторію образованія и, слѣдовательно, открытій. Шлецеръ для опыта началъ было писать исторію вина; но это ему не удалось; во всемъ остальномъ онъ успѣлъ еще менѣе. Заслуги Шлецера въ статистикѣ весьма велики, хотя онъ-же способствовалъ распространенію въ ней нѣкоторыхъ ложныхъ взглядовъ. Онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе вещественнымъ силамъ государства, высказавши положеніе, что основная сила государства состоитъ въ народонаселеніи, которую онъ измѣрялъ только по количеству, не обращая вниманія на качество. До Шлецера, въ статистикѣ, говоритъ Геренъ, царствовала почти невѣроятная таинственность. Объ обыкновенныхъ явленіяхъ разсуждали какъ о тайнахъ государственныхъ; ни одинъ служащій не говорилъ объ нихъ свободно, или потому, что считалъ сіе опаснымъ, или потому, что присяга ясно запрещала ему это. Бродили во тьмѣ не только при собраніи податей, но и при ихъ распредѣленіи и возвышеніи; а посему не были въ состояніи оцѣнить настоящаго положенія государства, и статистика должна была остаться сплетеніемъ заблужденій и ложныхъ понятій.

Шлецеръ первый разогналъ сію таинственность и тѣмъ доставилъ наукѣ ея истинное достоинство. [1])

Шлецеръ былъ замѣчателенъ и какъ журналистъ. Въ его журналахъ находили убѣжище всѣ угнетенные, что заставляло угнетателей внимательнѣе относиться къ своимъ дѣйствіямъ. «Какъ скоро появлялся новый нумеръ журнала, то нѣсколько тысячъ экземпляровъ расходились по всей Германіи, и даже въ кабинетѣ Маріи Терезіи часто спрашивали: не вышелъ-ли «новый Шлецеръ?»

Въ журналѣ Погодина, при разборѣ произведеній иностранной литературы, мы часто встрѣчаемъ такія имена, какъ: Тьерри, Мишо, Ранке, Галламъ и др. Нѣкоторые изъ разборовъ довольно обстоятельны. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежитъ разборъ «Критическихъ сочиненій А. В. Шлегеля». Въ немъ, между прочимъ, выражается слѣдующій, довольно справедливый, взглядъ на этого писателя, оказавшаго вліяніе и на нашу литературу: «Хотя мы должны сказать откровенно, что Шлегель не совсѣмъ былъ безпристрастенъ къ произведеніямъ эстетическимъ въ частности и нерѣдко слишкомъ увлекался иными, а другія слишкомъ отвергалъ; но по истинѣ должны сказать и то, что онъ никогда не переставалъ въ критикѣ своей отдавать должную дань духу изящества, генію и таланту. Будучи самъ одаренъ возвышеннымъ поэтическимъ чувствомъ и многообразно его развивши, онъ всегда вѣрно умѣлъ чувствовать истинно прекрасное и геніальное, отличать ихъ отъ противнаго и представлять въ надлежащемъ свѣтѣ. Ни односторонній эмпиризмъ, ни умозрѣніе не помрачали его свободнаго взгляда, съ восторгомъ встрѣчавшаго все высокое, прекрасное, благородное; симъ-же восторгомъ одушевленный, Шлегель пускался въ обширныя изученія, сопряженныя съ трудами великими, польза коихъ признана единогласно».

Много блестящихъ именъ видимъ мы въ западной ученой литературѣ 20-хъ годовъ. Въ ихъ ряду стоятъ Риттеръ, Ранке, Геренъ, Нибуръ, Эйхгорнъ, Шамполліонъ, Мишо, Тьерри,

---

[1]) М. В., стр. 328.

Галламъ и другіе. Русская современная журналистика, какъ мы сказали, старалась, по мѣрѣ силъ и возможности, знакомить съ ихъ произведеніями русскую публику. Но она, конечно, не могла въ достаточной полнотѣ передать все цѣнное, все замѣчательное въ ихъ произведеніяхъ. Для этого у нея не было средствъ и возможности. Причина лежала отчасти и въ нѣкоторыхъ редакторахъ журналовъ, которые не могли возвыситься до безпристрастнаго отношенія къ западной наукѣ и передавали читающей публикѣ только то, что наиболѣе соотвѣтствовало ихъ личному вкусу и воспитаннымъ временемъ взглядамъ, и притомъ не торопясь. Кромѣ того, въ журналахъ нужно было отводить значительное мѣсто для легкихъ статей, которыя находили болѣе обширный кругъ читателей. Въ этомъ отношеніи характеристично замѣчаніе, сдѣланное Погодинымъ въ его журналѣ послѣ помѣщенія программы лекцій въ нѣкоторыхъ изъ заграничныхъ университетовъ. Приведши на нѣсколькихъ страницахъ имена современныхъ западныхъ профессоровъ, онъ, какъ видно, съ укоромъ и прискорбіемъ говоритъ: «До насъ, въ Москву, дошла слава только нѣкоторыхъ геттингенскихъ профессоровъ: Блуменбаха, Герена, Бутервека, Заалфельда, Гуго, Сорторіуса, Миччерлиха, Гардинга, Шрадера».

На страницахъ журналовъ 20-хъ годовъ много мѣста было отведено Карамзину. Его «Исторія Государства Россійскаго» надѣлала много шума въ свое время. Нашлось много поклонниковъ, нашлись и порицатели. Между послѣдними съ особеннымъ ожесточеніемъ напалъ на Карамзина Арцыбышевъ, замѣчанія котораго помѣщены въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 28 года. Они съ удовольствіемъ были приняты Погодинымъ въ его журналъ и возбудили потомъ сильную полемику. Помѣщая ихъ, Погодинъ предпослалъ имъ такого рода замѣтку: «Исторія Государства Россійскаго заключаетъ въ себѣ еще множество предметовъ, которые требуютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія, объясненія, изслѣдованія. По времени, въ которое она писана, когда матеріалы не были приготовлены критически, невозможно и требовать, чтобъ было иначе. Еще много, много лѣтъ пройдетъ, пока намъ нельзя будетъ имѣть совершенной исторіи

въ такихъ предѣлахъ, какіе положилъ себѣ Карамзинъ, хотя-бы родился человѣкъ, имѣющій всѣ способности для этого подвига. Смотря на исторію Карамзина въ отношеніи къ исторической критикѣ, ее можно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, назвать указательницею задачъ, которыхъ разрѣшеніе необходимо для будущей исторіи. Друзья истины и науки должны желать, чтобъ задачи сіи разрѣшались болѣе и болѣе, и чтобъ мы, такимъ образомъ, скорѣе узнали великое свое отечество. Съ сею цѣлію просилъ я у Н. С. Арцыбышева замѣчаній на сочиненіе исторіографа. Кто имѣетъ право дѣлать такія замѣчанія болѣе человѣка, который двадцать пять лѣтъ, отшельникомъ, занимается Россійскою исторіею и такъ коротко знакомъ съ нашими лѣтописями»?

Начиная свои замѣчанія, Арцыбышевъ прежде всего оказывается недовольнымъ названіемъ труда Карамзина. Онъ утверждаетъ, что слово *исторія* требуетъ предложнаго падежа съ предлогомъ *о* или *объ*; слѣдовательно, нужно было дать такое названіе: Исторія о государствѣ россійскомъ. Слогъ исторіи Карамзина онъ называетъ болѣе *провозглашательнымъ*, нежели *историческимъ*. Онъ говоритъ, что въ ней встрѣчается много чужеземныхъ выраженій, множество словъ напыщенныхъ, язвительныхъ (*безразсудное* намѣреніе, *измѣнникъ*, *злодѣй*, *изверъ*, *предатель*, *вертепъ разбойниковъ*), иностранныхъ (*хронологическое*, вмѣсто лѣтосчислительное, *біографія*, вмѣсто жизнеописаніе) и лишнихъ проименованій (*мужественный* Олегъ, *славный* воевода Свѣнельдъ, *юнсный* любимецъ). Въ Исторіи онъ видитъ много лишняго, посторонняго; постороннее, по его мнѣнію, составляетъ почти всю первую и третью главу въ первомъ томѣ. «Дойдетъ-ли очередь до нашествія татаръ, говоритъ онъ, то г. исторіографъ силится описывать подвиги Чингисхана; коснется-ли рѣчь до вступленія Тамерланова въ наши юговосточные предѣлы, то вся почти исторія о семъ завоевателѣ явится предъ взоры читающаго. Такое суесловіе наскучиваетъ, особенно въ описаніи басенъ и собственномъ мудрованіи сочинителя нашего, что́ не рѣдкость въ его произведеніи. [1]) Относительно замѣ-

[1]) Московскій Вѣстникъ 28 г., ч. 11, стр. 292.

чанія Карамзина»: Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого» критикъ говоритъ: «оно не устрашило-бы насъ, читателей, если бы всѣ означенныя примѣчанія и выписки были дѣльны; а какъ есть изъ нихъ такія, кои показываютъ только *желаніе блистать умомъ или казаться глубокомысленнымъ*, иныя даже совсѣмъ ненужныя; то онѣ дѣйствительно и насъ устрашаютъ». «Всего болѣе пренебреженъ г. исторіографомъ порядокъ лѣтосчислительный, замѣчаетъ онъ далѣе; годовыя числа хотя поставлены въ «Исторіи Государства Россійскаго» на краяхъ страницъ, но не означено, къ которымъ словамъ сіи числа принадлежатъ. Читатель видитъ иногда на краю два числа и недоумѣваетъ, къ какому году приписать изъясненныя подъ ними событія? Такое нерадѣніе лишаетъ будущаго дѣеписателя удобности, во многихъ случаяхъ, ссылаться прямо на «Исторію государства Россійскаго», а особливо, если онъ замѣтитъ еще, что въ ней поставлены годовыя числа иногда на удачу (наприм., завоеваніе Болгаріи Святославомъ въ 970 г.)». [1])

Послѣ общихъ замѣчаній Арцыбышевъ переходитъ къ частному разбору исторіи Карамзина. Въ первой главѣ онъ находитъ, между прочимъ, слѣдующія ошибки у послѣдняго и поправляетъ ихъ. У грековъ и римлянъ сохранились извѣстія не о древнемъ нашемъ отечествѣ, а объ южныхъ предѣлахъ онаго. Названіе *славяне* нельзя производить отъ слова *слава*, такъ-какъ ни одно изъ древнихъ славянскихъ именъ не кончается на *славъ*. Славяне не были такъ ужасны для греческой имперіи, какъ гунны (ссылка на Прокопія Кесарійскаго), въ описаніи нападенія славянъ на Византію при Юстиніанѣ находится много вымышленнаго. Во второй главѣ дѣлаются такія поправки. Показывая древнѣйшую землю славянъ, Карамзинъ ошибается: хотя она была тамъ, гдѣ Угорская и Болгарская, но на лѣвомъ берегу Дуная; свидѣтель тому Прокопій Кесарійскій. Время основанія Полоцка извѣстно (Радзивиловскій списокъ лѣтописи). У Нестора нѣтъ

---

[1]) Тамъ-же, 294 стр.

ничего о томъ, что финны до прибытія Рюрика имѣли уже города; нѣтъ и того, что до этого времени славяне русскіе въ теченіе многихъ столѣтій не знали иного правленія, кромѣ народнаго [1]). Въ третьей главѣ критикъ порицаетъ Карамзина за то, что онъ приписываетъ славянамъ высокій ростъ и мужественную пріятность лица, ссылаясь на Прокопія и Маврикія, которые ничего не говорятъ объ этомъ. Нигдѣ нельзя найти доказательства тому, что славяне, не зная еще грамоты, имѣли свѣдѣнія въ ариѳметикѣ и хронологіи, дали названія мѣсяцамъ и называли столѣтіе вѣкомъ. Слово *князь* нельзя производить отъ слова *конь*. Русскіе славяне искони состояли подъ единодержавною властью. Славянскіе обряды нельзя объяснять финскими. Въ другихъ главахъ дѣлаются такія поправки: Рюрикъ прибылъ не въ Новгородъ, а въ Ладогу, Олегъ былъ не опекуномъ Игоря, а настоящимъ правителемъ, въ лѣтописи ничего не говорится о томъ, что этотъ князь поручилъ отдаленныя области въ управленіе вельможамъ, казарскій ханъ не господствовалъ въ Витебской губерніи, переводъ договора Олега съ греками не вѣренъ, Асмудъ не былъ бояриномъ, сказанія о мести Ольги—отвратительнѣйшія сказки, слово *перевѣсище* означаетъ не мѣсто сѣтей, а *перевозъ*, *перевезище*, Святославъ воротился изъ Болгаріи не съ горстью воиновъ, а съ 22,000 человѣкъ (Левъ Діаконъ), Доростолъ—не нынѣшняя Силистрія, гридни были не тѣлохранители (гл. IX), а *горничные*, служители, извѣстія скандинавскихъ и нѣмецкихъ лѣтописцевъ о торговлѣ древней Россіи съ сѣверными народами не могутъ считаться достовѣрными. [2])

Мы привели только нѣкоторыя изъ замѣчаній Арцыбышева на исторію Карамзина. Указать ихъ всѣхъ нѣтъ возможности, такъ-какъ ихъ масса. Тонъ замѣчаній самый неуважительный и насмѣшливый. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: «довольно красиво, да только не очень справедливо»; г. исторіографъ забылъ уже написанное имъ»; «намъ осталось дивиться г. исторіографу, что онъ не упустилъ и здѣсь приба-

---

[1]) Московскій Вѣстникъ, ч. II, стр. 295—318.

[2]) Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. 12, стр. 52, 254 и слѣд.

вить отъ себя»; «опять собственная выдумка нашего дѣеписателя», такъ великолѣпно испортилъ г. исторіографъ слова харатейныхъ списковъ»; «бытописатель нашъ отгадываетъ даже и помышленіе»; «самъ нашъ историкъ доказываетъ несправедливость своего повѣствованія»; «нашъ дѣеписатель измѣняетъ повѣствованія Несторовы» и т. д.

Нападки Арцыбышева не остались безъ отвѣта и отпора. Въ Московскомъ Вѣстникѣ 28 г., ч. 12, было помѣщено опроверженіе въ защиту Карамзина. Въ началѣ авторъ спрашиваетъ: «Кто такой г. Арцыбышевъ? Извѣстенъ-ли онъ чѣмъ-либо въ кругу литераторовъ? Мнѣ онъ извѣстенъ только по критическимъ выходкамъ на Исторію Россійскаго Государства... и по «приступу къ повѣсти о русскихъ, изданному еще въ 1811 году». Главнѣйшія его замѣчанія слѣдующія: Арцыбышевъ, живя 25 лѣтъ отшельникомъ, вздумалъ преподавать грамматику временъ Тредьяковскаго, по которой не приходится сказать: Исторія Государства Россійскаго. Въ наше время и пишутъ и говорятъ, замѣчаетъ защитникъ: *исторія россійская* или *исторія Россіи*, а не *исторія объ Россіи*». Нельзя сказать, что расположеніе исторіи Карамзина заимствовано у Юма, на томъ основаніи, что исторія послѣдняго тоже раздѣлена на главы и предъ началомъ главы выставлены перечни; это у людей ученыхъ, замѣчаетъ защитникъ, называется: baculus in angulo, ergo pluit. «Г. Арцыбышевъ охуждаетъ также и слогъ исторіографа, который всѣми почитается образцовымъ [1]). Онъ охуждаетъ слогъ сей за то, что онъ не сухъ. Но долженъ-ли историческій слогъ быть сухимъ? Говоря душѣ человѣческой, историкъ долженъ трогать всѣ ея струны, и слогъ его долженъ быть гибкимъ, разнообразнымъ, какъ душа человѣческая». Противъ обвиненія въ напыщенности онъ говоритъ: «неужели слова, проникающія прямо во глубину души русской, могутъ назваться напыщенными?» Наше древнее отечество не на сѣверѣ, а на

---

[1]) Относительно этого мѣста Погодинъ дѣлаетъ внизу слѣдующее замѣчаніе: Въ мнѣніи о слогѣ, говоря вообще, я совершенно не согласенъ съ г. Арцыбышевымъ.

югѣ [1]), замѣчаетъ онъ далѣе; слѣдовательно, Карамзинъ правъ, сказавъ, что греки и римляне писали о древнемъ нашемъ отечествѣ; самъ Арцыбышевъ помѣщалъ его прежде на югѣ. Имя *славяне* можетъ происходить отъ *славы* и не можетъ происходить отъ *слова*; доказательство можно найти у Шлецера [2]). Сдѣлавши еще одно опроверженіе, защитникъ далѣе говоритъ: Но должны-ли мы проходить по порядку всѣ таковыя странности? [3]) Должны-ли мы отвѣчать на тѣ выходки, которыя не достойны благомыслящаго человѣка? г. Арцыбышевъ смотритъ на вещи *своимъ манеромъ*; и должно объ этомъ сожалѣть; ибо его сужденія не приведутъ и его самого ни къ чему полезному, кромѣ потери времени на выисканіе выраженій, которыя ему не нравятся... Положилъ перо и будемъ утѣшаться тѣмъ, что совѣсть наша не укоритъ насъ въ неуваженіи къ праху знаменитаго изъ нашихъ согражданъ. Такъ! мы умѣемъ отдавать всю справедливость безсмертнымъ заслугамъ Карамзина. Память его должна быть священна для насъ не потому только, что онъ возвысилъ языкъ нашъ до степени образованныхъ европейскихъ языковъ, но потому наиболѣе, что онъ одинъ не только собралъ все то, что относится до матеріаловъ отечественной исторіи, но и написалъ исторію, поставившую его, по словамъ иностранныхъ рецензентовъ, на ряду съ славнѣйшими историками древнихъ и позднѣйшихъ временъ. [4])

Помѣстивши замѣчанія Арцыбышева, Погодинъ, какъ видно, нажилъ себѣ много непріятностей и непріятелей. Его начали

---

[1]) М. Г., замѣчаетъ Погодинъ, ядро нашего государства на сѣверѣ... Объ этомъ-то нашемъ древнемъ отечествѣ древніе ничего не знали, говоритъ Арцыбышевъ, и справедливо.

[2]) Предоставимъ дѣтямъ спорить объ этомъ словопроизводствѣ. Загляните, М. Г., въ Добровскаго, и тамъ вы увидите, что *слава* и *слово* происходятъ отъ одного корня, прибавляетъ Погодинъ.

[3]) Внизу слова Погодина: немного-же вы прошли.

[4]) Далѣе защитникъ приводитъ отзывы иностранныхъ журналовъ о Карамзинѣ: Le courier, 5 octobre 1819, № 107, L'impartial, 2 Ianvier 1820, Archive des Letres, 17 Decembre 1819, Le Constitutionel, 4 Iuillet 1820, тотъ-же журналъ 13 octobre 1820.

осаждать письмами, направленными къ защитѣ писателя, которымъ гордилась въ то время мыслящая Россія. Въ 12 части Московскаго Вѣстника за 28 г. помѣщено письмо *Z.*, въ которомъ говорится слѣдующее: «М. Г. Къ крайнему моему сожалѣнію, прочелъ я въ послѣдней книжкѣ Московскаго Вѣстника замѣчанія г. Арцыбышева на Исторію Государства Россійскаго, сочиненную Н. М. Карамзинымъ. Я не понимаю, какимъ образомъ вы *осмѣлились* дать мѣсто въ вашемъ журналѣ брани на твореніе, которое мы привыкли почитать совершеннѣйшимъ, брани, за которую вамъ отвѣчать будетъ можетъ быть, очень трудно». Погодинъ отвѣчалъ на это письмо такимъ, чрезвычайно умнымъ и благороднымъ, образомъ: «М. Г. Очень радъ, что вы скрыли свое имя и тѣмъ дали мнѣ право отвѣчать вамъ *безъ всякихъ окомичностей*».

«Двадцатипятилѣтнія занятія россійскою исторіею и такой трудъ, какъ сводъ всѣхъ русскихъ лѣтописей, изъ коего отрывки извѣстны уже публикѣ, даютъ полное право г. Арцыбышеву судить объ исторіи, сочиненной Н. М. Карамзинымъ. *Просвѣщеные* соотечественники должны даже требовать отъ него мнѣнія о семъ важномъ твореніи, тѣмъ болѣе, что у насъ голосовъ такихъ собрать можно немного».

«Впрочемъ, о замѣчаніяхъ г. Арцыбышева, справедливыхъ и несправедливыхъ, воленъ думать и писать всякій, какъ ему угодно; я первый сказалъ, что тонъ его мнѣ не нравится, и готовъ помѣщать опроверженія на его статью, полезныя въ какомъ-либо отношеніи».

«Если-бы какой-нибудь молодой студентъ (не только г. Арцыбышевъ) прислалъ мнѣ статью, въ которой была-бы справедлива одна треть, четверть, десятая доля замѣчаній на Исторію Государства Россійскаго, и тогда я помѣстилъ-бы ее въ своемъ журналѣ, чтобъ принесть пользу наукѣ сею десятою долею справедливыхъ замѣчаній. Увѣренъ даже, что заслужилъ-бы симъ одобреніе Карамзина, если-бы онъ, къ счастію нашему, былъ живъ!»

«Такое правило отнюдь не мѣшаетъ мнѣ быть ревностнымъ почитателемъ Карамзина. Съ десятилѣтняго моего возраста (такъ писалъ я къ нему при посвященіи ему моего

разсужденія: О происхожденіи Руси) я началъ учиться у него и добру, и языку, и исторіи; время, употребленное мною въ школѣ на чтеніе его сочиненій, почитаю счастливѣйшимъ въ моей жизни, и никому на свѣтѣ,—повторю сказанное мною прежде,—не уступлю въ почтеніи къ незабвенному нашему писателю, въ признательности къ великимъ, полезнымъ трудамъ его».

«Исторія его двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ моего письменнаго стола; но до-сихъ-поръ я не осмѣлился произнести полнаго своего сужденія объ ней, давая время зрѣть моимъ мыслямъ, стараясь обогащаться опытомъ. Теперь, задѣтый за живое, то есть, подозрѣваемый въ чувствахъ моихъ къ памяти знаменитаго, мною *горячо любимаго*, писателя, я почитаю себя *обязаннымъ* сказать здѣсь нѣсколько словъ объ его исторіи».

«Исторія Россіи есть исторія полміра. Чтобъ приготовить матеріалы будущему ея художнику-соорудителю, по такому плану, какой предначерталъ себѣ Карамзинъ, должно теперь приняться за приготовительную работу сотнѣ такихъ людей, какъ митрополитъ Евгеній, Арцыбышевъ, Востоковъ, Калайдовичъ, Строевъ, Каченовскій, Языковъ, Кеппенъ, Эверсъ, Френъ, Кругъ.—Думать, что въ Исторіи Карамзина все то уже сдѣлано, что сіи люди при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли-бы сдѣлать [1]), есть темное, *темное невѣжество*. Карамзинъ физически не могъ этого сдѣлать. Требовать даже отъ него этого нельзя, точно такъ, какъ нельзя было требовать отъ Фидіаса, чтобъ онъ ломалъ себѣ мраморъ на островѣ Паросѣ, перевозилъ его въ Аѳины и проч. Мысль Карамзина писать Исторію въ 1803 г. есть одна изъ отважнѣйшихъ мыслей въ европейскомъ литературномъ мірѣ, хотя мы и должны благодарить его Ангела-хранителя за это вну-

---

[1]) Пройдя вдоль всю эту длинную дорогу, сказалъ мнѣ самъ Карамзинъ въ незабвенное для меня свиданіе съ нимъ (1825 года, декабря 26), я видѣлъ на право и на лѣво множество предметовъ, которыхъ обдѣлывать не могъ, и проч.—А вы, М. Г., думаете, что ужъ и дѣлать нечего.

шеніе, ибо имѣемъ теперь великолѣпный памятникъ языка въ нашей словесности».

«Карамзинъ великъ, какъ художникъ-живописецъ, хотя его картины часто похожи на картины того славнаго итальянца, который героевъ всѣхъ временъ одѣвалъ въ платье своего времени; хотя въ его Олегахъ и Святославахъ мы видимъ часто Ахиллесовъ и Агамемноновъ Расиновскихъ. Какъ критикъ, Карамзинъ только что могъ воспользоваться тѣмъ, что до него было сдѣлано, особенно въ древней исторіи, и ничего почти не прибавилъ своего. Какъ философъ, онъ имѣетъ меньшее достоинство, и ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтатъ мнѣ изъ его исторіи. Не угодно-ли, напримѣръ вамъ, М. Г., поговорить со мною о слѣдующемъ: чѣмъ отличается россійская исторія отъ прочихъ европейскихъ и азіатскихъ исторій? Апоѳегмы Карамзина въ Исторіи суть большею частію общія мѣста. Взглядъ его вообще на исторію, какъ науку—взглядъ невѣрный и это ясно видно изъ его предисловія».

«Относительныя, также великія, заслуги Карамзина состоятъ въ томъ, что онъ заохотилъ русскую публику къ чтенію исторіи, открылъ новые источники, подалъ нить будущимъ изслѣдователямъ, обогатилъ языкъ. Трудъ, совершенный имъ въ двѣнадцать лѣтъ, есть трудъ исполинскій».

«Повторяю—никакъ не рѣшился-бы я сказать *впередъ* сихъ словъ изъ будущаго предполагаемаго мною сочиненія о Карамзинѣ, если-бы не былъ вынужденъ обстоятельствами: Грѣхъ навасъ».

«Я предчувствовалъ, М. Г., что помѣщеніемъ замѣчаній г. Арцыбышева я возбужу противъ себя негодованіе безусловныхъ почитателей Карамзина; что кто-нибудь, *по правиламъ* журнальной тактики, воспользуется симъ негодованіемъ и слѣпитъ статейку на замѣчанія и противъ меня; но помѣстилъ ихъ, мимо всѣхъ отношеній, желалъ, какъ журналистъ, принесть пользу наукѣ, и бывъ увѣренъ, что истина, рано или поздно, возьметъ верхъ. Подумайте, М. Г., и всѣ вамъ подобные, что новое поколѣніе учится лучше прежняго; что въ одномъ московскомъ университетѣ воспитывается около 900 человѣкъ;

что скоро наступитъ время, когда на всякую отрасль знаній будетъ у насъ не по два, не по три воздѣлывателя, какъ теперь, а по десяткамъ; что журнальные невѣжи и крикуны, которымъ удалось во время междуцарствія литературнаго какъ нибудь продраться до такого мѣста, откуда голосъ ихъ разносится далеко, принуждены будутъ умолкнуть предъ умнымъ общимъ мнѣніемъ».

«Dixi et salvavi animam.»

Эти замѣчанія Погодина вызвали въ литературѣ возраженія, по поводу которыхъ онъ помѣстилъ нѣсколько объяснительныхъ словъ въ своемъ журналѣ [1]). Изъ нихъ мы узнаемъ, что помѣщеніе замѣчаній Арцыбышева составило въ Москвѣ общій предметъ разговора даже между и непишущими людьми. Большинство голосовъ между читателями осудило Погодина за названное помѣщеніе. Въ публикѣ слышались такія возраженія: «Карамзинъ, по мнѣнію Погодина, не критикъ, не философъ, художникъ съ исключеніемъ, что-же остается при нашемъ великомъ писателѣ?» «Помѣщеніемъ замѣчаній ослабляется вліяніе Исторіи Карамзина на Россію, уменьшается желаніе читать ее въ лѣнивцахъ». Нѣкоторые ставили въ вину Погодину его молодость. По поводу послѣдняго обстоятельства Погодинъ писалъ: Помилуйте, господа, когда вы оставите въ покоѣ метрическія книги при вашихъ критикахъ и антикритикахъ. Вспомните, покрайней-мѣрѣ, хоть то, что, по правиламъ педагогики, въ дѣтяхъ стараются нынѣ развивать свой собственный образъ сужденія, дѣтей отучаютъ отъ попугайства. Относительно лѣнивцевъ онъ замѣчалъ: Богъ съ ними, съ сими лѣнивцами! Смѣло сказать можно съ поэтомъ:

Не оживитъ ихъ лиры гласъ.

«Неужели наука, неужели Карамзинъ потеряютъ что-нибудь, если какой-нибудь невѣжа перестанетъ читать его оттого, что въ журналѣ появятся замѣчанія на Исторію Г. Р. И неужели для такого отчаяннаго невѣжи должно терять изъ виду и новое поколѣніе, и другихъ благонадежныхъ читателей, которые хотятъ чтить достоинство достойнымъ образомъ, умно,

---

[1]) М. Вѣстникъ 28 г., ч. 12, ст. 378.

а не съ голосу! О, Карамзинъ! какъ мало уважаютъ, какъ мало понимаютъ тебя эти люди»...

Къ недовольнымъ Погодинымъ и Арцыбышевымъ примкнула и нѣкоторая часть журналистики [1]). Въ одномъ изъ журналовъ они съ Каченовскимъ были названы *ареопагомъ совъ*. Но къ нимъ вскорѣ примкнула значительная сила въ лицѣ Строева, замѣчательное письмо котораго къ издателю помѣщено въ М. Вѣстникѣ 28 г., ч. 12. Оно начинается такъ: «Въ маѣ 1818 года, окончивъ разборъ и опись разныхъ монастырскихъ книгохранилищъ московской эпархіи, по волѣ покойнаго Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцева, я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ. Съ кипою историческихъ документовъ, мною найденныхъ, и съ замѣчаніями на нѣкоторыя мѣста Исторіи Государства Россійскаго (только что вышедшей), я предсталъ безсмертному творцу ея, коимъ былъ обласканъ еще до переселенія его изъ здѣшней столицы. Какъ юноша робкій, малоопытный (мнѣ былъ тогда 22 годъ), я не постигалъ всего величія души геніальной; думалъ, что указывать ошибки значитъ то-же, что оскорблять личность: а потому недоумѣвалъ, какимъ образомъ предъявить мои находки и замѣчанія. Къ счастію, великій мужъ самъ вывелъ меня изъ замѣшательства, спросивъ: что у васъ въ этой связкѣ? Я отвѣтствовалъ, что привезъ новые матеріалы, мною найденные. Взоръ его тотчасъ показалъ мнѣ внимательное любопытство: онъ терпѣливо просмотрѣлъ бумаги, а я, ободренный неожиданнымъ снисхожденіемъ, началъ высказывать мои замѣчанія на исторію. Тогда вниманіе исторіографа усугубилось: онъ возражалъ, входилъ въ подробности, соглашался, писалъ карандашомъ (на бѣлой страницѣ одной изъ моихъ тетрадей) и въ заключеніе, благодаря за *одолженіе*, просилъ оставить принесенное на нѣсколько дней и вспомнить: не имѣю-ли еще какихъ замѣчаній? Никогда не изгладится изъ моей памяти сія ласковая, усладительная бесѣда великаго историка со мною, юношею, едва вступившимъ на по-

---

[1]) «Московскій Телеграфъ» 28 г., № 19 и 20, и «Сѣверная Пчела, № 146—148.

прище археографіи. Чѣмъ-же сіе кончилось? Чрезъ нѣсколько дней исторіографъ прислалъ за мною: возвратилъ бумаги, оставивъ нѣкоторыя (пообъемнѣе) для списанія; многое, съ моихъ словъ, вытребовалъ изъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ и исправилъ мѣста, мною критикованныя. При появленіи второго изданія Исторіи Г. Р. я увидѣлъ, въ разныхъ мѣстахъ примѣчаній, и акты, мною сообщенные, и благодарность за мою *благосклонность*. Возвращая остальныя бумаги ко мнѣ (въ Москву), великій мужъ заключилъ свое письмо такъ: Всякое замѣчаніе ваше для меня любопытно; за все скажу вамъ спасибо, а всего болѣе за ваше доброе расположеніе». Сіе письмо я сохраняю какъ драгоцѣнность.

«Бывая потомъ въ С.-Петербургѣ, я всегда являлся къ исторіографу съ *гостинцемъ:* съ новыми документами, выписками или замѣчаніями. Въ 1824 году, соглашаясь на мое предложеніе составить алфавитный указатель къ Исторіи, первымъ требованіемъ его было слѣдующее»: Пожалуйте, замѣчайте ошибки; вамъ онѣ будутъ виднѣе, нежели мнѣ. «Я такъ и сдѣлалъ: все, что казалось мнѣ неточнымъ, писалъ въ тетрадь (вскользь и сокращенно), предполагая въ послѣдствіи привести мои замѣчанія въ порядокъ и представить ихъ великому мужу, который, своимъ снисхожденіемъ и ласкою, умѣлъ привязать меня къ себѣ всею душою. Но провидѣніе устроило иначе. Въ маѣ 1826 г. безсмертный отошелъ въ вѣчность; а мой Указатель былъ еще въ половинѣ: я продолжалъ записывать и тетрадь остается въ моихъ бумагахъ».

Въ другомъ мѣстѣ письма онъ говоритъ: «Если ученый изслѣдователь, двадцать пять лѣтъ посвятившій на тяжелый трудъ критическаго свода лѣтописей (каковъ г. Арцыбышевъ)—*сова*; если трудолюбивый профессоръ, въ двадцать лѣтъ своей службы развернувшій не одинъ археологическій талантъ (каковъ г. Каченовскій), также *сова* [1]); и журналистъ,

---

[1]) На Каченовскаго нападалъ, между прочимъ, кн. Вяземскій, въ стихотворномъ посланіи, которое было помѣщено въ «Сынѣ Отечества» и начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій! жалокъ...

руководимый любовію къ истинѣ и непричастный удѣламъ партій (какимъ почитаю васъ), не болѣе *совы*—и все отъ нѣсколькихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ Московскомъ В. на Исторію Г. Р., то къ какому разряду птицъ причислить меня, который, съ юношескихъ лѣтъ, критиковалъ ее, предъ самимъ творцомъ, въ его кабинетѣ?

«Не устрашайтесь, г. журналистъ, терній на пути вашемъ къ истинѣ! Продолжайте любить ее, какъ любилъ великій мужъ, котораго тѣнь (безъ сомнѣнія) помаваетъ мнѣ въ знакъ одобренія. Помѣстите въ своемъ изданіи *всѣ* замѣчанія г. Арцыбышева; убѣдите г. Каченовскаго напечатать свои и не отриньте моихъ, когда, изъ Мезени, Соловковъ, Чердыни или Кунгура, я удосужусь ихъ къ вамъ доставить».

«Что же дѣлать съ остряками заднимъ числомъ и тѣми высокопаривыми орлами, кои, сидя на пнѣ и хлопая обитыми въ неравномъ бою крыльями, воображаютъ, что они небесные громовержцы?—Оставимъ ихъ въ покоѣ».

«Развѣ не адресоваться ли къ обладателю невещественныхъ милліоновъ: [1]) чтобы онъ, обще съ моими соопонентами, пригласилъ еще достойнаго виртуоза и составилъ *квартетъ*, для аккорда славянскимъ и Варяго-Росскимъ пѣснямъ нашей *совиной кадрили*?»

Погодинъ не устрашился нападковъ на него публики и печати и продолжалъ печатать замѣчанія Арцыбышева. Подъ вліяніемъ бури, которую онъ поднялъ, послѣдній нѣсколько смягчилъ тонъ своихъ замѣчаній. По этому случаю Погодинъ писалъ Арцыбышеву: «Еслибъ не было ихъ (выходокъ) прежде, то ваши противники, не имѣя благовиднаго предлога, должны

Каченовскій перепечаталъ это посланіе въ своемъ журналѣ, поблагодаривъ издателей «Сына Отечества» за запятую и восклицательный знакъ, которыми въ первомъ стихѣ отдѣлено его имя. Другое стихотвореніе въ защиту Карамзина было помѣщено кн. Вяземскимъ въ «Телеграфѣ». Здѣсь онъ сравнивалъ Карамзина съ геніальнымъ зодчимъ, который изъ грубаго матеріала воздвигъ великолѣпный храмъ, критиковъ же Карамзина назвалъ совами, которыя набились въ этотъ храмъ.

[1]) Т. е., Полевому.

бы были оставить ихъ въ покоѣ, какъ не для нихъ писанныя, а другіе, которые любятъ науку для науки, воспользовались бы ими гораздо съ большимъ удовольствіемъ». Писано это было въ отвѣтъ Арцыбышеву, который помѣстилъ въ М. Вѣстникѣ письмо къ Погодину, причемъ вошелъ въ небольшой споръ съ послѣднимъ по поводу нѣкоторыхъ прежнихъ его замѣчаній. Онъ не сознавался, что тонъ его замѣчаній былъ неприличенъ, какъ говорилъ Погодинъ, что они были наполнены *выходками* противъ Карамзина (выходка, писалъ Арцыбышевъ, есть гнѣвливое выраженіе, ничѣмъ не доказанное и ничего не доказывающее). Относительно тона Арцыбышевъ замѣчалъ: «я не измѣнилъ-бы моего *тона*, возражая даже и знаменитому Августу Людовику Шлецеру: ибо сей великій мужъ пишетъ самъ: im Reiche der Wahrheit gilt keine Autorität». Отстаивалъ онъ и то, что нужно писать: исторія *о* государствѣ, а не исторія государства, ссылаясь при этомъ на Краткую Россійскую грамматику, изданную главнымъ Правленіемъ училищъ. Утверждалъ и то, что Карамзинъ могъ заимствовать расположеніе у Юма. Относительно слога онъ оставался при прежнемъ мнѣніи. Въ упомянутомъ отвѣтномъ письмѣ, Погодинъ объяснялъ, что онъ называетъ выходками (неучтивыя придачи къ доказательствамъ), говорилъ, что Шлецерово правило не идетъ къ дѣлу, что если подъ исторіею разумѣть разсмотрѣніе, то она необходимо должна употребляться съ родительнымъ падежомъ, что Карамзинъ не заимствовалъ расположенія у Юма, такъ-какъ тысячи книгъ располагались такимъ-же образомъ. [1]).

Послѣ письма Погодинъ помѣстилъ слѣдующее объявленіе: «Продолжая безпрерывно заниматься исторіею, я накопилъ въ послѣднее время нѣсколько статей, оригинальныхъ и переводныхъ, относящихся до сей науки, и намѣренъ издавать ихъ особо подъ заглавіемъ: *Карамзинъ. Собраніе статей, относящихся до исторіи.* Заглавіе, мною избранное, пусть послужитъ торжественнымъ свидѣтельствомъ моего уваженія къ достоинствамъ сего писателя и укоризною тѣмъ людямъ,

---

[1]) М. Вѣстникъ 29 г., ч. 3, 201 стр.

которые не посовѣстились легкомысленно упрекать меня въ противномъ за то только, что я помѣстилъ у себя въ журналѣ замѣчанія на его Исторію, и самъ вижу нѣкоторые ея недостатки».

Указанный нами споръ можетъ отчасти служить характеристикой ученой полемики 20-хъ годовъ. Съ другой стороны, онъ показываетъ, какое подавляющее дѣйствіе произвелъ на современниковъ исполинскій трудъ Карамзина. Указываетъ онъ также и на то, какъ въ то время понимали патріотизмъ, и какъ было трудно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вести науку далѣе по пути, на которомъ возвышался образъ какого-нибудь авторитета. Знакомитъ онъ отчасти и съ тѣми нашими дѣятелями, которымъ весьма многимъ обязана современная русская историческая наука. Впослѣдствіи Бѣлинскій писалъ объ этомъ спорѣ слѣдующее: «Является г. Арцыбышевъ съ критическими статейками, въ коихъ доказываетъ, что Карамзинъ часто, и притомъ безъ всякой нужды, отступалъ отъ лѣтописей, служившихъ ему источниками, часто, по своей волѣ или прихоти, искажалъ ихъ смыслъ; и что же?—Вы думаете, поклонники Карамзина тотчасъ принялись за сличку и изобличали г. Арцыбышева въ клеветѣ? Ничего не бывало.. Пусть г. Арцыбышевъ и завидуетъ славѣ Карамзина: повѣрьте ему не убить этимъ Карамзина, если онъ пользуется заслуженною славою; пусть онъ съ важностью доказываетъ, что слогъ Карамзина «неподобозвученъ», Богъ съ нимъ, это только смѣшно, а ничуть не досадно. Не лучше ли вамъ взять въ руки лѣтописи и доказать, что или г. Арцыбышевъ клевещетъ, или промахи историка незначительны и ничтожны; а не то совсѣмъ ничего не говорить? Но, бѣдные, вамъ не подъ силу этотъ трудъ; вы и въ глаза не видывали лѣтописей, вы плохо знаете исторію». [1])

Инымъ тономъ, нежели разборъ Арцыбышева, проникнуты критическія замѣчанія на Исторію Карамзина знаменитаго польскаго историка Лелевеля, помѣщавшіяся въ «Сѣверномъ

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 58.

Архивѣ» 20-хъ годовъ. Въ введеніи [1]) Лелевель выражаетъ, между прочимъ, ту мысль, что русская исторія занимательна не для одной только Россіи, но и для всей Европы, особенно для Польши и Литвы, и что, находя въ Исторіи Карамзина множество событій, которыя прежде были неизвѣстны въ Польшѣ, или оставались безъ вниманія, онъ тѣмъ съ большею охотою предпринялъ свой трудъ. Начало введенія, посвященнаго разбору предисловія Исторіи Карамзина, превосходно. Въ немъ Лелевель, между прочимъ, говоритъ: «Историки трудятся надъ сооруженіемъ памятниковъ, которые нерѣдко бываютъ долговѣчнѣе непобѣдимыхъ твердынь и огромныхъ зданій. Потомство съ равною заботливостью отыскиваетъ и хранитъ великолѣпный циркъ и твореніе великаго Тацита Въ обоихъ случаяхъ оно разсматриваетъ произведеніе образованности прошедшихъ вѣковъ и въ историческомъ образѣ видитъ самый зрѣлый плодъ человѣческаго совершенства, взлелѣянный весьма немногими народами. Прежде, нежели появятся историки въ какой-либо странѣ, должны ему предшествовать геройскіе подвиги, высокія гражданскія доблести и благороднѣйшіе порывы великихъ душъ». Приступая къ разбору предисловія Карамзина, Лелевель замѣчаетъ, что «Карамзинъ, пламенною любовью къ своему отечеству, хотѣлъ возжечь ее въ сердцахъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, и выражается при этомъ случаѣ, какъ истинный гражданинъ». Но въ то-же время онъ выставляетъ слѣдующіе недостатки предисловія: 1) древніе писатели во многомъ потерпѣли въ немъ несправедливое порицаніе; 2) въ наставленіе, какъ должно писать исторію, вкрались мысли не довольно ясныя и неудовлетворительныя и 3) для достиженія исторической занимательности Карамзинъ указываетъ весьма трудные пути, хотя для этого представляются средства гораздо удобнѣйшія. Лелевель не согласенъ съ Карамзинымъ, что если изъ исторіи Ѳукидида исключить рѣчи, то изложеніе первоначальныхъ событій въ Греціи представитъ у него сухое и незначительное повѣствованіе. «Неужели, говоритъ онъ, въ описаніи крово-

---

[1]) Сѣверный Архивъ 1822 г., ч. 4, стр. 412.

пролитія въ Корцирѣ, въ изображеніи язвы, свирѣпствовавшей въ Аѳинахъ, въ повѣствованіи о приготовленіяхъ къ походу и о самой войнѣ съ Сиракузами недостаетъ разнообразія и прелести? Неужели нѣтъ занимательности въ изображеніи политическихъ отношеній цѣлой Греціи, которыя Ѳукидидъ изслѣдовалъ столь глубокомысленно и объяснилъ столь основательно?» Отстаивая такимъ образомъ Ѳукидида, а вмѣстѣ и другихъ древнихъ историковъ, Лелевель замѣчаетъ, что послѣдніе постигли всю обширность обязанности историка, и не одно образцовое повѣствованіе, но знаніе политики и людей, и совершенство въ общемъ составѣ ихъ твореній прославили Ѳукидида, Тацита, Саллюстія и другихъ.

За разсмотрѣніемъ предисловія слѣдуетъ разсмотрѣніе самой Исторіи. Прежде всего авторъ касается общей картины произведенія и сравниваетъ Карамзина съ польскимъ историкомъ Нарушевичемъ. При этомъ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Карамзина и Нарушевича сближаетъ между собою одинаковое происхожденіе языковъ русскаго и польскаго, на которыхъ они писали, и народы, исторію которыхъ они изображали, неутомимость и старанія, съ какими они трудились надъ нею, степень совершенства ихъ произведеній и, наконецъ, благодарность и слава, заслуженная ими между соотечественниками. Тѣмъ не менѣе, между ними замѣчается большое различіе. Нарушевичъ началъ писать свою исторію, когда Польша стала клониться къ упадку. Онъ напоминалъ больному объ угасшемъ здоровьѣ, Карамзинъ въ то время, когда Россія находилась въ полномъ блескѣ и могуществѣ. Относительно исторической критики о Нарушевичѣ и Карамзинѣ можно сказать слѣдующее. Мы замѣчаемъ въ нихъ одинаковое усиліе въ отыскиваніи историческихъ источниковъ и сочиненій; но что могъ найти Нарушевичъ, кромѣ папскихъ буллъ, граматъ и сочиненій такихъ писателей, какъ Бароній, Кранцій, Прай и. т. д. Такимъ образомъ, принужденный дѣйствовать однѣми собственными силами, онъ блуждалъ какъ въ лѣсу, безъ пути и проводника. Карамзинъ нашелъ историческую критику въ болѣе подготовленномъ видѣ. Онъ имѣлъ руководителей въ Шлецерѣ, Тунманѣ, Гебгарди и другихъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно многое принадлежитъ и ему самому. Очистивъ всякія сомнѣнія въ отдѣльныхъ изысканіяхъ, онъ представляетъ читателямъ извлеченное изъ нихъ не какъ сомнительныя догадки, но какъ истину, и притомъ въ легкой и пріятной формѣ.—Относительно изложенія событій, нужно замѣтить, что разсказъ о дѣяніяхъ народа заглушенъ у Нарушевича описаніемъ личныхъ подвиговъ и дѣяній князей, и изображеніе измѣненія нравовъ и обычаевъ разсѣяно въ безпорядкѣ по всему сочиненію. Карамзинъ, на ряду съ дѣяніями князей, представляетъ по временамъ и состояніе народа. Онъ менѣе Нарушевича касается внѣшней политики государства. Относительно изложенія должно замѣтить, что Нарушевичъ, отличный переводчикъ Тацита, совершенно проникся духомъ этого историка и перенялъ у него силу и выразительность слога. Нигдѣ онъ не является философствующимъ или чувствительнымъ. Напротивъ, чувство проглядываетъ во многихъ мѣстахъ у Карамзина: онъ негодуетъ, сострадаетъ, утѣшается, жалуется и испещряетъ повѣствованіе нравственными изреченіями. Встрѣчаются у него и противорѣчія, именно между отзывами о нѣкоторыхъ историческихъ лицахъ и дѣлами этихъ лицъ. Это, напримѣръ, можно сказать объ Андреѣ Боголюбскомъ и Даніилѣ Галицкомъ. Точка зрѣнія у названныхъ писателей мало различна. У Карамзина постоянно видно усиліе доказать, какъ послѣ многихъ неудачъ въ войнѣ и политикѣ изъ несогласія князей возникло единодержавіе, возведшее Россію на высокую степень могущества; Нарушевичъ старается показать, какимъ образомъ Польша увеличилась и усилилась посредствомъ завоеваній и мужества своихъ князей, какъ она ослабѣвала отъ внутреннихъ неустройствъ и какъ снова возвышалась совокупленіемъ воедино отдѣльныхъ областей. Относительно степени безпристрастія можно сказать слѣдующее. Нарушевичъ обнаруживаетъ сильное желаніе быть безпристрастнымъ, хотя не вездѣ достигаетъ этого. Карамзинъ часто не выказываетъ особеннаго старанія казаться безпристрастнымъ. Отсюда у него нѣсколько страдаетъ истина, являясь въ прикрашенной одеждѣ. Искаженіе истины у историческаго писателя можетъ, по мнѣнію Лелевеля, происходить

вообще отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ сообщенія прошедшему времени характера настоящаго, 2) отъ сильно развитаго чувства патріотизма, 3) отъ привязанности къ религіи и 4) отъ политическихъ мнѣній. Участіе первой причины у Карамзина замѣтно тогда, когда онъ старается отгадать чувства и внутреннія побужденія историческихъ лицъ, для объясненія происшествій. Вторая причина не особенно много имѣетъ мѣста въ исторіи Карамзина, такъ-какъ, не смотря на глубокій патріотизмъ автора, онъ не желаетъ приносить въ жертву патріотизму истины. Но это иногда дѣлается имъ, т. е. названная жертва приносится. Такъ, польскій король Сигизмундъ, прозванный Старымъ, несправедливо обремененъ укоризнами, которыхъ онъ не заслужилъ ни отъ современниковъ, ни отъ потомства; тѣмъ-же самимъ объясняется нерасположеніе историка къ Литвѣ, послѣ того, какъ она образовала одно цѣлое съ Польшею. Говоря о вліяніи религіозныхъ убѣжденій, Лелевель замѣчаетъ слѣдующее: «Безъ всякаго сомнѣнія, исторіографъ имѣлъ сильныя причины ополчаться противъ поступковъ римской церкви, посылавшей въ разныя времена своихъ миссіонеровъ въ Россію, для склоненія ея къ принятію католической вѣры и для разныхъ происковъ. Но, во всякомъ случаѣ, не должно негодовать на церковь за поступки ея служителей, и намъ гораздо пріятнѣе видѣть въ Исторіи Карамзина его восхищеніе при описаніи вѣротерпимости въ Новгородѣ, Смоленскѣ и другихъ древнихъ городахъ Россіи, гдѣ нѣмецкіе гости всегда имѣли свои храмы и свободно отправляли свое богослуженіе. Вообще, ничто столько не разгорячаетъ умы и ничто такъ легко не влечетъ къ пристрастію, какъ пренія за вѣру и мнѣнія политическія, которыя весьма часто сливаются вмѣстѣ. Мы уже изобразили выше, что историку невозможно быть безпристрастнымъ въ семъ случаѣ, и всѣ, безъ исключенія, писатели, даже и древніе, менѣе или болѣе, увлекались господствовавшими у нихъ мнѣніями, ко вреду истины». Особенно сильное вліяніе политическихъ убѣжденій въ изложеніи историческихъ событій Лелевель видитъ у Карамзина въ разсказѣ о событіяхъ отъ Владиміра Святого до нашествія монголовъ. Эту часть исто-

ріи, по его замѣчанію, онъ желалъ-бы видѣть въ болѣе совершенномъ видѣ.

Таковы общія воззрѣнія Лелевеля на исторію Карамзина. Частный его разборъ Исторіи мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ-какъ это потребовало-бы очень много мѣста. Скажемъ о тѣхъ примѣчаніяхъ, которыми Булгаринъ снабдилъ разборъ Лелевеля. Заявивъ публикѣ, что Лелевель въ письмѣ къ нему обѣщалъ непремѣнно кончить разборъ, Булгаринъ прибавляетъ: «я твердо увѣренъ, что почтенный Лелевель, столько же извѣстный въ Польшѣ своими свѣдѣніями, какъ и нравственностью, не измѣнитъ своему слову, и не подвергнетъ нареканію себя, издателя Сѣвернаго Архива и своихъ соотчичей: ибо поступокъ гражданина всегда отсвѣчивается на его соотечественникахъ». Изъ этихъ словъ видно, что Булгарину сильно хотѣлось видѣть продолженіе разбора Лелевеля. Когда же продолженіе послѣдовало, издатель Архива снабдилъ его другимъ примѣчаніемъ, которое говорило уже другое. Въ этомъ примѣчаніи было сказано: «Многія постороннія обстоятельства препятствовали мнѣ печатать продолженіе сей ученой критики, снискавшей одобреніе просвѣщенныхъ любителей исторіи, кои изъявили мнѣ изустно и письменно свой образъ мыслей по сему предмету. Безъ сомнѣнія, читатели не обязаны входить въ обстоятельства издателя журнала и вправѣ требовать исполненія обѣщаній. Знаю это, и прошу у благосклонныхъ моихъ читателей извиненія: во всякомъ случаѣ однакожъ прошу вспомнить, что многое не зависитъ отъ издателя». [2])

Къ замѣчательнымъ разборамъ Исторіи Карамзина принадлежитъ также разборъ Полевого, помѣщенный въ Московскомъ Телеграфѣ 1829 г. Прежде всего авторъ разбора задаетъ вопросъ: можетъ-ли Исторія Карамзина назваться произведеніемъ *нашего времени*? Отвѣчая на него, онъ замѣчаетъ,

---

[1]) Сѣверный Архивъ 23 г., ч. 8, стр. 293.
[2]) Сѣверный Архивъ 24 г., ч. 11, стр. 132.

что истинныя, современныя идеи философіи, поэзіи и исторіи явились въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, т. е. въ первой четверти XIX ст., и потому истинная идея исторіи не была доступна Карамзину. По этой идеи, исторія „проницаетъ всю бездну минувшаго: видитъ творенія земныя, до человѣка бывшія, открываетъ слѣды человѣка въ таинственномъ Востокѣ и въ пустыняхъ Америки, соображаетъ преданія людскія, разсматриваетъ землю въ отношеніи къ небу и человѣка въ отношеніи къ его обиталищу, планетѣ, движимой рукою провидѣнія въ пространствѣ и времени. Такова *до-исторія* (Urgeschichte) человѣка. Человѣкъ является на землѣ; образуетъ общество; начинается *жизнь человѣчества* и начинается *исторія* человѣка. Здѣсь историкъ смотритъ на царства и народы, сіи планеты нравственнаго міра, какъ на математическія фигуры, изображаемыя міромъ вещественнымъ. Онъ соображаетъ ходъ человѣчества, общественность, нравы, понятія каждаго вѣка и народа, выводитъ цѣпь причинъ, производившихъ и производящихъ событія". Таковы условія всеобщей исторіи, по мнѣнію Полеваго. Каковы должны быть условія частной исторіи? Эта послѣдняя должна стремиться показать, какое мѣсто занималъ въ мірѣ вѣчнаго бытія тотъ или другой народъ, то или другое государство, тотъ или другой историческій человѣкъ. Для такого пониманія исторіи, надобно было соединить труды Шеллинговъ, Шлегелей, Кузеновъ, Шлецеровъ, Гердеровъ, Нибуровъ, узнать *классицизмъ* и *романтизмъ*, узнать хорошо политическія науки, оцѣнить надлежащимъ образомъ древнихъ, можетъ быть, нужно было родиться Шиллеру, Цшокке, Гѐте, В. Скотту. Прилагая все это къ исторіи Карамзина, Полевой находитъ, что она неудовлетворительна. Карамзинъ въ своей исторіи остался при понятіяхъ своего времени, когда только что начала пробивать себѣ дорогу идея философской исторіи. Какъ *историкъ-философъ*, Карамзинъ, такимъ образомъ, по мнѣнію Полеваго, не можетъ выдержать строгой критики. Для убѣжденія въ этомъ, достаточно прочитать то, что Карамзинъ говоритъ объ исторіи. Выходя изъ старыхъ взглядовъ, онъ

слишкомъ упираетъ на то, что исторія удовлетворяетъ *любопытству*, и видитъ въ этомъ огромную заслугу, говоритъ о *прелестныхъ видахъ* въ исторіи и выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о занимательности. Не признавая Карамзина философомъ-историкомъ, Полевой не считаетъ его и *прагматикомъ*. Не опуская въ исторіи ничего, даже самаго *скучнаго*, Карамзинъ говоритъ, что этого требуетъ *уваженіе къ памяти, заслугамъ и страданіямъ нашихъ предковъ*, какъ будто нѣтъ причины, вытекающей изъ самой сущности дѣла, по которой нельзя насильственно разрывать цѣпь историческихъ явленій съ ихъ причинами и слѣдствіями.

Далѣе критикъ замѣчаетъ, что въ исторіи Карамзина нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали бы всѣ событія русской исторіи; мы въ ней не видимъ, какъ исторія Россіи примыкаетъ къ исторіи человѣчества. Передъ читателемъ выводится до излишества огромная толпа дѣйствующихъ лицъ, исчисляется бездна подробностей, но жизнь Россіи остается для него неизвѣстною, точно также какъ не получаетъ онъ представленія и о духѣ народномъ. Какъ и французскіе классики, Карамзинъ вносилъ въ изображаемый предметъ самого себя, свой духъ, свои понятія и чувствованія; отъ этого въ его исторіи встрѣчается много невѣрнаго. Онъ думаетъ, что любовь къ отечеству требуетъ облагораживанія варваровъ и не видитъ разницы въ воинѣ времени Олега и времени Минина и Пожарскаго. Олегъ пылаетъ *славолюбіемъ героевъ, и побѣдоносныя знамена его развѣваются на берегахъ Днѣпра и Буга*. Вслѣдствіе всего этого, говоритъ Полевой, Карамзинъ не выдерживаетъ уравненія съ такими историками, какъ Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ. У него нѣтъ той обширности взгляда, той глубины изысканія причинъ и слѣдствій, какія замѣчаются въ твореніяхъ трехъ названныхъ англійскихъ историковъ.

Указавши на недостатки исторіи Карамзина, Полевой переходитъ къ ея достоинствамъ. Онъ говоритъ, что Карамзинъ сдѣлалъ для исторіи чрезвычайно много. Онъ сталъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Приведеніемъ въ по-

рядокъ историческихъ матеріаловъ онъ оказалъ русской исторіи незабвенную услугу. На его плечахъ стоитъ все, что впослѣдствіи было сдѣлано для русской исторіи Калайдовичемъ, Строевымъ, Погодинымъ, Кругомъ, Френомъ и Лербергомъ. Карамзинъ намѣтилъ дорогу, по которой нужно было идти при обработкѣ русской исторіи. Его трудомъ былъ вызванъ къ своей чрезвычайно плодотворной дѣятельности графъ Румянцевъ, извѣстный покровитель русскихъ учёныхъ, онъ же далъ начало развитію палеографіи, археологіи, нумизматикѣ и генеологіи въ Россіи. Послѣ Карамзина стали собирать библіотеки русскихъ достопамятностей и произошло оживленіе въ дѣятельности Академіи Наукъ. Вездѣ въ исторіи Карамзина видны умъ, вкусъ, умѣнье. Относительно языка, по замѣчанію Полеваго, Карамзинъ писатель образцовый, единственный, неподражаемый. Надобно учиться у него ораторскому ритму, расположенію періодовъ, вѣсу, съ какимъ поставлено каждое слово. Вотъ почему Гречъ, при составленіи своей грамматики, основныя правила языка обосновалъ на изложеніи исторіи Карамзина. Краснорѣчіе Карамзина очаровательно, говоритъ Полевой. Страницы, гдѣ говорится о жизни митрополита Филиппа, смерти царевича Іоанна, самаго Іоанна Грознаго, избраніи Годунова, низверженіи Димитрія Самозванца, могутъ стать на-ряду съ самыми краснорѣчивыми, безсмертными страницами Ѳукидида, Ливія и Робертсона. Зданіе, воздвигнутое Карамзинымъ, замѣчаетъ критикъ, не удивляетъ цѣлаго міра, подобно зданіямъ Микель-Анжеловъ, но, тѣмъ не менѣе, оно составляетъ честь и красу своего вѣка для той страны, въ которой оно воздвигнуто. Разборъ кончается такими словами: „Твореніе его (Карамзина) еще долго будетъ предметомъ удивленія, чести и хвалы нашей. Карамзинъ научилъ насъ исторіи нашей; идя по слѣдамъ его, мы, современемъ, научимся избѣгать его погрѣшностей и недостатковъ, можемъ и должны сравнивать его съ геніальными творцами и воздавать ему не безусловную хвалу крикливаго невѣжества, но въ то же время, съ негодованіемъ отвергаемъ мы порицателей человѣка необыкновеннаго.. Онъ

былъ столь великъ, сколько позволяли ему время, средства, способы его и образованіе Россіи; благодарность къ нему есть долгъ нашъ" *.

Этотъ разборъ вызвалъ противъ Полеваго цѣлую бурю, особенно въ виду того, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Телеграфѣ" явилось объявленіе о скоромъ выходѣ „Исторіи Русскаго Народа". Статью Полеваго сочли предисловіемъ къ объявленію о подпискѣ на его собственную исторію, хотя въ ней высказана была и доля правды. Полевой, къ сожалѣнію, не остался на высотѣ безпристрастія, и въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи явился уже съ придирчивыми замѣчаніями по отношенію къ Карамзину, какъ бы вымѣщая на немъ негодованіе на своихъ противниковъ.

Въ той же части „Сѣвернаго Архива", гдѣ начинается разборъ Лелевеля, помѣщена въ переводѣ статья изъ „Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей", заключающая въ себѣ взглядъ на исторію Карамзина. Отзывъ сдѣланъ на основаніи двухъ переводовъ исторіи: „Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin, traduit par St. Thomas et jauffret. Paris, 1820" и „Geschtichte des Russischen Reichs, von Karamsin, Riga, 1820". Оба перевода были сдѣланы подъ наблюденіемъ Карамзина. Въ отзывѣ говорится, что въ авторѣ видѣнъ историкъ, который много размышлялъ не только о своемъ предметѣ, но также о самой сущности исторіи вообще. Прилежаніе, съ какимъ Карамзинъ воспользовался различными источниками и произведеніями новѣйшихъ историковъ, называется въ отзывѣ истинно нѣмецкимъ. Высоко ставится и безпристрастіе Карамзина. Не одобряетъ отзывъ только того, что Карамзинъ часто выставляетъ побудительною причиною дѣйствій выводимыхъ лицъ чувство чести. Чувство чести, говорится въ отзывѣ, возникло въ средніе вѣка въ эпоху рыцарства, которое осталось чуждымъ для древней Россіи. По словамъ отзыва, Карамзинъ принадлежитъ къ тѣмъ историкамъ, произведенія которыхъ представляя вѣрное повѣствованіе о проис-

* Очерки русской литературы, ч. 2, стр. 1—34.

шествіяхъ, служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, зеркаломъ ихъ собственныхъ мнѣній. Въ концѣ онъ сравнивается съ Ливіемъ, въ отношеніи изображенія предмета; относительно же прилежанія и критики онъ ставится значительно выше послѣдняго.

Въ числѣ ученыхъ, имена которыхъ часто фигурировали въ журналахъ 20-хъ годовъ, мы встрѣчаемъ Строева, Кеппена, Калайдовича, Востокова и Снегирева. Ученые труды ихъ, дѣйствительно, были на столько замѣчательны, что на нихъ естественно было остановиться журналистикѣ.

Имя Строева неразрывно связано съ археографическою экспедиціею, принесшею русской исторіи громадную пользу описаніемъ библіотекъ и архивовъ различныхъ городовъ Россіи и изданіемъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ. Мысль о снаряженіи археографической экспедиціи всецѣло принадлежала Строеву. Придя къ заключенію, что безъ разбора старинныхъ книгохранилищъ невозможно усовершенствовать науку русской исторіи, онъ въ мартѣ 1828 года представилъ Академіи Наукъ подробный планъ археографическаго путешествія по Россіи, которое съ Миллеровымъ по Сибири, должно было составить одно цѣлое. Академія приняла планъ, и 14-го іюля Государь утвердилъ его. Но мысль объ экспедиціи созрѣла у Строева гораздо раньше утвержденія послѣдней. Еще въ 1823 году онъ говорилъ въ „Обществѣ исторіи и и древностей россійскихъ“ рѣчь, въ которой выразилъ мысль о необходимости снаряженія экспедиціи въ интересахъ успѣшнѣйшаго развитія науки русской исторіи. Рѣчь эта была помѣщена въ „Сѣверномъ Архивѣ“ Булгарина и представляетъ много замѣчательнаго. Въ ней Строевъ говорилъ, что кругъ дѣйствій общества будетъ очень тѣсенъ, если его члены ограничатся одною синодальною библіотекою и станутъ издавать только то, что попадется случайно или что отчасти уже извѣстно. „Не одна Москва, говорилъ онъ, должна быть поприщемъ нашей дѣятельности; но пусть цѣлая Россія превратится въ нашу библіотеку. Не сотнями извѣстныхъ уже рукописей должны мы ограничить наши занятія, но безчисленнымъ множествомъ хартій, заключенныхъ въ соборныхъ

и монастырскихъ хранилищахъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ, никѣмъ нехранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ, въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ всеразрушающее время и нерадивое невѣжество; въ сырыхъ кладовыхъ и подвалахъ, неосвѣщенныхъ лучами солнца, куда груды рукописей и свитковъ снесены, кажется, единственно для того, чтобы грызущія животныя, черви, тля и ржа могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе. Общество исторіи должно извлечь, сохранить, привести въ извѣстность, и если не обработать само, то, по крайней мѣрѣ, доставить случай другимъ обработывать всѣ письменные памятники нашей исторіи и древней словесности, разсѣянные на обширномъ пространствѣ отъ береговъ Бѣлаго моря до степей Украинскихъ и отъ границъ Литвы и Польши до хребта горъ Уральскихъ" *. Для осуществленія этого, Строевъ считалъ необходимымъ образованіе экспедеціи, которая обозрѣла бы, разобрала и съ возможною точностью описала всѣ монастырскія, соборныя и вообще казенныя собранія рукописей на пространствѣ, имъ означенномъ. На первый разъ Строевъ предлагалъ раздѣлить экспедицію на три поѣздки. Сѣверная поѣздка должна была коснуться губерній Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской и черезъ губерніи Костромскую, Ярославскую и Тверскую, возвратиться въ Москву. Эту поѣздку Строевъ считалъ важнѣйшею и любопытнѣйшею, такъ какъ названное пространство богато древними монастырями и книгохранилищами, куда „мечъ иноплеменниковъ, пожары и губительное опустошеніе являлись рѣже, нежели въ южныя страны". Вторая поѣздка должна была коснуться губерній Московской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской и Псковской; третья—Витебской, Могилевской, Минской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Курской и Орловской. Всѣ эти поѣздки можно было совершить, по мнѣнію Строева, въ

* Сѣверный Архивъ 1823 г., ч. 8, стр. 7 и 8.

четыре года. Издержки опредѣлялись имъ въ 7,000 рублей ежегодно. Далѣе онъ указывалъ, какъ на примѣръ, на пладотворность путешествія Миллера по Сибири, благодаря которому мы знаемъ русскую исторію начала XVII ст., знаемъ время Лжедимитріевъ и смутнаго правленія бояръ.

Общество одобрило предложеніе Строева, но не могло его исполнить по недостатку денегъ. Оно ограничилось тѣмъ, что поручило ему обозрѣть библіотеку Новгородскаго Софійскаго собора, что и было имъ исполнено. Возвратясь оттуда, Строевъ, по приказанію высшаго начальства, занялся въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ разборомъ дѣлъ донскихъ казаковъ и извлеченіемъ изъ нихъ матеріаловъ для ихъ исторіи. Въ 1824 г. Карамзинъ поручилъ Строеву составленіе алфавитнаго указателя къ исторіи, который былъ оконченъ имъ въ четыре года. Къ замѣчательнымъ трудамъ Строева принадлежитъ также „Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ графа О. А. Толстова".

Другимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ между русскими учеными названнаго времени былъ Кеппенъ. Имя его также часто встрѣчается въ журналахъ 20-хъ годовъ. Особенное вниманіе заслужили его „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи" и „Собраніе славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи". Въ первомъ трудѣ журналистикой съ особенной похвалой были отмѣчены, между прочимъ, слѣдующія статьи: „Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія", Кеппена, и „Успѣхи просвѣщенія въ первое десятилѣтіе царствованія Александра I" Якоба, „О духовныхъ училищахъ грекороссійскаго исповѣданія" Кеппена, „Объ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Римско-Католической Коллегіи", „Краткое обозрѣніе Кормчей книги" и „О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ", Кеппена. Въ нихъ, дѣйствительно, можно было найти много интереснаго. Укажемъ на кое что изъ этого интереснаго. Говоря о казенныхъ и частныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ М. Н. Просвѣщенія, Кеппенъ го-

воритъ, что число ихъ въ 1827 г. простиралось за 1450, учащихся же въ нихъ было 72,500 человѣкъ. Годы 1787 и 1805 въ отношеніи къ числу вновь открытыхъ училищъ были самые богатые. Число духовныхъ училищъ въ 1824 г. простиралось до 344 (въ 1808 г. ихъ было только 83), учащихъ было 1022, учащихся 45,851. Церквей православныхъ въ 1823 г. было 28,111. Интересны свѣдѣнія, даваемыя Кеппеномъ относительно колоніи евангелическаго исповѣданія въ Саратовской губерніи. Онъ говоритъ, что въ 73 колоніяхъ число жителей въ 1824 г. простиралось до 56,472 человѣкъ, учащихся же было 10,890, слѣдовательно, учился пятый человѣкъ. Такого отношенія не встрѣчалось въ то время ни въ одномъ государствѣ Европы. Въ римско-католическихъ и греко-уніятскихъ эпархіяхъ считалось только 56 учащихъ и 405 человѣкъ учащихся, всѣхъ же жителей въ однѣхъ греко-уніятскихъ эпархіяхъ считалось въ 1825 г. 1,590,687 человѣкъ. Въ Финляндіи 1826 г. учащихся въ училищахъ было 1893, жителей же считалось 1,288,423 человѣка. Относительно латышей Кеппенъ высказывалъ мнѣніе, что они народъ славянскаго племени, смѣшавшійся съ готами и образующій переходную ступень между славянами и германцами.

Указывая на выходъ въ свѣтъ „Матеріаловъ" Кеппена, Погодинъ въ своей рецензіи на это изданіе писалъ въ своемъ журналѣ слѣдующее: „Читатели видятъ, какіе драгоцѣнные матеріалы въ оной (книгѣ) собраны. Нужно ли говорить еще здѣсь о точности, съ какою они представлены? Труды г. Кеппена пребудутъ въ семъ отношеніи у насъ образцовыми".

„Нѣкоторые спросятъ, можетъ быть, чѣмъ вознаграждено изданіе сей книги?—и рецензентъ съ сожалѣніемъ укажетъ на послѣднюю страницу, гдѣ въ *трехъ строкахъ* исчислены подписавшіеся".

Съ такой же похвалой журналистика отзывалась о „Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи". Погодинъ назвалъ его драгоцѣннымъ, классическимъ изданіемъ. Другой ученый, извѣстный Востоковъ, въ рецензіи,

помѣщенной имъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», далъ о „Собраніи" такой отзывъ: „Если бы труды г. Кеппена ограничились изданіемъ сихъ только 24 страницъ и принадлежащаго къ нимъ снимка, въ коихъ онъ передалъ ученому свѣту уже довольное число матеріаловъ для сужденія о древнѣйшемъ церковномъ языкѣ Словенскомъ и о первоначальной формѣ буквъ Кирилловскихъ; то и за сіе одно заслуживалъ бы онъ общей благодарности".

Обратимся къ Калайдовичу и Востокову. Первый изъ нихъ, знатокъ русскихъ древностей и исторіи, извѣстенъ, между, прочимъ, какъ авторъ замѣчательной книги „Іоаннъ, экзархъ Болгарскій". Сочиненіе это въ свое время вызвало сильную полемику между его авторомъ и профессоромъ Каченовскимъ. Послѣдній доказывалъ, что Іоаннъ жилъ не въ 9, а въ 12 ст. Но замѣчательнѣе этого то, что писалъ Погодинъ объ этой книгѣ въ своемъ журналѣ въ 27 г. Какъ мало еще людей у насъ занимается науками, писалъ онъ къ своему другу въ Петербургъ, даже въ университетахъ, между студентами! Книга, подобная Экзарху со всѣми критиками и антикритиками должна бы входить въ классическое ихъ занятіе. Намъ говорятъ о сочинителѣ Словенской Грамматики въ 9 столѣтіи, переводчикѣ *Философскихъ* сочиненій на *молодый* (болгарскій) языкъ, а мы слушаемъ это съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто бы намъ разсказывали пошлую побасенку: знаешь ли, что за сочиненіе объ Іоаннѣ Экзархѣ едва выручены издержки на гравированные листы? И между тѣмъ почти отъ девяти десятый лепечетъ у насъ стихами!!!" *

Съ большой похвалой отнеслась журналистика къ „Письмамъ" Калайдовича къ Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи. Въ этихъ письмахъ Калайдовичъ сообщилъ много интересныхъ историческихъ свѣдѣній о городахъ Спасскомъ, Старой-Рязани, Зарайскѣ, о древнихъ зданіяхъ, развалинахъ, церковныхъ достопамят-

* М. Вѣстникъ 1827 г., ч. 2, стр. 208.

ностяхъ Рязани и окрестныхъ мѣстъ, о *городкахъ* и *городищахъ*, лежащихъ въ окружности посѣщенныхъ Калайдовичемъ мѣстъ. Говоря о названной книгѣ, рецензентъ «Сѣверннаго Архива» замѣтилъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе любителей исторіи и должна имѣть мѣсто въ каждой библіотекѣ.

Калайдовичъ замѣчателенъ не только какъ ученый, но и какъ авторъ рецензій, помѣщавшихся въ журналахъ 20-хъ годовъ. Такъ, замѣчательна его рецензія на практическую грамматику Греча, помѣщенная въ «М. Вѣстникѣ» 27 г. Въ ней онъ, прежде всего, говоритъ о раздѣленіи названной грамматики на части, при чемъ выражаетъ сожалѣніе, что въ курсахъ языка не дается мѣста азбукѣ, искусству читать и писать, предшествующему наукѣ говорить правильно. Страннымъ ему кажется, что подъ оглавленіемъ именъ качественныхъ у Греча находятся прилагательныя и причастія вмѣстѣ съ нарѣчіями и дѣепричастіями. „Безспорно, говоритъ онъ, что всѣ сіи части рѣчи означаютъ качества, но какъ называть ихъ именами?“ Не согласенъ онъ съ Гречемъ въ томъ, что женскій родъ нужно помѣщать послѣ средняго. „Довольно, замѣчаетъ онъ, для прекраснаго пола уступить и намъ, мущинамъ,—за что женщинъ ставить ниже бездушныхъ вещей“? Вмѣсто трехъ склоненій существительныхъ, онъ принимаетъ четыре, послѣднее для существительныхъ женскаго рода на *ь*. Возстаетъ онъ также на принятіе степеней сравненія названій: положительная, сравнительная и превосходная. Онъ предлагаетъ названія: равная, высшая и нисшая. Говоря о числительныхъ, Калайдовичъ замѣчаетъ что нельзя склонять слово *сорокъ* во всѣхъ падежахъ. „Я всегда слышалъ, говоритъ онъ: зачѣмъ моимъ *сорока тысячамъ* пропадать; *сорока тысячами* можно прекрасный домъ построить; *въ сорока тысячахъ* рублей четыре милліона копѣекъ. Почти то же можно замѣтить о склоненіи словъ *сто, полтора, полтретья*“. Мѣстоименія притяжательныя, указательныя, опредѣлительныя и неопредѣленныя онъ пред-

лагаетъ назвать прилагательными, на томъ основаніи, что ихъ нельзя употреблять вмѣсто имени существительнаго *.

Труды знатока славянскаго языка Востокова были достаточны оцѣнены уже въ 20-хъ годахъ. Однимъ изъ лучшихъ ихъ цѣнителей, какъ и другихъ подобныхъ трудовъ, былъ Погодинъ. По поводу грамматическихъ объясненій, приложенныхъ къ „Собранію Словенскихъ памятниковъ" Кеппена и составленныхъ Востоковымъ, вотъ что было сказано въ журналѣ Погодина: „Къ симъ статьямъ (Собранія) приложены грамматическія объясненія, составленныя А. Х. Востоковымъ,—образчикъ ученыхъ грамматическихъ объясненій!—Всякому читающему должно придти на мысль: что если бы такіе люди, какъ Востоковъ, были у насъ совершенно обезпечены и получали всѣ вспомогательныя средства для трудовъ своихъ, чего не сдѣлали бы они, имѣя русскія свѣтлыя головы, нѣмецкую ученость и обстоятельность,—на пользу наукъ, во славу Отечества! Европа съ благодарностью приняла бы сихъ новыхъ сподвижниковъ, и дала бы имъ почетное мѣсто среди своихъ ученыхъ"**. Съ такою же признательностью отнесся «М. Вѣстникъ» къ сочиненію Снегирева о русскихъ народныхъ праздникахъ. Скажемъ о замѣчательной программѣ для этого труда, составленной Снегиревымъ и помѣщенной въ «М. Вѣстникѣ» 28 г. Праздники, говорится въ ней между прочимъ, суть торжественные дни воспоминаній, благодаренія и радости. Какъ поэзія и какъ достояніе народа, праздники, показывая характеръ, духъ и его мнѣнія, относятся къ археологіи, миѳологіи и нравственности. Народные праздники въ отношеніи ко времени раздѣляются на *древніе*, берущіе начала въ языческія времена, *новые*, введенные разными обстоятельствами, и *смѣшанные*, т. е. древніе съ новыми, русскіе съ чужеземными, какъ-то: съ греческими, финскими, литовскими и татарскими, христіанскіе съ языческими. Такъ какъ празд-

* „М. Вѣстникъ" 27 г., ч. 6, стр. 427 и гл.
** „М. Вѣстникъ" 28 г., ч. 12, стр. 295.

ники пріурочиваются къ годовой порѣ и сельскимъ работамъ, служа сроками платежа оброка, временемъ ярмарокъ или сборовъ и торговъ, а въ древности были временемъ вѣчей и судовъ, народныхъ и святительскихъ; то поэтому они дѣлятся на *постоянные* и на *подвижные*, или *случайные*, напримѣръ: празднованіе свадьбы, именинъ, поминки и т. д. По мѣсту праздники бываютъ *общіе*, напримѣръ: масляница, святки, Ивановъ день, и *мѣстные*, напримѣръ: въ Московской губерніи *красная горка*, въ Сибири *ключъ*, въ Ярославѣ, Твери, Рязани, Костромѣ и Воронежѣ *Ярило*. Мѣсто совершенія праздниковъ: горы, рощи, берега рѣкъ, озеръ, луга, поля. Одни изъ нихъ бываютъ днемъ, другіе ночью, напримѣръ: опахиванье, купанье на Ивановъ день. Въ однихъ участвуютъ мужчины, въ другихъ—женщины, въ иныхъ дѣвицы, или тѣ и другіе вмѣстѣ. Они соединены съ различными обрядами, напримѣръ: омовеніемъ, перескакиваніемъ черезъ огонь, окуриваніемъ, заплетеніемъ и пусканіемъ на воду вѣнковъ, хороненіемъ золота, и т. д. Изъ кушанья и питья на праздникахъ, употребляются: блины, пироги, пряженцы, пряники, ковриги, жаворонки, кресты, лошадки, калитки, калачи, караваи, яичницы, меды, вино, варенуха, и т. д. *

Помѣстивши программу, и сказавши, что, приступая къ своему труду, Снегиревъ исполняетъ порученіе „Общества Исторіи и Древностей" прибавимъ слѣдующее примѣчаніе: „Варшавское историческое общество предложило также подобную задачу: описать народные праздники и суевѣрія въ Польшѣ, и опредѣлило сочинителя наградить золотою медалью. Вѣроятно, такой подвигъ заслужитъ и у насъ всеобщее вниманіе, особенно, если вникнуть въ тѣ трудности, съ которыми сопряженъ онъ для частнаго человѣка, не имѣющаго никакихъ пособій, а подкрѣпляемаго въ своихъ занятіяхъ любовію къ просвѣщенію отечественному и къ старинѣ русской".

Современные художественные писатели, романисты, поэ-

* „М. Вѣстникъ" 28 г., ч. 2, стр. 221—225.

ты, составляютъ также значительный отдѣлъ лицъ, которымъ русская журналистика 20 хъ годовъ отвела мѣсто на своихъ страницахъ. По принятому плану, укажемъ прежде на писателей иностранной литературы. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ, Шатобріанъ, Гете, Шиллеръ, Ж. П. Рихтеръ, Мицкевичъ, писатели, произведенія которыхъ, по своимъ высокимъ достоинствамъ, не могли быть обойдены и современною русскою журналистикою. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ многочисленны были переводы романовъ Вальтеръ-Скотта въ 20-хъ годахъ и какъ они нравились публикѣ. На этихъ романахъ очищался вкусъ послѣдней, восторгавшейся прежде произведеніями Дюкредюмениля, Августа Лафонтена и Жанлисъ. Относительно Вальтеръ-Скотта мы находимъ, между прочимъ, такой взглядъ въ Московскомъ Вѣстникѣ 20-хъ годовъ *. Всеобъемлющій геній Вальтеръ-Скотта, говорится тамъ, вручилъ роману неотъемлемое право—стоять на ряду съ изящными образцами древняго и новаго міра и ввелъ его въ область поэзіи. Онъ привлекъ въ его сферу цѣлые народы, вмѣстилъ въ немъ цѣлыя столѣтія, перенесъ поэзію въ дѣйствительность и преимущественно передъ другими поэтами разгадалъ множество тайнъ человѣка. Его романы могутъ замѣнить лѣта опыта, такъ какъ они живое изображеніе дѣйствительности. Вальтеръ-Скотта достойно можно назвать авторомъ *книги жизни*. Онъ сталъ выше всего человѣчества и показалъ ему ясное, вѣрное и вмѣстѣ необъятое зеркало, отражающее всю богатую сцену міра съ ея безконечно разнообразными лицами и явленіями. Онъ также разнообразенъ, также не исчерпаемъ, какъ судьба съ созданіи людей и характеровъ; но онъ иногда бываетъ хитрѣе судьбы въ сплетеніи происшествій, въ завязкѣ и развязкѣ дѣйствія. „Англію, какъ государство *практическое*, назначила судьба быть отечествомъ практическаго романиста. Англія, какъ средоточіе гражданской

* „М. В.“ 1827 г., ч. 5, стр. 410 и слѣд. Статья принадлежитъ извѣстному критику С. Шевыреву.

дѣятельной жизни, которой исторія, преимущественно передъ исторіями другихъ народовъ, изобилуетъ характерами, сими главными производителями жизни частной и государственной, Англія сама себя должна была узнать въ твореніяхъ великаго историка-романиста. Въ немъ она достигла своего самопознанія".

Нѣтъ нужды замѣчать, что переводы романовъ Вальтеръ-Скотта въ 20-хъ годахъ были очень плохи, хотя были и исключенія. Современная журнальная критика указывала на достоинства перевода. Такъ, «Сѣверная Пчела» говорила, что иные романы Вальтеръ-Скотта переведены *посредственно*, другіе *весьма удачно*, третьи—*довольно хорошо* *. Переводились его романы большею частію съ французскаго, такъ какъ знакомство съ этимъ языкомъ въ 20-хъ годахъ въ русскомъ обществѣ было гораздо распространеннѣе, нежели съ англійскимъ. И это обстоятельство было отмѣчено нѣкоторыми журналами. Такъ, напримѣръ, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 27 г., ч. 5, въ стихотвореніи „Сцена въ книжной лавкѣ", гдѣ выведены разговаривающими книгопродавецъ, переводчикъ и помѣщикъ, есть такое мѣсто. Переводчикъ входитъ въ лавку съ рукописью подъ мышкой. Книгопродавецъ любопытствуетъ узнать, что за сокровище тамъ спрятано. Узнавъ, что переводъ съ французскаго, онъ восклицаетъ:

А! изъ французскихъ,—Вальтеръ-Скоттъ!
Его романы славно сходятъ.
Переводчикъ.
Какой-же онъ французъ—помилуйте!
Книгопродавецъ.
Ну вотъ!
Его съ французскаго у насъ все переводятъ,
Такъ за француза онъ слыветъ.

* На романы В. Скотта „С. Пчела" высказывала очень странный взглядъ. Въ ней говорилось, что чтеніе ихъ полезно только отъ нечего дѣлать и что большею частію читаетъ ихъ публика, убивавшая нѣкогда время въ чтеніи чудовищныхъ произведеній Радклифа или нелѣпыхъ романовъ нѣжнаго Дюкредюмениля (1827 г., № 5).

За тѣмъ онъ прибавляетъ:

И нечего сказать—на Вальтеръ-Скотта
У насъ пришла чудесная охота.
Вотъ сколько написалъ! Онъ не писатель—чортъ!
Возьми романъ любой—Астрологъ, Кенильвортъ
Певриль дю-Пикъ—заглавья очень странны,
Да вѣдь за то что за романы!
Ужъ имя-то его одно беретъ!

Отзывы о романахъ Вальтеръ-Скотта и его поэзіи можно встрѣтить въ журналахъ 20-хъ годовъ въ отдѣлѣ критики и науки. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ науки мы встрѣчаемъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" статью Титова, озаглавленную: „О романѣ". Въ ней, между прочимъ, говорится и о Вальтеръ-Скоттѣ. Авторъ называетъ его дополнителемъ Шекспира, въ томъ смыслѣ, что онъ представилъ господство Тюдоровъ и борьбу Стюартовъ съ народомъ до самой революціи 1688 г. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что Вальтеръ-Скоттъ въ Ивангоэ воскресилъ древнюю борьбу саксовъ съ ихъ завоевателями норманнами. „Какая всеобъемлющая полнота въ его изображеніяхъ! говоритъ онъ, воодушевляясь. Живописуя характеры государей, чувствованія, двигавшія массами народа, онъ находитъ досугъ показать намъ во всей подробности кавалерскія украшенія Елизаветина любимца Лейчестера и всѣ старыя одежды свинопаса Гурта.—Вальтеръ-Скоттъ, подобно всѣмъ англійскимъ романистамъ, смотритъ на жизнь съ исторической точки зрѣнія, и, представляя эпизоды изъ исторіи человѣчества, не заботится о значеніи ихъ въ отношеніи къ цѣлому. Его произведенія понятны для всякаго, даже не приготовленнаго читателя" *. Въ заключеніе замѣтимъ, что, помѣщая отзывы о Вальтеръ-Скоттѣ, журналы 20-хъ годовъ помѣщали на своихъ страницахъ и произведенія этого писателя, въ существѣ дѣла справедливо ими оцѣненнаго, но въ переводахъ иногда значительно ослабленнаго и обезцвѣченнаго **.

---

* „М. В." 1828 г., ч. 7, стр. 169.

** Въ М. В. 1827, ч. 1, помѣщена статья подъ названіемъ „Мысли Байрона о Вальтеръ-Скоттѣ", въ которой, между прочимъ, говорится. что

Другимъ плѣнителемъ умовъ и чувствъ русскаго общества 20-хъ годовъ, а вмѣстѣ и журналистики, былъ Байронъ, вмѣстѣ съ Вальтеръ-Скоттомъ оказавшій сильное вліяніе на нашу литературу. Разбирая переводъ его повѣсти „Паризина", критикъ „Московскаго Вѣстника," преклоняясь передъ великимъ поэтомъ, замѣчаетъ: „Читателей Байрона можно раздѣлить на два разряда: одни читаютъ его потому, что онъ поэтъ великій, другіе, потому, что онъ поэтъ модный. Послѣдніе довольны, если знаютъ содержаніе поэмъ его и могутъ разсуждать о нихъ въ обществѣ; для сихъ людей весьма достаточно посредственныхъ переводовъ въ прозѣ, переводовъ на французскій языкъ, или, всего короче, журнальныхъ разборовъ. Но первые читатели, видящіе въ Байронѣ не просто предметъ временныхъ толковъ и восторговъ, а истиннаго генія, въ твореніяхъ котораго отразилось стремленіе его вѣка, хотятъ его чувствовать, переселиться въ его точку зрѣнія, оцѣнить въ немъ всякую мысль, всякое слово; для сихъ людей нужны переводы въ стихахъ, вѣрные, художественные". Первоклассным произведеніемъ Байрона критикъ считаетъ „Шильонскаго узника", переводъ котораго онъ называетъ образцовымъ. По его мнѣнію, въ этомъ произведеніи превосходно отразился характеръ Байрона. Въ „Абидосской невѣстѣ" онъ видитъ яркость воображенія и живость чувства. Говоря вообще о Байронѣ, онъ замѣчаетъ, что послѣдній не трудится съ точностью древнихъ писателей надъ изображаемыми имъ лицами, бросая на нихъ нѣсколько лучей своего пламеннаго генія, и эти лица, не смотря на то, проходятъ передъ нами, хотя и въ таинственномъ сумракѣ, незабвенными для нашего воображенія. Онъ называетъ Байрона знатокомъ человѣческаго сердца и находитъ въ его произведеніяхъ красоты, достойныя для изученія поэтовъ.

Въ томъ же журналѣ другой критикъ, Шевыревъ, раз-

Байронъ никогда не путешествовалъ безъ романовъ В. Скотта. Онъ говорилъ, что могъ бы перечитывать ихъ каждый годъ съ новымъ удовольствіемъ. Но это не мѣшало ему видѣть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у В. Скотта заимствованія у Шекспира и Шеридана.

бирая переводъ „Манфреда", находитъ, что характеръ поэзіи Байрона есть *музыкальность*. Въ „Манфредѣ", говоритъ онъ, происшествіе служитъ только средствомъ для представленія идеи. Поэтъ не знакомитъ насъ ни съ подробностями жизни своего героя, ни съ его происхожденіемъ; онъ не предметы, не происшествія изображаетъ, а слѣды этихъ происшествій, впечатлѣнія происшествій, оставшіеся отъ нихъ на душѣ". Такъ, музыка, замѣчаетъ онъ, въ своихъ звукахъ не предметы представляетъ, а чувствованія, производимыя предметами. Посему не непонятно будетъ, если мы скажемъ, что характеръ поэзіи Бойрона есть *музыкальный*".

Въ заключеніе о Байронѣ приводимъ отрывки изъ одного стихотворенія, помѣщеннаго въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 г., подъ названіемъ: „Байронъ".

Эллада древняя, священный Геликонъ,
Гордитесь прахомъ симъ—у васъ сокрытъ Байронъ!
Въ побѣдномъ заревѣ погасло вдохновенье.
При звукѣ бранныхъ трубъ палъ гордый исполинъ
И вопли пронеслись отъ греческихъ дружинъ:
Хвала, герой-пѣвецъ, свободой вдохновенный!
Ты укрѣпилъ нашъ духъ, ты примѣръ вождей,
Гомеромъ странствовалъ, пѣлъ битвы какъ Тиртей;
Теперь!... лобзаемъ прахъ, намъ вѣчно незабвенный.

А ты.... *

***

Среди морей твоихъ надменный какъ деспотъ,
Какой воздвигнешь гробъ надъ гордою цѣвницей!
Пускай отвергнешь ты пѣвца священный прахъ,—
Скалы безмолвныя, дубъ дикій на скалахъ
И море бурное останутся въ вѣкахъ
Его достойною и вѣчною гробницей:...

Наряду съ произведеніями Вальтеръ-Скотта и Байрона въ журналахъ 20-хъ годовъ переводились и произведенія Шатобріана, а также помѣщались ихъ разборы. Въ нихъ онъ ставился весьма высоко. Такъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 г. ч. 7, въ началѣ разбора его сочиненій говорится: „Французы удивляются неутомимому генію Шатобріана, ко-

* Англійскій народъ.

торый съ равною силой ума дѣйствуетъ на поприщахъ гражданскомъ и литературномъ. Вновь издаваемыя имъ творенія обогащаются многими новыми драгоцѣнными прибавленіями. Тамъ же мы находимъ нѣкоторые факты, относящіеся къ его путешествію по Америкѣ и встрѣчѣ съ Вашингштономъ". Рекомендуясь послѣднему, Шатобріанъ, между прочимъ, сказалъ: „Не такъ трудно открыть проходъ сѣверо-западный, какъ сотворить народъ (переводъ журнала), подобный тому, который вы сотворили". Описавъ обѣдъ, на который онъ былъ приглашенъ Вашингтономъ, Шатобріанъ далѣе замѣчаетъ: „Такова была моя встрѣча съ освободителемъ Новаго Свѣта. Вашингтонъ сошелъ въ могилу, прежде нежели молва успѣла обо мнѣ шепнуть ему; я мелькнулъ передъ нимъ какъ человѣкъ незнаемый; онъ предсталъ ко мнѣ во всемъ блескѣ, я передъ нимъ во всей моей неизвѣстности. Даже одного дня не прожило мое имя въ его памяти. Но я счастливъ тѣмъ, что взоры его пали разъ и на меня! Ихъ пламень согрѣвалъ меня въ остальной моей жизни: есть тайная сила во взорахъ великаго". Въ названномъ разборѣ дѣлаются выдержки изъ того мѣста сочиненій Шатобріана, гдѣ онъ излагаетъ свой взглядъ на Вашингтона. Онѣ знакомили читателей съ картиннымъ изложеніемъ его сочиненій. Вотъ одно такое мѣсто: „Вашингтонъ не принадлежитъ, подобно Бонапарту, къ тому исполинскому племени Александровъ и Цезарей, которое возвышается надъ главами всего человѣчества. Въ немъ ничто не удивляетъ; сцена его дѣйствій необширна; онъ не соперничаетъ съ искуснѣйшими полководцами, съ сильными монархами своего вѣка; онъ не переплываетъ морей, не шагаетъ изъ Мемфиса въ Вѣну, изъ Кадикса въ Москву: съ горстью гражданъ защищается онъ на землѣ чуждой славы и воспоминаній, въ тѣсномъ кругу очаговъ домашнихъ. Онъ не даетъ сраженій, возобновляющихъ кровавыя торжества Арбелловъ и Фарсалію; онъ не разрушаетъ престоловъ съ тѣмъ, чтобъ изъ обломковъ ихъ возстановить новые".

Нѣмецкіе современные геніи также давали пищу рус-

ской журналистикѣ названнаго времени. Здѣсь мы также видимъ, съ одной стороны, взгляды, а съ другой переводы и факты, касающіеся жизни названныхъ лицъ. Одинъ изъ критиковъ 20-хъ годовъ высказываетъ, напримѣръ, такой взглядъ на Гете. „Гете, какъ великій поэтъ - мыслитель, говоритъ онъ, полнѣе и спокойнѣе (нежели Ж. П. Рихтеръ) разсматриваетъ (въ своихъ романахъ) жизнь и назначеніе человѣка. Ни въ слогѣ, ни въ представляемыхъ имъ лицахъ вы не встрѣтите рѣзкихъ противоположностей; онъ во всемъ умѣетъ найти хорошую сторону; главное его правило, кажется, то, что въ мірѣ все къ лучшему, и всѣ житейскія превратности служатъ къ развитію способностей, слѣдовательно, къ совершенствованію нашему; сіе развитіе почитаетъ онъ благороднѣйшимъ назначеніемъ человѣка, любовь однимъ изъ сильнѣйшихъ къ тому способовъ. Нравственная истина, извлекаемая изъ романовъ Гете, есть та, что человѣкъ, принимая отъ всѣхъ ближнихъ пособія для своего совершенствованія, обязанъ и имъ воздавать тѣмъ же. Главное къ сему средство есть изящное въ искусствахъ; и любовь къ изящному почитаетъ Гете матерью всѣхъ благородныхъ склонностей и порывовъ сердца; изящныя искусства, полагаетъ онъ, должны дѣйствовать благодѣтельно и на неодушевленную природу, улучшая міръ, нами обитаемый, и тѣмъ способствуя къ нашему счастію душевному» *. Высказывая свои взгляды на произведенія великаго писателя, русская журналистика сообщала и нѣкоторые факты, относящіеся къ нему. Такъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г., ч. 9, помѣщено въ подлин-

* Вѣрный взглядъ на Гете былъ высказанъ Шевыревымъ въ М. В. 28 г., „Стремленіе сблизить поэзію съ глубиною жизни дѣйствительной, говоритъ онъ, повторилось черезъ два вѣка послѣ Шекспира въ великомъ Гете. Но онъ простеръ его еще далѣе. Шекспиръ выводилъ только важныя лица историческія: жизнь его трагедій, какъ Исторія Гюмова, заключается въ одной жизни Цезарей. Гете своимъ произведеніемъ „Гецъ“ и для самой исторіи раскрылъ новые виды: не живое ли даетъ онъ наставленіе въ образцѣ своемъ, что исторія, какъ всеобщая драма рода человѣческаго, должна быть живою, одушевленною картиною людей всякого рода, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни?“

никѣ и въ переводѣ письмо Гете къ Борхарду, написаное въ отвѣтъ на статью послѣдняго „Goethes Würdigung in Russland“ и разборъ „Елены“, написанный Шевыревымъ и посланный къ Гете въ переводѣ Борхардомъ. Въ своемъ письмѣ Гете говоритъ, между прочимъ, что для него было неожиданностью встрѣтить въ отношеніи къ нему на отдаленномъ Востокѣ чувства столь же нѣжныя, сколько глубокія, пріятнѣе и привлекательнѣе которыхъ онъ не можетъ указать и на Западѣ, уже многія столѣтія идущемъ къ образованію. Сказавъ о своихъ отношеніяхъ къ Жуковскому (ein höchst erquickliches Verhältniss zu Herrn Schukowsky), Гете говоритъ далѣе: „Размышленія, къ которымъ я приведенъ теперь, столь же обширны и необъятны, какъ то государство, въ средоточеніи котораго вы находитесь. Уже древняя столица, которую мы еще не задолго считали находящеюся въ развалинахъ, снова, непонятнымъ образомъ, возникла изъ пепла, и вы, вмѣстѣ съ достойными вашими друзьями, будучи призваны раздѣлить участь столь важной точки вселенной, въ знаменательную эпоху, не ставьте границъ вашему ученію *, чтобы вѣрнѣе достигнуть туда, гдѣ чистая, простая, благородная дѣятельность необходима для уничтоженія многихъ препятствій, для совершенія многаго добра“. Въ концѣ письма онъ замѣчаетъ: „Продолжайте спокойно знакомить человѣка съ самимъ собою, да почувствуетъ онъ цѣну и достоинство и да научится узнавать то мѣсто, которое ему назначено въ отношеніи къ цѣлому міру и въ особенности внутри его опредѣленнаго круга“. Въ томъ же журналѣ мы находимъ слѣдующій интересный анекдотъ о Гете. Живописецъ Зальдерскъ изъ Брауншвейга весьма удачно нарисовалъ на кубкѣ портретъ Гете. Написавъ на кубкѣ собственною рукою: „Heil und Gruss Göthe,“ великій поэтъ сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Когда я молодъ былъ, когда
Мечта о славѣ сердце веселила,—

* Здѣсь Гете разумѣетъ вообще литературу.

Я былъ хорошъ, но живопись тогда
Моимъ лицомъ не дорожила;
Зато красавица, и не одна,
Была тогда мнѣ сердцемъ предана.
Теперь на старости, я дожилъ славы,
Ужъ въ городахъ торгуютъ нынѣ мной:
На трубкѣ я, на чашѣ круговой,
Какъ старый Фрицъ, написанъ для забавы,
Но нѣтъ ужъ мнѣ привѣта красоты:
Ахъ, гдѣ любовь? гдѣ юности мечты?

Рѣже встрѣчается въ журналахъ 20-хъ годовъ имя Шиллера. Изъ статей, относящихся къ нему, укажемъ на его біографію, помѣщенную въ „Невскомъ Зрителѣ" 1820 г., ч. 1. Впрочемъ, она даетъ не много матеріала. Характеристика ея такого рода: „Шиллеръ обладалъ рѣдкими качествами сердца. Будучи откровененъ и довѣрчивъ, справедливъ въ словахъ и поступкахъ, удаленъ отъ гордости и эгоизма, онъ въ короткое время пріобрѣлъ себѣ благорасположеніе каждаго. Чѣмъ короче узнавали его, тѣмъ болѣе чувствовали ему цѣну. Высокій ростъ, худощавое, блѣдное лицо, носившее на себѣ слѣды слабаго здоровья, не заставляли въ первую минуту обращать на него вниманіе; но проницательному взору открывались въ голубыхъ глазахъ его искры пламеннаго генія; высокое, открытое чело предвѣщало поэта и философа (значитъ, каждый человѣкъ съ большимъ лбомъ—поэтъ и философъ); какъ скоро онъ начинаетъ говорить, легкій румянецъ начинаетъ пробѣгать по лицу его и придавать ему неописанную пріятность. Подобно всякому человѣку, одаренному избыткомъ ума и чувствъ, но долго лишенному всѣхъ наслажденій въ жизни, Шиллеръ, по достиженіи свободы, часто наполнялъ чашу веселія. Но наслажденія его были, подобно ему, геніальны (!) и благородны.—Красоты природы сильно трогали его. Онъ часто въ легкой ладьѣ предавался стремленію рѣки въ то время, когда бури воздымали волны и черныя тучи изрыгали вокругъ его громы и молніи.—Шиллеръ особенно любилъ заниматься ночью. Когда умолкалъ безпорядочный шумъ свѣта, въ то время геній го-

ворилъ ему яснѣе и понятнѣе. Съ угасшимъ свѣтомъ дня возгарался пламень его вдохновенія, и часто утренняя заря заставала Шиллера посреди его трудовъ".—Нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіеся къ Шиллеру, можно найти въ журналахъ 20-хъ годовъ въ отдѣлѣ „Смѣси" и „Разныхъ извѣстій". Таково, напримѣръ, слѣдующее извѣстіе „Невскаго зрителя": „Въ журналѣ Der Gesellechafter сказано, что прахъ великаго Шиллера покоится въ одной развалившейся хижинѣ (?), въ самомъ отдаленномъ углу Веймарскаго кладбища, между тѣмъ какъ въ пяти шагахъ отъ него сооруженъ великолѣпный обелискъ одному мастеровому, погибшему на пожарѣ" *.

Третій нѣмецкій писатель, произведенія котораго помѣщались и разбирались въ журналахъ 20-хъ годовъ, Ж. П. Рихтеръ, извѣстный причудливыми созданіями своей фантазіи. Критика 20-хъ годовъ вѣрно опредѣляла сущность его поэзіи. Таковъ, напримѣръ, взглядъ двухъ критиковъ „Московскаго Вѣстника", Шевырева и Титова, на Ж. П. Рихтера. По мнѣнію перваго, это—гигантъ, создавшій собственный міръ въ своихъ романахъ. „Одно только чудесное, необыкновенное, невѣроятное даже въ природѣ, искусствахъ и наукахъ имѣетъ право на существованіе въ мірѣ, имъ созданномъ. Онъ не знаетъ середины, онъ во всемъ любитъ крайности. Въ злодѣяхъ его вы видите исчадія не земли, но ада, идеалъ зла всемірнаго; въ добродѣтельныхъ—воплощенныхъ ангеловъ, свѣтлыхъ чадъ неба. Его женщины сотворены изъ плоти, растворенной любовью и чувствительностью, изъ какихъ-то нѣжныхъ струнъ, малѣйшее прикосновеніе къ которымъ производитъ сотрясеніе въ цѣломъ ихъ

* Къ переводамъ изъ Шиллера можно указать на помѣщенные въ „М. Вѣстникѣ" отрывки изъ „Смерти Валленштейна" и „Лагеря Валленштейна", „Жалобу Цереры", „Безпредѣльность", „Мизантропы" и др.

Укажемъ здѣсь также на помѣщенную въ „Телеграфѣ" 1827 г., переводную статью „Гете и Шиллеръ", въ которой рѣшается вопросъ о нравственныхъ достоинствахъ этихъ писателей, причемъ первый ставится гораздо ниже втораго. Въ статьѣ, очевидно, высказаны взгляды партіи.

составѣ: такова его Ліана въ Титанѣ. Природа и искусства несутъ ему всѣ свои сокровища, когда онъ описываетъ міръ свой; изо всѣхъ царствъ естества беретъ онъ краски для картинъ своихъ" *. Второй критикъ сходится съ этимъ взглядомъ. „Если судить по романамъ Ж. Поля, говоритъ онъ, человѣкъ сотворенъ любить, въ обширномъ смыслѣ слова; что не только противорѣчитъ, но даже не раздѣляетъ сей склонности, низко, смѣшно, отвратительно. Отъ того и въ характерахъ, и въ слогѣ романовъ Жанъ-Поля встрѣчается на ряду ангельское и адское, лирическій восторгъ Руссо и каррикатура Фельдинга. Герои и героини его соединяютъ въ себѣ все возвышенное, что есть и чего нѣтъ въ природѣ человѣка. Они слишкомъ хороши для нашего міра. Скажемъ въ заключеніе, что всякій мыслящій, читая Жанъ-Поля, подивится неимовѣрному богатству картинъ, ѣдкости остроумія, огромности отдѣльныхъ мыслей; но повѣритъ его вымысламъ лишь фантазія влюбленнаго" **.

Между поэтами названнаго времени видное мѣсто занималъ Мицкевичъ. Поэтому естественно, что и о немъ говорила современная русская журналистика. Большое вниманіе обратилъ на себя его „Валленродъ" и „Крымскіе сонеты". О послѣднихъ въ одномъ журналѣ было сказано: „Это изображеніе самыхъ разительныхъ картинъ Крыма; но это не простое стихотворное описаніе. Авторъ, г. Мицкевичъ, далъ всякому изъ сихъ описаній форму особенную, и сіи формы столь оригинальны и столь разнообразны, что нельзя дать о нихъ никакого понятія тому, кто самъ не читалъ сихъ сонетовъ. Характеръ ихъ — что-то восточное; идеи — велики; сравненія изумляютъ смѣлостью; мы ничего подобнаго не знаемъ на языкѣ нашемъ! Всѣ сіи стихотворенія хороши, всѣ до одного; но лучшія, по нашему, мнѣнію, слѣдующія: „Аккерманскія степи", „Буря", „Бахчисарайскій дворецъ" и „Байдари"; еще прекраснѣе: „Плаваніе", „Видъ горъ" и „Чатырдагъ"; превосходнѣйшее: „Дорога надъ пропастью въ

* „М. Вѣстникъ", 1817 г., ч. 5, стр. 413.
** Тамъ же, ч. 7, стр. 182.

Чуфутъ-Кале". Впрочемъ, кто прочитаетъ одинъ изъ сихъ сонетовъ, тотъ прочитаетъ всѣ ихъ!"

Для образца переводовъ изъ Мицкевича, помѣщавшихся въ журналахъ 20-хъ годовъ, приведемъ стихотвореніе „Аккерманскія степи" и отрывокъ изъ „Валленрода". Вотъ первое:

Въ океанѣ сухомъ и безбрежномъ плыветъ
Колесница моя, точно въ морѣ ладья.
Средь играющихъ водъ то летитъ, то нырнетъ,
Средь волнистыхъ луговъ, средь разлива цвѣтовъ,
И проносятся мимо гряды островов
Ярко-цвѣтущихъ бурьяна.

***

Вотъ покрыла все мгла; ни стези, ни кургана.
Какъ все мрачно окрестъ, путеводныхъ нѣтъ звѣздъ,
Облачко вотъ блеститъ и заря ужъ горитъ:
Нѣтъ, то блещетъ тамъ Днѣстръ, то маякъ Аккермана
Тамъ запылалъ въ вышинѣ.

***

Но постойте... какъ тихо! Слышится мнѣ,
Какъ шумятъ журавли въ недостижной дали
Соколинымъ очамъ... Вотъ я слышу, какъ тамъ
Пошатнулся цвѣтокъ и вспорхнулъ мотылекъ...
И какъ скользкою грудью касаясь травы,
Проползаетъ змѣя... Ахъ, какъ тихо здѣсь! — я
Напрягаю такъ слухъ, что изъ милой Литвы
Ко мнѣ голосъ привѣтный чуть слышный дойдетъ...
Ѣдемъ—никто не зоветъ.

Вотъ начало вступленія „Валленрода":

„Уже сто лѣтъ истекало, какъ орденъ крестоносцевъ плавалъ въ крови полночнаго язычества; уже прусакъ преклонилъ выю подъ цѣпи, или оставлялъ землю родную, унося съ собой одну жизнь, а нѣмецъ бросался въ погоню за бѣглецами, бралъ ихъ въ плѣнъ и убійствомъ означалъ путь до границъ самой Литвы".

„Нѣманъ раздѣляетъ литовцевъ отъ враговъ ихъ: на одной сторонѣ рѣки блистаютъ вершины храмовъ, шумятъ лѣса, обители боговъ; на другой виденъ крестъ, знаменіе

нѣмцевъ, водруженный на холмѣ, кроющій чело свое въ небѣ: къ Литвѣ простираетъ онъ грозныя рамена свои, какъ будто желая съ верху горы обнять и попрать всѣ земли Палемона".

„На той сторонѣ, толпы литовскихъ юношей, въ рысьихъ колпакахъ, въ медвѣжьихъ одеждахъ, съ лукомъ за плечами, съ горстьми стрѣлъ, бродятъ и слѣдятъ движенія нѣмцевъ. На другой сторонѣ, нѣмецъ въ шишакѣ и въ латахъ, неподвиженъ сидитъ на конѣ, и вперивъ очи въ станъ непріятельскій, заряжаетъ ружье и перебираетъ четки" *.

Если западная литература 20-хъ годовъ представляла много блестящихъ именъ въ числѣ своихъ поэтовъ, то и русская, въ свою очередь, могла выставить такія поэтическія силы, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ. И странное дѣло: въ то время, какъ относительно первыхъ русская журналистика 20-хъ годовъ высказывала болѣе или менѣе сходные взгляды, относительно вторыхъ, особенно Пушкина, она была гораздо менѣе единодушна. Объясняется это отчасти тѣмъ, что относительно иностранныхъ писателей она часто почерпала готовые взгляды изъ иностранной журналистики, на русскихъ же писателей должна была вырабатывать взгляды сама. Притомъ такіе писатели, какъ Гете, Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ не затрогивали ничьего самолюбія въ средѣ русскихъ современныхъ писателей, никому не приходило въ голову между послѣдними тягаться съ ними силами, оставалось только хвалить и переводить ихъ произведенія, въ надеждѣ на матеріальную наживу, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ журналистовъ 20-хъ годовъ. Другое дѣло—русскіе писатели, русскіе поэты! Какъ, напримѣръ, должны были посмотрѣть на появленіе въ русской литературѣ Пушкина поэты старой, такъ сказать, укрѣпившейся и окопавшейся школы, поэты, заручившіеся пріятельскими голосами въ журналистикѣ и считавшіе свой авторитетъ совершенно незыблемымъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нападавшихъ

* „Московскій Вѣстникъ" 1828 г., ч. 8, стр. 290. „Конрадъ Валленродъ" переведенъ въ этомъ журналѣ весь, съ примѣчаніями и объясненіями.

на Пушкина писателей были искренни въ своихъ нападеніяхъ. Эти люди въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію держались мнѣній „Лицея“ Лагарпа и „Словаря древней и новой поэзіи“ Остолопова. Замѣчая, что разбираемое произведеніе, напримѣръ, „Русланъ и Людмила“ Пушкина, не подходитъ ни подъ одну изъ извѣстныхъ имъ категорій, и не находя для него образца въ греческой и римской литературѣ, они торжественно называли его незаконнымъ явленіемъ. Это были сторонники такъ называемаго классицизма, приверженцы французской литературы XVIII столѣтія, вступившіе впослѣдствіи въ сильную борьбу съ романтиками, центромъ которыхъ были въ русской литературѣ Жуковскій и Пушкинъ *.

Обратимся теперь къ взглядамъ, какіе выразились на Пушкина въ журналистикѣ 20-хъ годовъ, и скажемъ, прежде всего, объ отношеніи современной критики къ первой поэмѣ Пушкина „Русланъ и Людмила“ **, поэмѣ, которой суждено было образовать новое направленіе въ русской поэзіи и возбудить ожесточенную полемику между псевдо-классиками и сторонниками романтизма, который собственно съ этого времени и почувствовалъ твердую почву подъ своими ногами и усилился какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Названная поэма образовала два лагеря въ литературѣ 20-хъ годовъ: одинъ сосредоточился въ такихъ журналахъ, какъ „Вѣстникъ Европы“ и „Невскій Зритель“, другой — въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и „Телеграфѣ“. Чтобы познакомиться съ воззрѣніями перваго, обратимся къ статьѣ, помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 года, ч. 3, и озаглавленной: „Замѣчанія на поэму „Русланъ и Людмила“, въ шести пѣсняхъ, соч. Пушкина 1820“. Много нелѣпаго и смѣшнаго разсѣяно на страницахъ этихъ замѣчаній. Авторъ начинаетъ съ того, что, похваливъ чрезвычайную легкость и плавность стиховъ, „отмѣнную версифика-

* Въ западной литературѣ къ романтической школѣ принадлежатъ: Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, В. Гюго, Шатобріанъ, Бальзакъ, Евгеній Сю, Дюма, Ж. П. Рихтеръ, Шлегель, Тикъ и др.

** Появилась въ 1820 г.

цію", выражаетъ сожалѣніе по тому поводу, что въ поэмѣ Пушкина „піитическія красоты" будто бы перемѣшаны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладострастными картинами и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ. „Черноморъ и всѣ его братья и сестры свиты Вельзевула", по мнѣнію критика, могутъ нравиться болѣе грубому, необразованному народу. Похваливъ, тѣмъ не менѣе, многія картины поэмы и признавъ въ авторѣ поэта, критикъ затѣмъ продолжаетъ въ слѣдующемъ родѣ. „Кто бы подумалъ до появленія сего произведенія, что, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, старинная сказка „Еруслан Лазаревичъ" найдетъ себѣ подражателей? Теперь можно надѣяться, что у насъ расплодятся и „Бовы Королевичи" и „Ильи Муромцы". Не спорю, что такого рода повѣсти въ стихахъ могутъ нравиться—какъ и опера „Русалка". Прекрасная музыка! прекрасная декорація!" Далѣе критикъ замѣчаетъ, что „Руслана" нельзя назвать поэмой, такъ какъ поэма есть произведеніе, въ которомъ описываются геройскіе подвиги касательно религіи, нравственности или такихъ происшествій, которыми рѣшилась судьба царствъ; что въ немъ болѣе грубое, простонародное волшебство, а не чудесное, что составляетъ сущность поэмы. „Сверхъестественныя силы, говоритъ онъ, надобно приводить въ движеніе только тогда, когда дѣйствіе не можетъ совершиться обыкновенными. Фантазія, вышедшая изъ границъ, творитъ выродковъ. Не достойно ли критикуютъ въ Виргиліи, что онъ превратилъ флотъ въ птицъ; въ Мильтонѣ—сраженіе ангеловъ съ горами и то, что онъ втащилъ на небеса огромную пушку; въ Камоэнсѣ, что онъ заставилъ Бахуса читать литургію; въ Малербѣ, что онъ сравнивалъ слезы Св. Петра съ быстрымъ водопадомъ, а вздохи уподоблялъ разъяренному грому; и въ Шекспирѣ, что у него плавалъ корабль при берегахъ Богеміи? Не одни поэты подвергаются укоризнѣ за упущеніе здраваго смысла и правдоподобія, тоже и живописцы. Хорошо ли сдѣлалъ Рафаэль, который одѣлъ Св. Дѣву въ платье итальянскихъ крестьянокъ; Рембрантъ, который ставилъ

всегда польскаго всадника при крестѣ Спасителя; Тинторетъ, который вооружалъ ружьями израильтянъ, проходящихъ чрезъ Чермное море? Можно ли похвалить находящуюся въ Аугсбургской церкви картину, гдѣ жена Ноя одѣта въ богатое платье султанши и несетъ въ ковчегѣ на рукахъ болонскую собачку? Послѣ сего не должно ли вооружаться правилами самаго искусства, утвержденными образованнымъ вкусомъ вѣковъ, противъ всѣхъ уродливостей, помѣщенныхъ въ „Русалкѣ?" Помѣщеніе князя Владиміра въ поэмѣ критикъ считаетъ оскорбленіемъ религіознаго чувства. Порицаетъ онъ также то, что поэтъ часто говоритъ о себѣ и обращается къ красавицамъ, наставникамъ, артистамъ. Относительно цѣли поэмы — нравиться прекраснымъ, критикъ замѣчаетъ, что это цѣль хорошая, но довольно трудная, такъ какъ онѣ одарены тонкимъ вкусомъ, и искусство, желающее имъ нравиться, должно развивать одни благородныя чувствованія и болѣе всего не оскорблять ихъ стыдливости. Въ поэмѣ же, по словамъ критика, есть много картинъ, при которыхъ невозможно не краснѣть и не потуплять взоровъ. Такими картинами онъ называетъ слѣдующія:

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спѣсивой.
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ.

Вы знаете, что наша дѣва
Была одѣта въ эту ночь
По обстоятельствамъ точь-въ-точь
Какъ наша прабабушка Ева.
Нарядъ невинный и простой!
Нарядъ Амура и Природы!

Что будетъ съ бѣдною княжной?
О страшный видъ! Волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой
Младыя прелести Людмилы;

Къ ея плѣнительнымъ устамъ
Прильнувъ увядшими устами,
Онъ, вопреки своимъ годамъ,
Ужъ мыслитъ хладными трудами
Сорвать сей нѣжный, тайный цвѣтъ,
Хранимый Лелемъ для другаго.

Критикъ кончаетъ замѣчаніемъ, что когда во Франціи, въ концѣ минувшаго столѣтія, стали въ великомъ множествѣ появляться подобныя сему произведенія, произошелъ не только упадокъ словесности, но и самой нравственности, и желаніемъ, чтобы писатели и поэты выбирали предметы, достойные своихъ дарованій. „Языкъ боговъ, говоритъ онъ, долженъ возвѣщать намъ о подвигахъ добродѣтели, возбуждать любовь къ отечеству, геройство въ несчастіяхъ, плѣнять описаніемъ невинныхъ забавъ» *).

Такимъ же характеромъ отличалась по отношенію къ „Руслану и Людмилѣ“ критика „Вѣстника Европы“. Одинъ изъ ея представителей говорилъ по поводу названной поэмы слѣдующее. Всякій просвѣщенный и немного свѣдущій человѣкъ долженъ сильно возмутиться, когда ему предложатъ для чтенія произведеніе, написанное въ подражаніе „Еруслану Лазаревичу“. Таковъ „Русланъ“ Пушкина, Нужно совѣтовать публикѣ, чтобы она жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами. Грубая, неодобряемая просвѣщеннымъ вкусомъ шутка—отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Таковы воззрѣнія критика „Вѣстника Европы“ на поэму Пушкина. Особенно хорошо въ его разсужденіи слѣдующее сравненіе. „Позвольте спросить, говоритъ онъ: еслибы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться!“ Сильно неправятся ему такія выраженія поэмы:

*) „Невскій Зритель“ 1820 г., ч. 3, стр. 67.

писалъ слѣдующее: „Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первою поэмою Пушкина „Русланъ и Людмила". Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шума, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титуломъ „пѣвца Руслана и Людмилы". Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ „Руслана и Людмилы". Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ— чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, то есть хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи" *).

Какъ относительно „Руслана", такъ и относительно другихъ произведеній Пушкина мнѣнія журналистики 20-хъ годовъ были весьма различны. Серьезные, дѣльные отзывы встрѣчались очень рѣдко. Все, что было сказано о „Кавказскомъ плѣнникѣ", „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" и „Евгеніи „Онѣгинѣ въ „Сынѣ Отечества", „Дамскомъ Журналѣ", „Вѣстникѣ Европы" и „Московскомъ Телеграфѣ", ограничивалось, большею частію, простымъ извѣщеніемъ о выходѣ названныхъ произведеній или имѣло главнымъ предметомъ что-нибудь постороннее, какъ напримѣръ, романтическую поэзію и т. п. Въ журналахъ, которые хвалили, большею частію, слышались только восклицанія: Пушкинъ — поэтъ! Пушкинъ — истинный поэтъ! „Онѣгинъ"—поэма превосходная! „Цыганы"— мастерское произведеніе! Довольно серьезный разборъ названныхъ произведеній Пушкина находимъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 года. Прежде всего, критикъ говоритъ о томъ, что трудно привести къ единству все разнообразіе произведеній Пушкина и пріискать общее выраженіе для характера его поэзіи, принимавшей столько различныхъ видовъ. „Выключая красоту и оригинальность стихотворнаго

* Сочиненія, ч. VIII, стр. 415.

языка, говоритъ онъ, какіе слѣды общаго происхожденія находимъ мы въ «Русланѣ и Людмилѣ», въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», въ «Онѣгинѣ», въ «Цыганахъ» и т. д.? Не только каждая изъ сихъ поэмъ отличается особенностью хода и образа изложенія, но еще нѣкоторыя изъ нихъ различествуютъ и самымъ характеромъ поэзіи, отражая различное воззрѣніе поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почесть произведеніями не одного, но многихъ авторовъ. Эта легкая шутка, дитя веселости и остроумія, которая въ „Русланѣ и Людмилѣ" одѣваетъ всѣ предметы въ краски блестящія и свѣтлыя, уже не встрѣчается больше въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта: ея мѣсто въ «Онѣгинѣ» заступила уничтожающая насмѣшка, отголосокъ сердечнаго скептицизма, и добродушная веселость смѣнилась здѣсь на мрачную холодность, которая на всѣ предметы смотритъ сквозь темную завѣсу сомнѣній, свои наблюденія передаетъ въ карикатурѣ и совидаетъ какъ бы для того только, чтобы черезъ минуту насладиться разрушеніемъ созданнаго. Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ", напротивъ того, не находимъ мы ни той довѣрчивости къ судьбѣ, которая одушевляетъ „Руслана", ни того презрѣнія къ человѣку, которое замѣчаемъ въ „Онѣгинѣ". Здѣсь видимъ душу, огорченную измѣнами и утратами, но еще не измѣнившую самой себѣ, еще не утратившую свѣжести прежнихъ чувствованій, еще вѣрную завѣтному влеченію, душу, растерзанную судьбой, но не побѣжденную: исходъ борьбы еще зависитъ отъ будущаго. Въ поэмѣ „Цыганы" характеръ поэзіи также совершенно особенный, отличный отъ другихъ поэмъ Пушкина; то же можно сказать почти про каждое изъ важнѣйшихъ его твореній» *.

Разсматривая произведенія Пушкина, критикъ находитъ три періода въ развитіи его поэзіи. Первый періодъ, заключающій въ себѣ «Руслана» и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній, онъ называетъ *періодомъ школы итальянско-французской*. По его словамъ, сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, нѣжность, чистота отдѣлки, свойствен-

* „М. Вѣстникъ" 1828 г., ч, 8, стр. 173—174.

ныя характеру французской поэзіи вообще, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободою Аріоста. Второй періодъ онъ называетъ *отголоскомъ міры Байрона*. Въ произведеніяхъ этого періода Пушкинъ сходится съ Байрономъ не только въ воззрѣніи на жизнь и человѣка, но и въ способѣ изложенія, тонѣ и формѣ поэмъ. Дѣйствующихъ лицъ послѣднихъ съ перваго взгляда можно почесть за чужеземцевъ-эмигрантовъ, переселившихся изъ Байронова міра въ творенія Пушкина. Третій періодъ можно назвать *періодомъ поэзіи русско-пушкинской*. Его отличительныя черты: живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость. Ко второму періоду критикъ относитъ «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братьевъ-разбойниковъ» и «Цыганъ»;—къ третьему «Бориса Годунова» и многія мѣста «Онѣгина». Почти каждаго героя втораго періода, по мнѣнію критика, можно назвать *разочарованнымъ*; но, не смотря на это сходство съ произведеніями Байрона, поэмы Пушкина этого періода заключаютъ въ себѣ и много самобытнаго, оригинальнаго. Особенно высоко критикъ ставитъ «Бориса Годунова» (собственно сцену въ Чудовомъ монастырѣ, явившуюся въ печати прежде другихъ). Искусство, съ которымъ изображены характеръ вѣка, монашеская жизнь и характеръ Пимена, и высокія достоинства языка, по его мнѣнію, достойны великаго произведенія. Въ заключеніе онъ замѣчаетъ, что Пушкинъ рожденъ для драматическаго рода, что онъ слишкомъ многостороненъ, слишкомъ объективенъ, чтобы быть лирикомъ, что въ каждой изъ его поэмъ замѣтно стремленіе—дать особенную жизнь отдѣльнымъ частямъ, стремленіе, часто клонящееся ко вреду цѣлаго въ эпическихъ произведеніяхъ, но необходимое, драгоцѣнное для драматика.

Сходный взглядъ на Пушкина высказанъ и въ статьѣ „Обозрѣніе русской словесности за 1828 годъ", помѣщенной въ „М. Вѣстникѣ" 27 г. По замѣчанію автора, въ „Братьяхъ разбойникахъ" и „Цыганахъ" замѣтны слѣды глубокихъ впечатлѣній Байрона, замѣтенъ отпечатокъ меланхоліи британскаго

поэта. Во второй поэмѣ замѣтна, говоритъ онъ, какая-то борьба между идеальностью Байрона, и живописною народностью русскаго поэта: черты лицъ также набросаны точно, но окружающіе предметы блещутъ яркостью разнообразныхъ красокъ. Эта борьба производитъ какое-то разногласіе и неполноту въ произведеніи. „Въ сей борьбѣ видишь, какъ поэтъ хочетъ изгладить въ душѣ впечатлѣнія чуждыя и бросается невольно изъ своего прежняго міра призраковъ въ новую атмосферу существъ, дышущихъ жизнію". Въ 3-й пѣсни Онѣгина, по словамъ автора, свободный и мужающій поэтъ совершенно отклоняетъ отъ себя постороннее вліяніе. Татьяна—характеръ, вполнѣ принадлежащій Пушкину. Сцена изъ „Бориса Годунова" между Пименомъ и Григоріемъ—неотъемлемая собственность поэта. Всѣ съ нетерпѣніемъ, говоритъ онъ, ожидаютъ появленія Бориса. Далѣе авторъ выражаетъ удивленіе, почему русскія дамы, прочитавъ письмо Татьяны и 3-ю пѣснь Онѣгина, не отказываются въ обществѣ отъ французскаго языка.

Въ той же книжкѣ „Московскаго Вѣстника" помѣщена статья, изъ которой мы узнаемъ, какъ отнеслась публика къ „Евгенію Онѣгину". 4 и 5 главы этого романа были долгое время общимъ предметомъ разговоровъ въ Москвѣ: и замужнія женщины, и дѣвицы, и литераторы, и свѣтскіе люди при встрѣчѣ спрашивали другъ друга: читали ли вы „Онѣгина?" Какова Таня? Какова Ольга? Каковъ Ленскій? Изъ подслушанныхъ авторомъ разговоровъ видно, что Татьяна имѣла всѣ голоса въ свою пользу. Одинъ молодой человѣкъ такъ живо рисовалъ въ своемъ воображеніи эту дочь русской природы, что на вопросъ пріятеля, на балѣ, какъ ему нравится одна дѣвушка, отвѣчалъ: она похожа на Таню. Характеромъ Онѣгина были недовольны, говорили, что Онѣгинъ изображенъ не въ ясныхъ, не въ рѣзкихъ чертахъ. Далѣе были въ негодованіи на Пушкина за презрѣніе, которое онъ, будто бы, обнаруживалъ къ нимъ при всякомъ случаѣ въ своихъ стихахъ. Вызовъ Ленскаго называли несообразностью. Il n'est pas du tout motivé, кричали всѣ въ

одинъ голосъ. Находили неестественнымъ со стороны идеалиста, поэта Ленскаго, такое замѣчаніе о Ольгѣ:

Ахъ милый! какъ похорошѣли,
У Ольги плечи, что за грудь!

По замѣчанію одного молодаго поэта, Ленскій могъ говорить о глазахъ Ольги, а не о плечахъ и груди. Охотники до риѳмъ восхищались созвучіями: Гарольдомъ—льдомъ, Олѣболѣ, бланманже—уже. Сномъ Татьяны восхищались всѣ; только одинъ голосъ замѣтилъ, что такого систематически-уродливаго сна видѣть не возможно. *

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько дополнительныхъ словъ о томъ, какъ были встрѣчены журналистикой „Кавказскій плѣнникъ", „Бахчисарайскій фонтанъ", „Цыганы„ и первыя сцены „Бориса Годунова". Первая поэма была встрѣчена почти всѣми съ похвалой. Противъ нея уже не слышно было тѣхъ воплей, которыми разразились классики при появленіи „Русланы и Людмилы". Даже „Вѣстникъ Европы" похвалилъ эту поэму. Поклонниками Пушкина названная поэма была принята еще съ большимъ восторгомъ, нежели первая его поэма. „Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями, говоритъ Бѣлинскій, въ первый разъ былъ воспроизведенъ русскою поэзіею, и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію". Сочувственно былъ многими встрѣченъ и „Бахчисарайскій фонтанъ". Его ставили гораздо выше „Цыганъ". Послѣдняя поэма была, очевидно, не совсѣмъ понята критикою. „Въ то время, какъ Пушкинъ уже самъ безпощадно смѣялся надъ первыми своими поэмами, замѣчаетъ Бѣлинскій, его добродушные поклонники еще бредили плѣнникомъ, черкешенкою, Заремою, Маріею, Гиреемъ, братьями-разбойниками, и только по какой то рабости похваливали „Цыганъ", или, боясь окомпрометировать себя, какъ образованныхъ судей изящнаго, или дѣтски восхищаясь пѣснію Земфиры и сценою убійства". „Цыганы», гово-

* „М. Вѣстникъ" 1828 г., ч. 7, стр. 461—468.

ритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, произвели какое-то колебаніе въ быстро возраставшей до того времени славѣ Пушкина; но послѣ „Цыганъ“ каждый новый успѣхъ Пушкина былъ новымъ его паденіемъ, и „Полтата“, послѣднія и лучшія двѣ главы „Онѣгина“, „Борисъ Годуновъ“ были приняты публикою холодно, а нѣкоторыми журналистами съ ожесточеніемъ и съ оскорбительными критиками безусловнаго негодованія! * Первыя сцены „Бориса Годунова“, о которыхъ было сказано выше, почти не были примѣчены критикою 20-хъ годовъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ критиковъ сожалѣли, что эти сцены писаны не риѳмами и въ этомъ отношеніи отдавали преимущество отрывку изъ соименной трагедіи Федорова.

Несогласіе журналистики 20-хъ годовъ во взглядѣ на произведенія Пушкина было весьма сходно съ несогласіемъ, которое обнаружилось въ ея мнѣніяхъ относительно поэзіи Жуковскаго. Въ то время, какъ приверженцы романтизма восхищались этою поэзіею, представители старыхъ литературныхъ воззрѣній, такъ называемые классики были многими произведеніями Жуковскаго страшно недовольны. Органами ихъ мнѣній были въ журналистикѣ, между прочимъ, „Вѣстникъ Европы“ и „Невскій Зритель“, получившіе печальную извѣстность по нападкамъ на Пушкина. Критики-классики дѣлили произведенія Жуковскаго на два разряда: къ первому, заслужившему ихъ одобреніе, они относили „Сельское кладбище“ „Людмилу“, „Свѣтлану“, „Эолову арфу“, “Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“, къ второму, порицаемому, позднѣйшія произведенія Жуковскаго, носившія, какъ они говорили, отпечатокъ нѣмецкой поэзіи. Одинъ изъ критиковъ „Вѣстника Европы“ упрекалъ Жуковскаго въ томъ, что онъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ сталъ, будто бы, вводить въ русскій языкъ „обороты, блестки ума и безпонятную выспренность нѣмцевъ стихотворцевъ мистиковъ“. Истинный талантъ, говорилъ этотъ кри-

* Сочиненія, 8 т., стр. 452.

тикъ, долженъ принадлежать своему отечеству; человѣкъ, одаренный такимъ талантомъ, если избираетъ своимъ поприщемъ словесность, долженъ возвышать славу природнаго своего языка, раскрывать его сокровища и обогащать оборотами и выраженіями ему свойственными; геній/ имѣетъ даже право вводить новые, но не иноплеменные, и никогда не долженъ выпускать изъ виду свойства и приличія языка отечественнаго.„ Будучи однимъ изъ почитателей (но не слѣпыхъ и раболѣпныхъ) таланта нашего отличнаго стихотворца В. А. Жуковскаго, писалъ этотъ критикъ, я также, какъ и прочіе мои соотечественники, восхищался многими прекрасными произведеніями... Я, хотя не имѣю чести быть орлиной породы, смѣлъ прямо смотрѣть на солнце, любовался блескомъ его и согрѣвался живительною его теплотою до тѣхъ поръ, пока западные, чужеземные *туманы и мраки* не обложили его и не заслонили свѣтъ его отъ слабыхъ глазъ моихъ, слабыхъ потому, что не могутъ видѣть свѣта сквозь мракъ и туманъ... Если первыя баллады Жуковскаго породили толпу подражателей, которые только жалкимъ образомъ его передразнивали, не умѣя подражать красотамъ, разсыпаннымъ щедрою рукою въ прежнихъ его произведеніяхъ; то мудрено ли, что теперь люди съ превосходными дарованіями, или вовсе безъ дарованій, съ жадностью подражаютъ въ немъ тому, что находятъ по своимъ силамъ“ * Другой критикъ, ратовавшій въ „Невскомъ Зрителѣ“, разбирая переводную балладу Жуковскаго „Рыбакъ“, упрекалъ переводчика въ слѣдующихъ прегрѣшеніяхъ. Выписавши четыре строчки изъ стихотворенія:

Бѣжитъ волна, шумитъ волна!
Задумчивъ, надъ рѣкой
Сидитъ рыбакъ; душа полна
Прохладной тишиной,

онъ замѣчаетъ: „Первый стихъ какъ бы гвоздями прибитъ на обоихъ полустишіяхъ. Трудно изъяснить красоту его; но-

* „В. Европы 1821“ г., т. CXVII, стр. 19—21.

конечно, найдутся и для него защитники и станутъ доказывать, что стихъ сей *звуко-подражателенъ*. Если это и правда, то онъ мѣрою и паденіемъ своимъ выражаетъ болѣе *звонъ въ набатъ*, нежели бѣгъ и шумъ волнъ. Впрочемъ, какъ нынче въ модѣ всему подражать, и хорошему и дурному, то и сей стихъ имѣлъ своихъ подражателей. Мы нашли въ одномъ стихотвореніи:

Друзья, бодрѣй! друзья, смѣлѣй!
Идетъ злодѣй, грозитъ злодѣй.

„Одинъ мой знакомецъ, великій литераторъ, называетъ сіи стихи *отбойными ямбами*. Подлинно отбойные! желательно, чтобъ они поскорѣе ударили отбой изъ Русской Словесности“ *. Далѣе критикъ разбираетъ выраженія: *прохладная тишина*, *родное дно*, *кипучій жаръ*, *знойная вышина*, *прохладно-голубой сводъ неба* и т. д. Всѣми ими онъ крайне недоволенъ. Относительно послѣдняго онъ замѣчаетъ, что если оно правильно, то можно сказать: вѣтрено-рыжій, дождливо-желтый, мерзло-синій, знойно-зеленый. *Родное дно*, по его мнѣнію нельзя сказать; *родина*, *родимая сторона* — это другое дѣло; „*роднаго дна* на русскомъ языкѣ еще не было, замѣчаетъ онъ; вѣрно какой нибудь нѣмецкій гость, нежданой и незваной“. Храбрость критика доходитъ, наконецъ, до того, что онъ сравниваетъ названное стихотвореніе Жуковскаго съ Телемахидою Третьяковскаго и отдаетъ преимущество послѣдней.

Упреки, которые дѣлалъ Жуковскому критикъ „Невскаго Зрителя“, были равносильны упреку въ незнаніи русскаго языка. Не такъ смотрѣли на знакомство Жуковскаго съ русскимъ языкомъ болѣе безпристрастные критики. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежитъ критикъ „Московскаго Вѣстника“, разбиравшій „Правды въ прозѣ“ Жуковскаго. Свой отзывъ объ этой книгѣ критикъ начинаетъ указаніемъ на то, что часто раздавались (въ 20-хъ годахъ) восклицанія, что русскій слогъ усовершенствовался, что всѣ пишутъ хорошо. Все это кажется ему акустическимъ обманомъ. Разсматривая вни-

* „Невскій Зритель“ 1821 г., ч. 5, стр. 59.

мательно русскія прозаическія книги и журнальныя статьи названнаго времени, и видя, какъ часто слова размѣщаются не въ надлежащемъ порядкѣ, какъ часто при существительныхъ употребляются неподходящіе глаголы и прилагательныя, какъ рѣдко выдерживаются метафорическіе обороты, какъ несоразмѣрны между собою бываютъ періоды, нельзя не признаться, говоритъ онъ, что искусство писать въ грамматическомъ и риторическомъ отношеніи далось немногимъ изъ его современниковъ. Къ этимъ немногимъ онъ относитъ Жуковскаго. Самый строгій критикъ-пуристъ, по его словамъ, немного найдетъ себѣ поживы въ его переводахъ, изъ которыхъ и узнается преимущественно знатокъ языка *.

Между второстепенными поэтическими дарованіями 20-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе привлекательный талантъ Козлова. Это былъ одинъ изъ любимѣйшихъ поэтовъ своего времени. Много было пролито слезъ чувствительными барышнями надъ страницами его поэтическаго „Чернеца", многія изъ его стихотвореній были выучены ими наизусть. Естественно было, поэтому, обратить на него вниманіе и современной журнальной критикѣ. Достоинствомъ стихотвореній Козлова эта критика считала чувство, отличительнымъ ихъ характеромъ—меланхолію, блестящій цвѣтистый слогъ—ихъ внѣшнимъ признакомъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ статей, относящихся къ разбору его произведеній, на разборы „Московскаго Вѣстника". Въ статьѣ „Стихотворенія Ивана Козлова" („М. В." 1829 г., ч. 6) разбираются мелкія стихотворенія Козлова. Достоинствомъ ихъ авторъ считаетъ легкость и точность разсказа и особенный блескъ описаній; таково, напримѣръ, описаніе Кавказа и Крыма въ „Посланіи къ Гнѣдичу", таковы изображеніе „Венеціанской ночи" и нѣкоторые куплеты въ стихотвореніи „Къ Италіи". Блескъ и роскошь стихотвореній Козлова, по мнѣнію автора, вездѣ соединяются съ одною особенною чертою, именно, меланхоліею: въ нихъ разлито какое-то грустное чувство наслажденія, состоя-

* „Московскій Вѣстникъ" 1827 г., ч. 6, стр. 318.

щее не въ дѣйствительности, но или въ мечтѣ, или въ воспоминаніи. Большимъ достоинствомъ Козлова авторъ считаетъ способность выражать *чувство*, хотя не всегда глубокое, но всегда близкое къ намъ, чувство, *которое мы легко понимаемъ, но которое столь мало открывается и выходитъ наружу въ обыкновенной жизни, что для него по большей части нѣтъ выраженій.* Въ другой статьѣ „Московскаго Вѣстника", заключающей разборъ „Чернеца" Козлова, говорится, что эта повѣсть останется въ исторіи русской литературы памятникомъ того вѣка, когда наша поэзія, увлекшись подражаніемъ современнымъ геніямъ искусства, породила множество поэмъ, болѣе или менѣе несовершенныхъ. „Когда пѣвецъ Альбіона, замѣчаетъ онъ, могучей рукою возрастилъ въ Европѣ новое древо поэзіи, оно, безъ сомнѣнія, должно было во всѣхъ странахъ просвѣщеннаго міра пустить свои отростки, а тѣмъ болѣе въ Россіи, которая полна еще творческой силы, юной и неразвившейся. Характеръ поэмъ, о которыхъ мы говоримъ, есть вообще какое-то презрѣніе къ жизни внѣшней и ея разнообразнымъ происшествіямъ, какое-то неясное безпокойство души, еще младенческой, не умѣющей себѣ сказаться, неопредѣленное стремленіе въ міръ внутренній человѣка, въ міръ мыслей и чувствъ, еще не раскрытый и недоступный для умовъ неврѣлыхъ,—и, наконецъ, темное, поверхностное изображеніе сего тайнаго міра, который явился поэтамъ въ туманѣ неопредѣленности". По мнѣнію критика, „Чернецъ" не представляетъ глубокаго раскрытія тайнъ души, не показываетъ въ поэтѣ большаго познанія человѣческаго сердца, не плѣняетъ насъ отчетливостью въ изображеніи характера и страстей, но часто онъ трогаетъ душу читателя *нравственнымъ* чувствомъ, кокорымъ поэтъ умѣлъ оживить свое произведеніе и которое, по простотѣ своей, понятно и доступно для всѣхъ образованныхъ и необразованныхъ. Въ этомъ чувствѣ онъ видитъ и причину тѣхъ слезъ, которыми почтили поэта прекрасныя читательницы.

Подобный взглядъ на Козлова высказанъ въ разборѣ его

стихотворенія „Княгиня Н. Б. Долгорукая“ *, помѣщенномъ также въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1828 г., ч. 8). Въ немъ говорится, что Козловъ во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ остается при одномъ и томъ же чувствѣ. Это чувство— вѣра въ Промыслъ, покорность его волѣ въ несчастіяхъ. „Козловъ выстрадалъ свою поэзію, замѣчаетъ авторъ въ въ концѣ статьи; пѣсни его текутъ, какъ сладкія слезы, облегчающія горе душевное. Онъ въ дубравахъ нашей поэзіи поетъ не какъ соловей разнообразный, но какъ грустная горлица, жалобно и однообразно тоскующая о потерѣ друга, оплакиваетъ онъ всѣ, вмѣстѣ съ зрѣніемъ утраченныя для него блага міра и утѣшается грядущимъ, потерявъ настоящее. Ему любятъ внимать тихая горесть, безнадежная любовь, терпѣливое несчастіе: не лучшая ли же награда поэту за его пѣсни въ томъ, что не онъ одинъ ими утѣшается, но и родные ему по страданіямъ?“ Человѣкъ, знакомый съ русскою литературою, найдетъ, что этотъ отзывъ, не смотря на свою риторичность, заключаетъ въ себѣ совершенно справедливый взглядъ на поэзію Козлова. То же самое говоритъ о ней и Бѣлинскій.

Изъ другихъ поэтовъ, подвизавшихся на литературномъ поприщѣ въ 20-хъ годахъ, обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, Баратынскій, Ѳ. Глинка, Веневитиновъ, Подолинскій, Дельвигъ, Языковъ, Хомяковъ. Стихотворенія ихъ часто помѣщались въ журналахъ 20-хъ годовъ. Встрѣчаемъ

---

* Полевой, издатель „Телеграфа“, говоритъ, что ни одно изъ сочиненій Козлова не возбуждало такого сильнаго участія читателей и въ то же время не навлекло на него такихъ жестокихъ критикъ, какъ эта поэма. „Мы видѣли, говоритъ онъ, людей, съ сильнымъ чувствомъ, съ умомъ и просвѣщеніемъ, которые плакали, читая поэму Козлова. У многихъ читательницъ Козловъ сдѣлался любимымъ поэтомъ“. Не смотря на это, нѣкоторые критики были недовольны поэмою, говорили, что въ ней мало *мѣстныхъ красокъ*, что авторъ всѣмъ жертвуетъ для *эффекта*, любитъ нечаянности, театральныя сцены, упрекали его за то, что Наталья локонами утираетъ слезы, за безпрестанныя бури, сіянія мѣсяца, ночные мраки, тучи, и проч.

мы въ этихъ журналахъ и отзывы объ ихъ произведеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчается много вѣрнаго. Таковъ взглядъ одного критика на Баратынскаго. По его мнѣнію, Баратынскій болѣе мыслитъ въ поэзіи, нежели чувствуетъ. Сатиры его часто сбиваются на дидактическій тонъ и не столько блещутъ остроуміемъ, сколько щеголеватостью выраженій. Въ немъ слишкомъ замѣтно желаніе блистать словами. Часто очень обыкновенную мысль онъ оправляетъ въ отборныя слова и старательно шлифуетъ стихи, чтобы придать болѣе глянцу своей оправѣ. Въ выраженіяхъ онъ не всегда правиленъ, обличая встрѣчающимися галлицизмами замѣтное вліяніе французской школы. Оригиналенъ разборъ стихотвореній Баратынскаго, принадлежащій Булгарину и помѣщенный въ „Сѣверной Пчелѣ" 1828 г. Онъ нашелъ, что характеръ его поэзіи—мысли и чувства. Выписавши нѣсколько стиховъ изъ „Финляндіи", рецензентъ восклицаетъ: „Картина живая! вы видите все, что читаете. Какъ искусно поэтъ умѣлъ воспользоваться обыкновенными оборотами рѣчей! Если бы простой поселянинъ сталъ описывать вамъ языкомъ природы этотъ видъ, онъ сказалъ бы: „Тутъ море, надъ моремъ гора, а съ горы сходитъ лѣсъ къ берегу". Поэтъ, такъ сказать, *позолотилъ простонародный разсказъ и пропѣлъ его при звукахъ лиры.* „Тяжелыя" стопы прекрасно изображаютъ огромныя деревья. Кто видалъ въ натурѣ лѣсъ, растущій на косогорѣ, колеблемый вѣтрами, тотъ живо представитъ себѣ это „шествіе тяжелыми стопами". Какъ хорошо изображена сѣверная ночь *! и т. д. О Веневитиновѣ въ одномъ журналѣ находимъ замѣчаніе такого рода: „Переходя къ поэтамъ новаго поколѣнія, мы невольно предаемся чувству скорби, не замѣчая въ ряду ихъ незабвеннаго Веневитинова, для котораго слишкомъ рано наступила пора его славы. Онъ, какъ мгновенная звѣзда, пролетѣлъ отъ земли къ небу—и исчезъ, надолго оставивъ за собою свое лучезарное сіяніе. Его собственная душа,

* „Сѣверная Пчела" 1828 г., №№ 145, 146 и 147.

чуждая посторонняго вліянія, видна въ его поэзіи". Въ Подолинскомъ издатель „Московскаго Телеграфа" Полевой видѣлъ Алкида-младенца, могущаго въ мощныхъ рукахъ своихъ задавить змѣй зависти. Рецензентъ „Московскаго Вѣстника", напротивъ, замѣчалъ, что поэма Подолинскаго „Дивъ и Пери" отличается нѣкоторыми удачными описаніями, гладкими стихами, но что въ ея содержаніи нѣтъ ничего оригинальнаго и что излишняя словоохотливость въ разсказѣ и въ разговорахъ обличаетъ явную незрѣлость стихотворца. Болѣе благопріятный отзывъ встрѣчаемъ въ томъ же журналѣ о Ѳ. Глинкѣ. Въ немъ говорится, что въ стихотвореніяхъ этого поэта можно найти всѣ степени чувствованій души, стремящейся отъ земнаго, начиная отъ восторга, смѣло возлетающаго къ небу, до покорности, смиренно вопіющей изъ праха, что онъ не ограничивается какою нибудь одною литературною формою, такъ какъ стихотворенія его принимаютъ характеръ и оды, и элегіи, и идилліи, и повѣствованія, смотря по одушевляющему его предмету; что вмѣстѣ съ этимъ принимаетъ разнообразіе и его слогъ, живой и сильный, хотя иногда растянутый и небрежный. Картины, встрѣчающіяся въ стихотвореніяхъ Глинки, по замѣчанію автора, поражаютъ вѣрностью живописи и яркостью красокъ. Характеристической чертой этихъ стихотвореній онъ признаетъ то, что поэтъ дѣлаетъ себя средоточіемъ своего поэтическаго міра. Въ „Опытахъ священной поэзіи" Глинки особенно высоко ставится критикомъ стихотвореніе „Гимнъ Богу". Въ немъ онъ видитъ первоклассныя красоты, замѣчая, что мысли и выраженія стихотворенія столько соотвѣтствуютъ высотѣ предмета, сколько доступенъ ему языкъ человѣческій. Въ особенный восторгъ приводятъ критика слѣдующія, дѣйствительно, хорошія мѣста стихотворенія:

Моря и землю съ небесами
Держу въ десницѣ Я своей!
Коснусь звѣздамъ—и отступаютъ!
Дохну на солнцы—угасаютъ!
Велю—засвѣтитъ темнота!

Пускай (другой богъ) въ бездонныхъ высотахъ
Повѣситъ ни на чемъ громады
И небо сводомъ наведетъ
И тайнымъ пламенемъ зажжетъ
Неугасимыя лампады;
И сѣющій засѣетъ онъ
Свое лазоревое поле
И по своей единой волѣ
Звѣздамъ и солнцамъ дастъ законъ!

Въ большую заслугу поэту критикъ ставитъ то, что онъ посвятилъ себя высокимъ предметамъ, въ то время, когда другіе поэты ничѣмъ больше не занимаются, какъ только красивымъ описаніемъ бездѣлицъ. Нѣсколько лѣтъ, говоритъ онъ, русская муза расхаживаетъ по комнатамъ и разсказываетъ о домашнихъ мелочахъ, не поднимаясь отъ земли къ небу, истинному своему жилищу *.—Другой критикъ, разбирая «Опыты аллегорій» Глинки, замѣчаетъ, что предметы его аллегорій назидательны и возвышенны: въ нихъ изображаются высокое назначеніе души, тлѣнность и суета настоящей жизни, упованіе на будущее, преимущества наслажденій внутреннихъ, духовныхъ и т. п. Слогъ аллегорій, по его словамъ, правиленъ, благороденъ, исполненъ новыхъ и удачныхъ выраженій, богатъ картинами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ аллегоріяхъ критикъ видитъ бѣдность вымысла это обстоятельство приводитъ его въ удивленіе, такъ какъ во многихъ пьесахъ поэтъ обнаруживаетъ богатую фантазію.

Относительно стихотвореній Дельвига нѣкоторая часть журналистики высказывала такія сужденія. Стихотворенія Дельвига естественны, непринужденны, просты, незатѣйливы; въ нихъ почти нѣтъ воображенія, но есть чувство, нѣтъ страсти, но вездѣ есть нѣкоторая теплота сердца. Пѣсни его почитаютъ, поютъ, но никто объ нихъ не станетъ долго думать. Простонародность ихъ состоитъ только въ формѣ. Гораздо болѣе имѣютъ достоинства его идилліи.

---

* „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 1, стр. 322 и сл.

Оригинальнаго въ его стихотвореніяхъ ничего нѣтъ; ихъ можно прочитать съ легкимъ удовольствіемъ, но не болѣе.

Просматривая критическія статьи, помѣщавшіяся въ журналахъ 20-хъ годовъ и относящіяся къ названнымъ поэтамъ указаннаго времени, приходишь къ слѣдующему заключенію. Статьи эти имѣли неоспоримое значеніе для своего времени и имѣютъ его въ исторіи русской критики по отношенію къ поэтамъ пушкинскаго времени. Онѣ знакомили современную публику съ лучшими современными поэтами, показывали ихъ значеніе, объясняли, насколько было умѣнья, сущность ихъ поэзіи. Съ другой стороны, онѣ вырабатывали взглядъ на названныхъ поэтовъ и способствовали указанію мѣста, занимаемому ими въ исторіи литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ихъ отзывахъ было много невѣрнаго, пристрастнаго, неяснаго, недосказаннаго, часто относившагося болѣе къ мелочамъ, нежели къ существенному; тѣмъ не менѣе, была въ нихъ и значительная доля правды, которая была принята послѣдующими критиками и много способствовала уясненію взгляда на названныхъ писателей. Читая Бѣлинскаго, часто встрѣчаешь у него взгляды, сходные, по своей сущности, съ взглядами нѣкоторыхъ критиковъ 20-хъ годовъ, съ которыми, т. е. критиками, онъ былъ хорошо знакомъ, какъ показываютъ его сочиненія. Такимъ образомъ, журналистика 20-хъ годовъ имѣетъ неоспоримое значеніе въ дѣлѣ установленія существующихъ взглядовъ на русскихъ поэтовъ названнаго времени.

Обратимся теперь къ журналистамъ и критическимъ писателямъ 20-хъ годовъ. Изъ нихъ мы остановимся на Погодинѣ, Полевомъ, Булгаринѣ и Шевыревѣ. Не останавливаясь подробно на огромной массѣ статей, вышедшихъ изъ годъ ихъ плодовитаго пера, укажемъ на общій характеръ ихъ литературной дѣятельности. Какъ журналистъ, Погодинъ оказалъ большую пользу современному русскому обществу распространеніемъ въ немъ, посредствомъ журнала, многихъ научныхъ свѣдѣній и знакомства съ лучшими иностранными, и отечественными писателями своего времени. Его «Москов-

скій Вѣстникъ» обнаруживалъ много ума и таланта, заключалъ въ себѣ много ученыхъ и серьезныхъ статей, постоянно говорилъ о такихъ писателяхъ, какъ Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Шиллеръ, Гете, Шатобріанъ, Гумбольдтъ, Шлецеръ, Геренъ, Астъ, Ранке, Мишо, Тьерри, но, къ сожалѣнію, мало соотвѣтствовалъ духу современной журналистики, именно въ томъ отношеніи, что, въ пору борьбы мыслей и мнѣній, захотѣлъ воздерживаться отъ полемики, и былъ бѣденъ повѣстями, которыя составляли любимое чтеніе большинства тогдашней образованной публики. Это было причиною его недолгаго существованія. Погодинъ, какъ журналистъ, не понялъ или не хотѣлъ понять требованій времени и не сообразовался со вкусомъ той публики, среди которой онъ искалъ распространенія своего журнала. Къ достоинствамъ его, какъ журналиста, нужно отнести то, что онъ старался всегда быть безпристрастнымъ, доказательствомъ чего служитъ помѣщеніе въ его журналѣ критическихъ статей Арцыбышева, о которыхъ мы говорили выше. Въ эпоху борьбы классицизма и романтизма онъ держался какой-то середины между ними или, лучше сказать, не признавалъ ни того, ни другого, въ томъ видѣ, какъ онъ выражался въ полемическихъ статьяхъ 20-хъ годовъ. Вотъ что писалъ Погодинъ по этому поводу въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, помѣщенномъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 года. „Ты спрашиваешь меня еще о московскихъ классикахъ и романтикахъ. Мнѣ кажется, что люди, понимающіе различіе между классицизмомъ и романтизмомъ до сихъ поръ не говорятъ объ ономъ печатно, а изъ прочихъ—классиками себя называютъ тѣ, которые бранятъ, не читая, все новое, а романтиками,—которые не знаютъ ничего стараго. Первые повторяютъ свои далекіе зады и думаютъ, что родъ человѣческой остановился вмѣстѣ съ ними, а послѣдніе мечтаютъ, что родъ человѣческій ими только что начинается...» Погодинъ былъ весьма усерднымъ вкладчикомъ по отношенію къ своему журналу. Статьи его были большею частію или историческаго или географическаго содержанія. Сюда, напри-

мѣръ, относятся: «Введеніе во всеобщую исторію Шлецера», «Историческіе афоризмы и вопросы», «Древнѣйшее право Руси, соч. Эверса», «Замѣчаніе о характерѣ Іоанна Грознаго», «Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія», «Нѣчто объ Отрепьевѣ», «Астово введеніе въ исторію» (переводъ), «Мысли, какъ писать Исторію географіи», «О главныхъ горныхъ хребтахъ въ Европѣ» (изъ Риттера), и многія другія.

Какъ Погодинъ смотрѣлъ на задачу журналиста, видно отчасти изъ его статьи «Отвѣтъ издателя», помѣщенной въ первой книжкѣ «Московскаго Вѣстника» за 1827 годъ, стр. 148—152. Въ немъ онъ писалъ, что издаетъ свой журналъ не для тѣхъ, которые читаютъ только по середамъ и субботамъ и скорѣе узнаютъ о привозѣ голштинскихъ устрицъ и лимбургскаго сыра, нежели о появленіи новой басни Крылова или баллады Жуковскаго, и не для тѣхъ, которые наслаждаются только Брюссовымъ календаремъ и письмовникомъ Курганова и ведутъ разговоры.

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ.

Свой журналъ онъ посвящалъ тѣмъ, кто принималъ живое участіе въ общемъ дѣлѣ человѣческаго образованія, кто жаждалъ познаній и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всякое литературное произведеніе, которое въ извѣстномъ отношеніи могло служить термометромъ этого образованія въ отечествѣ. О программѣ журнала въ «Отвѣтѣ» говорилось слѣдующее. Къ первому отдѣлу журнала принадлежатъ произведенія творческаго ума. Это *изящная словесность*. Она потому предшествуетъ наукамъ, что человѣкъ, по своей природѣ, прежде творитъ, дѣйствуетъ, нежели познаетъ. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ второй, къ которому относятся познанія, систематически излагаемыя, или *науки*. Изъ наукъ журналъ ограничивается теоріей изящныхъ искусствъ, исторіей, „нравоученіемъ и общими понятіями изъ наукъ естественныхъ», такъ какъ всѣ эти познанія связаны между собою и всего болѣе согласуются съ способами и вкусомъ читающей пу-

блиии. За науками слѣдуетъ *критика*, какъ примѣненіе правилъ или истинъ вообще къ произведеніямъ ума и къ его изслѣдованіямъ. Четвертый отдѣлъ—*смѣсь*. Это матеріалы для наукъ, изъ которыхъ почерпаетъ подтвержденіе своимъ истинамъ и натуралистъ, и историкъ, и философъ. Таковы путешествія, историческіе документы, розысканія, извѣстія объ изобрѣтеніяхъ, анекдоты и проч. Въ концѣ объясненія программы Погодинъ прибавилъ замѣчаніе, что онъ съ удовольствіемъ будетъ помѣщать въ своемъ журналѣ насмѣшки надъ невѣждами, надъ всезнайками, и всякую критику, даже самую язвительную, на самаго себя, на своихъ сотрудниковъ, друзей, недруговъ и проч.

Другими свойствами и взглядами на журнальное дѣло отличался издатель «Московскаго Телеграфа» Полевой, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей своего времени. Это былъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ служителей романтизма 20-хъ годовъ и самый яркій представитель романтической критики этого времени. Особенности этой критики были слѣдующія. Смѣнивъ собою критику, основывавшуюся на взглядахъ Батте, Лагарпа и Эшенбурга, критику, представителемъ которой былъ извѣстный профессоръ Мерзляковъ, она перестала восхищаться красивымъ стихомъ, удачнымъ выраженіемъ и заговорила о требованіяхъ времени, романтизмѣ, творчествѣ и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ она поколебала литературное авторитетство, которое столь вреднымъ и задерживающимъ образомъ дѣйствовало на развитіе литературы. Она показала, что Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ совсѣмъ не были великими писателями. Такимъ образомъ, она дала необходимую свободу уму и фантазіи. Она же стала разъяснять значеніе литературныхъ произведеній Пушкина и Жуковскаго. Представителемъ этой-то критики былъ Полевой, онъ же былъ и основателемъ перваго журнала съ романтическимъ направленіемъ. Критика Полеваго отличалась вкусомъ и остроуміемъ, хотя иногда отличалась пристрастіемъ и никогда, по замѣчанію Бѣлинскаго, не достигала постиженія глубокаго смысла искусства и законовъ изящнаго. На этомъ основаніи его ре-

цензіи были гораздо лучше большимъ критическихъ статей. Какъ бы то ни было, Полевой въ своемъ журналѣ былъ постояннымъ гонителемъ литературнаго безвкусія и вычурности. «Онъ явился на журнальное поприще въ то время, говоритъ Бѣлинскій, когда „мадригалъ Лилетѣ" давалъ право на поэтическое безсмертіе; когда литературное чинопочитаніе было во всей своей силѣ; когда столько дикихъ предразсудковъ царствовало въ понятіяхъ по поэзіи. И вотъ онъ сталъ дѣйствовать съ энергіею, пыломъ и смѣлостью, открыто пошелъ противъ всего, что казалось ему устарѣвшимъ, отсталымъ, и уничтожалъ его во имя новаго *. Успѣхъ его журнала, благодаря всему этому, былъ небывалый; онъ имѣлъ до 1,500 подписчиковъ. Неисчерпаемый источникъ для своихъ статей и многихъ мыслей онъ находилъ, между прочимъ, въ извѣстномъ «Revue Encyclopédique». Въ своихъ статьяхъ онъ касался всѣхъ областей знанія, говорилъ и о нѣмецкой философіи, хотя знакомство съ ней получилъ изъ французской литературы. Съ сожалѣніемъ нужно замѣтить, что съ теченіемъ времени, въ 30-хъ годахъ, Полевой совершенно измѣнилъ свой взглядъ на многихъ русскихъ писателей и измѣнилъ къ худшему. Онъ никакъ не могъ понять высокихъ достоинствъ «Каменнаго Гостя» Пушкина, а появленіе Гоголя привѣтствовалъ даже бранью. Здѣсь же можно замѣтить, что въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ своихъ критическихъ теорій. Къ наиболѣе замѣчательнымъ критическимъ статьямъ его принадлежатъ разборы произведеній Державина, Карамзина, Пушкина и Жуковскаго.

Достоинства журнала Полеваго признавали и нѣкоторые изъ его литературныхъ противниковъ. Такъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ" ** „Телеграфъ" былъ названъ явленіемъ за-

* Сочиненія, т. III, стр. 106.

** „Моск. Вѣстникъ" 1828 г., ч. 8, стр. 68—105. Но было много враговъ и у Полеваго. Нѣкоторые спрашивали: гдѣ онъ учился, гдѣ его ученый аттестатъ, гдѣ онъ могъ почерпнуть свои знанія? Называли его торговцемъ, купцемъ, самоучкой. Были и такіе, которые въ своей полемикѣ выводили на сцену и водочный заводъ Полеваго.

мѣчательнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ говорилось, что въ этомъ журналѣ болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ каррикатурно отражаются вся хорошая и всѣ возможные недостатки современнаго русскаго образованія. Названная статья „Московскаго Вѣстника" весьма замѣчательна, какъ по отношенію къ „Телеграфу" и Полевому, такъ и по отношенію къ взглядамъ на журналистику самого «Московскаго Вѣстника», поэтому мы остановимся на ней подолѣе. Отличительнымъ характеромъ „Телеграфа" названная статья признавала *пестроту* содержанія. Въ журналѣ можно было встрѣтить статьи по философіи, словесности, эстетикѣ, исторіи, миѳологіи, археологіи, филологіи, нумизматикѣ, юриспруденціи, грамматикѣ, политической экономіи, статистикѣ, математикѣ и т. д. Въ немъ постоянно встрѣчались пренія съ журналами: „Дамскимъ", „Сѣверною Пчелою", „Вѣстникомъ Европы", „Сыномъ Отечества", „Московскимъ Вѣстникомъ" и „Сѣвернымъ Архивомъ"; помѣщались разборы книгъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, даже писанныхъ на языкахъ: датскомъ, сербскомъ, румынскомъ, армянскомъ и т. д. На ряду съ этимъ можно было найти лѣтописи модъ, описанія мужскихъ и дамскихъ платьевъ, шляпокъ, корсетовъ, косынокъ, лентъ, башмаковъ, чулковъ, булавокъ, рисунки стульевъ, креселъ, дивановъ, портреты В. Скотта, Гете, Шиллера, Байрона, Каннинга и проч. По отношенію къ различнымъ наукамъ въ „Телеграфѣ" высказывались слѣдующіе взгляды. Отъ историка требовалось (по поводу исторіи Кайданова), обозначивъ первобытное состояніе потомковъ Ноя послѣ потопа, ихъ бѣдствія и заблужденія, обнять весь міръ и постепенно раскрывать, какъ божественная религія и просвѣщеніе разума возводили человѣка изъ дикаго его состоянія въ образованное, какъ знанія и законы ума, начавшись въ Азіи, распространились въ Европу, что этому споспѣшествовало, что составляло счастіе и несчастіе людей. Относительно географіи говорилось, что современные русскіе учебники географіи обремѣнены именами и не даютъ общихъ

идей, что въ нихъ нѣтъ центра, нѣтъ развитія частностей изъ цѣлаго. Относительно усовершенствованія юриспруденціи въ Россіи предлагалась такая мѣра: „Должно бы рѣшиться кому нибудь напечатаніемъ въ одномъ собраніи всѣхъ сколько есть узаконеній и постановленій Россійскаго государства и скорымъ изданіемъ сего собранія подарить насъ собраніемъ фактовъ, въ коемъ помѣстить ихъ просто вполнѣ, какъ они суть, дополняя, каждый годъ непремѣнно, это собраніе вновь издаваемыми указами и установленіями. Это составило бы основаніе всѣмъ нашимъ системамъ и кодексамъ *". Относительно грамматики требовалось извлечь тайные ея законы изъ умозрѣнія и филологіи, чтобы добыть способъ составить грамматику синтетически. О славянскомъ языкѣ „Телеграфъ" разсуждалъ такъ: „До тѣхъ поръ не будетъ у насъ положено прочныхъ основаній русской грамматикѣ, пока мы не узнаемъ коренныхъ основаній древняго славянскаго языка, а его не узнать намъ изъ книгъ, писанныхъ на церковномъ или книжномъ языкѣ, который введенъ былъ въ переводъ св. Писанія греческими проповѣдниками, потомъ заключенъ въ грамматическія рамки Смотрицкимъ, и который теперь выдаютъ намъ за настоящій древній Славянскій языкъ аббатъ Добровскій и его послѣдователи. Если мы, для составленія коренныхъ правилъ, по одному словечку переберемъ Остромирово Евангеліе, если напишемъ грамматику еще огромнѣе грамматики Добровскаго, зданіе наше все будетъ шатко и построено на пескѣ. Не въ книжномъ языкѣ, который сотворенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, заключаются для насъ основные законы кореннаго славянскаго языка, но въ древнѣйшихъ народныхъ памятникахъ, которыхъ недостатокъ можетъ подкрѣпить ученое сообра-

* По поводу этого критикъ „Московскаго Вѣстника" замѣчаетъ: „Развѣ издатель „Телеграфа" не знаетъ до сихъ поръ, что это у насъ давнымъ давно дѣлается и всѣ указы издаются въ томъ порядкѣ, какъ выходятъ? Но отъ чего до сихъ поръ это собраніе не послужило основаніемъ всѣмъ нашимъ системамъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Да и гдѣ у насъ системы?"

женіе нынѣшнихъ отраслей языка славянскаго, т. е. языка сербскаго, богемскаго, польскаго и проч". Это мнѣніе вызвало такое замѣчаніе со стороны критика „Московскаго Вѣстника": „Осталось одно только средство угодить требованіямъ „Телеграфа": сообразить нынѣшніе языки, происходящіе отъ славянскаго. Это все тоже, если бы мы, предположивъ совершенное истребленіе памятниковъ языка латинскаго, захотѣли изъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ, отъ онаго происходящихъ, воскресить самый латинскій!" Указавъ на взгляды „Телеграфа" по отношенію къ различнымъ наукамъ, авторъ статьи „Московскаго Вѣстника" переходитъ къ общей характеристикѣ названнаго журнала. „Вездѣ вы видите какое-то неясное безпокойство объ одномъ всеобщемъ началѣ, безотчетное желаніе дать во всемъ себѣ отчетъ, безсильное стремленіе къ неопредѣленнымъ, общимъ идеямъ, въ какой-то міръ пустоты абсолютной, проистекающее не изъ внутренняго убѣжденія, не отъ богатства силъ и знаній, не отъ чтенія идеалистовъ-философовъ; но пріобрѣтенное по невѣрнымъ слухамъ о германскихъ теоріяхъ. Правда, что философское направленіе ко всеобщему знанію, родившееся съ началомъ вѣка въ счастливой срединѣ Европы—въ Германіи, простерлось оттолѣ и на Францію, коснулось и насъ, хотя еще не совсѣмъ приготовленныхъ къ принятію онаго. Разумѣется, молодое поколѣніе должно было болѣе подвергнуться сему вліянію; съ жадностью, свойственною его возрасту, оно бросилось на новую философію, какъ науку, въ которой разрѣшаются главные вопросы о самомъ человѣкѣ,—и кому же бы не польстило разрѣшеніе оныхъ? Сначала оно приняло не столько мысли, сколько слова, и ограничивалось однѣми общими, неясными идеями; но первое броженіе утихло; пѣна словъ пустыхъ исчезла,—и нестройные, безотчетные порывы превращаются въ тихое и ясное размышленіе. Юные умы, разсуждая о наукахъ, сами свободно начинаютъ вопрошать себя о каждомъ словѣ, о каждомъ впечатлѣніи, о каждомъ правилѣ, прежде на вѣру принятомъ, и послѣ такой повѣрки, уже

по внутреннему, свободному убѣжденію, отвергаютъ не только старые предразсудки, но и новыя пустыя формы, замѣняя ихъ идеями, и научаются говорить отъ мысли. Другіе же, слѣпо, безъ благороднаго скептицизма, послѣдовавшіе стремленію вѣка, остаются при однихъ пустыхъ словахъ, при общихъ мѣстахъ, при слѣпой увѣренности, что ни къ чему негодно все старое, отъ котораго они сами не могли освободиться,—и потому представляютъ собою жалкое безсиліе обнять все вдругъ и пеструю смѣсь старыхъ предразсудковъ съ новыми предубѣжденіями. Къ симъ послѣднимъ принадлежитъ и „Телеграфъ", такимъ образомъ do nec plus ultra каррикатурно отражающій въ себѣ благородное и полезное стремленіе новаго поколѣнія". Отъ этого новаго недостатка, по мнѣнію автора, проистекаютъ еще слѣдующія: 1) гордое и безотчетное презрѣніе къ опытности и ко всѣмъ прежнимъ мнѣніямъ; 2) неопредѣленность и несоразмѣрность въ сужденіяхъ. Послѣдній недостатокъ замѣтенъ во всемъ отдѣленіи критики. Во всѣхъ его разборахъ видно отсутствіе постоянной точки зрѣнія; всякая новая книга есть новая задача для издателя „Телеграфа"; онъ, не имѣя опредѣленныхъ мыслей, не владѣя постояннымъ стекломъ, ходитъ кругомъ ихъ, замѣчаетъ удачно частные, мелкіе недостатки, никогда не проникая въ сущность сочиненій и не умѣя согласить своихъ общихъ, неопредѣленныхъ идей съ тѣмъ, что онъ видитъ предъ собою. Слогъ „Телеграфа называется неопредѣленнымъ, неяснымъ, неточнымъ, разстянутымъ, болтливымъ, вялымъ, нерѣдко пустымъ, неучтивотемнымъ, иногда щеголеватымъ и въ переводахъ испещреннымъ галлицизмами, британизмами и проч. Замѣчая эти недостатки, авторъ указываетъ и на достоинства журнала. Онъ хвалитъ его за благородный характеръ, за благонамѣренность, говоритъ, что ни въ одномъ изъ журналовъ не извѣщалось о такомъ множествѣ русскихъ книгъ, начиная отъ логикъ и статистикъ до кротолововъ и собачьихъ лѣчебниковъ. Отдаетъ также справедливость неутомимому трудолюбію издателя, его расторопности, умѣнью разнообразить содержаніе

книжекъ, искусству сообщать все новое, привлекать всѣми возможными средствами своихъ читателей. Ставится ему въ заслугу также то, что онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ журналистовъ взялся отражать несправедливые толки французовъ о нашей литературѣ и отражалъ большею частію справедливо, обличая ихъ невѣжество въ данномъ случаѣ.

Такъ смотрѣли нѣкоторые изъ современниковъ на журнальную дѣятельность Полеваго. Интересно теперь узнать, какъ онъ самъ смотрѣлъ на себя. Тутъ дѣло выходило нѣсколько иначе. „До появленія моего въ журнальной литературѣ, говоритъ онъ въ своихъ „Очеркахъ русской литературы", критика только изрѣдка мелькала въ нашей журналистикѣ. Отдадимъ справедливость немногимъ критическимъ статьямъ Греча, Мерзлякова, Каченовскаго, Булгарина и Воейкова: имена сихъ почтенныхъ литераторовъ останутся, какъ имена остроумныхъ критиковъ, за написанныя ими критическія статьи. Но никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы" *.

Какъ журналистъ, Полевой долгое время былъ противникомъ Греча и Булгарина и велъ постоянную полемику съ „Сѣверною Пчелою", „Сыномъ Отечества" и „Сѣвернымъ Архивомъ". Въ 1828 г. произошло неожиданное примиреніе. Точкою соединенія послужила грамматика Греча. Послѣдній былъ признанъ отличнымъ прозаикомъ, а Булгаринъ-литераторомъ, подающимъ большія надежды, тогда какъ еще въ 27 году „Телеграфъ" отрицалъ всѣ права ихъ на званіе достойныхъ писателей.

Обратимся теперь къ третьему журналисту, представлявшему замѣчательное явленіе въ свое время, Булгарину. Дѣятельность его, какъ журналиста и критика, превосходно оцѣнена была Бѣлинскимъ. Главными чертами въ ней являлись пристрастіе, самохвальство и часто крайнее невѣже-

* Очерки, ч. 1, стр. XIV.

ство по отношенію къ разбираемымъ литературнымъ произведеніямъ. „Сѣверная Пчела“ Булгарина долгое время была пріютомъ кумовства, сплетничества и листкомъ, въ которомъ можно было почерпать самыя подробныя свѣдѣнія о достоинствахъ товаровъ тѣхъ многочисленныхъ петербургскихъ лавокъ и магазиновъ, въ которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, имѣлъ обыкновеніе навѣдываться почтенный издатель названной газеты. На эту-то черту знаменитаго редактора намекалъ Бѣлинскій, когда писалъ слѣдующее: „По книжнымъ лавкамъ мы не ходимъ, ни въ будни, ни въ праздники, зная что тамъ ничего не услышишь, кромѣ вздорныхъ сплетень, до которыхъ мы смертельные не охотники; такая неохота, конечно, можетъ показаться странною „Сѣверной Пчелѣ, но что же дѣлать, когда это такъ“. Особенно были смѣшны и наивны похвалы, которыя расточались издателями „Сѣверной Пчелы“ другъ другу, а можетъ быть, и самому себѣ со стороны скромнаго Ѳ. В. Булгарина. Относительно „Выжигина“, напримѣръ, въ одномъ нумерѣ „Сѣверной Пчелы“ говорилось слѣдующее: „Эти страницы напоминаютъ намъ „Ивана Выжигина“, который двинулъ всю русскую литературу на поприщѣ романовъ. Враги Булгарина могутъ его осыпать всѣми возможными субъективными стрѣлами міровой своей критики, но заслугъ его никогда не отнимутъ, не помрачатъ. Полемика исчезнетъ, факты останутся. „Иванъ Выжигинъ“ былъ первый нашъ русскій романъ, и дай Богъ, чтобъ послѣдователи Булгарина писали такіе же романы.“ Фельетоны „Сѣверной Пчелы“ отличались удивительнымъ разнообразіемъ; но что это было за разнообразіе! Превознесши, напримѣръ, до небесъ блины екатерингофскаго воксала и кафе-ресторанъ Веранже, фельетонистъ тотчасъ переходитъ къ разбору какого нибудь замѣчательнаго литературнаго произведенія. Нисколько не стѣснялся издатель „Сѣверной Пчелы“ и на сближенія себя съ различными великими людьми древняго и новаго міра. Такъ, однажды онъ сравнилъ себя съ Сократомъ, а другой разъ былъ сравненъ пріятелемъ съ Вальтеръ-Скоттомъ. Тѣмъ

не менѣе, это величіе не мѣшало русскому Вальтеръ-Скотту наполнять свои фельетоны самыми льстивыми заискиваніями. Такъ, напримѣръ, имѣя въ виду, что изъ провинціи присылаютъ требованія на книги, журналы, газеты, онъ говорилъ, что въ провинціи процвѣтаютъ и добродѣтель, и патріотизмъ, и изящный вкусъ, и начитанность. При этомъ немилосерднымъ образомъ были отруганы „Мертвыя души" и „Ревизоръ", составлявшія ложь клевету на провинціальные нравы. Зато прославлялись гражданскіе подвиги книгопродавца Ольхина, карману котораго обязаны были своимъ появленіемъ на свѣтъ „Полныя сочиненія Булгарина" и другія имъ подобныя произведенія.

Таковъ былъ Булгаринъ въ 40-хъ годахъ и позднѣе. Но много сходнаго съ указаннымъ представлялъ и Булгаринъ 20-хъ годовъ.

Чтобы охарактеризовать журнальную и критическую дѣятельность Булгарина въ 20-хъ годахъ, возьмемъ его «Сѣверную Пчелу» названнаго времени. И здѣсь мы видимъ тѣ же самые недостатки, какіе видѣли выше. Литературная тактика Булгарина и здѣсь была та же самая. Она выражалась въ слѣдующемъ. Если какой нибудь писатель не обнаруживалъ по отношенію къ сочиненіямъ и журналамъ издателей «Сѣверной Пчелы» своего мнѣнія, то его оставляли въ покоѣ, ожидая отъ него рѣшительнаго отзыва, послѣ котораго этотъ писатель или принимался въ число друзей издателей названной газеты, или причислялся ими къ сонму ненавистныхъ враговъ, въ борьбѣ съ которымъ считались позволительными всевозможныя средства. Человѣкъ, сказавшій печатно что нибудь невыгодное о сочиненіяхъ издателей «Сѣверной Пчелы» или послѣдней, не могъ ожидать никакого помилованія, и если онъ былъ авторъ какого нибудь произведенія, хотя бы очень замѣчательнаго, оно втаптывалось безъ зазрѣнія совѣсти въ самую глубокую грязь. Даже опечатки такого произведенія ставились въ вину такому автору. Нерѣдко затрагивались при этомъ и личныя, домашнія отношенія автора. Напротивъ, авторъ или издатель книги,

находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ издателямъ «Сѣверной Пчелы», осыпался самыми неумѣренными похвалами. Если въ произведеніи пріятеля нечего было хвалить, то хвалили внѣшность изданія, шрифтъ, въ примѣръ достоинствъ приводилось нѣсколько строчекъ изъ предисловія и т. д. Похвалы оканчивались восклицаніями: «Покупайте, гг. покупатели! Не скупитесь, папеньки! Да это раскупать, какъ конфекты, да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево». Во всѣхъ критическихъ статьяхъ «Сѣверной Пчелы» обнаруживалось чувство обиженнаго самолюбія и самаго мелочнаго мщенія. Отсюда вытекали постоянно встрѣчавшіяся противорѣчія и несправедливость въ сужденіяхъ «Сѣверной Пчелы». Говоря, напримѣръ, о «Дѣтскомъ Альманахѣ» Ѳедорова, газета въ одномъ мѣстѣ замѣчала, что слогъ его не вездѣ ровенъ, не вездѣ примѣнимъ къ понятіямъ маленькихъ читателей, тогда какъ въ другомъ говорила, что слогъ въ альманахѣ вездѣ чистый, ясный, понятный для дѣтей. Причиной противорѣчія была перемѣна издателя „Альманаха". Похвалы, расточавшіяся современнымъ извѣстнымъ писателямъ, не могли ничего принести читателямъ, кромѣ скуки. Сужденія о нихъ обнаруживали чрезвычайную скудость пониманія. Рецензіи состояли въ выпискѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, въ ничтожныхъ замѣчаніяхъ о слогѣ въ указаніи на грамматическія ошибки и опечатки.

Все это сопровождалось общими мѣстами и пустыми замѣчаніями. Критическія статьи часто начинались такимъ образомъ: «Новое, прелестное стихотвореніе!» «Честь вамъ и слава, г. поэтъ!» «Это вещь совершенно оригинальная!» «Стихи жгутъ страницы!» * Въ разборахъ „Сѣверной Пчелы" часто слышался какой-то насильственный, дѣланный восторгъ. Забавны были ея отзывы о происхожденіяхъ живописи и музыки. Въ картинахъ, портретахъ обращалось особенное вниманіе на отдѣлку шинелей, мундировъ, эполетъ, орденовъ, серебряныхъ и золотыхъ украшеній и т. д.

* „Сѣверная Пчела" 1828 г., № 124, 145, 147.

Постоянно встрѣчалась такая оцѣнка: „Штофная занавѣсь, бархатъ, металлы въ отдѣлкѣ креселъ, отвороты одежды, все это сдѣлано съ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ, что зрѣніе совершенно обманывается. На нѣсколько шаговъ нельзя притти въ себя!“ „Знатоки не довольны отдѣлкою бѣлья въ портретѣ Г.“ „Это не картина: это просто Горный Кадетскій корпусъ“. „Волосы, серебро на адъютантскихъ аксель-бантахъ и подкладка шинели отдѣланы мастерски“. Не менѣе забавны отзывы, относящіеся къ музыкѣ. Зная, съ одной стороны, что звуки могутъ понижаться и повышаться, а съ другой, что существуютъ педали, которыя *поднимаются и опускаются*, „Сѣверная Пчела“, говоря о совершенствѣ одного оркестра, не задумываясь, провозглашала слѣдующее: „Кажется, что играетъ одинъ виртуозъ на одномъ какомъ-то прекрасномъ гармоническомъ инструментѣ, на которомъ *звуки понижаются или возвышаются посредствомъ педалей*.“ Въ виду всего этого, въ одномъ журналѣ весьма справедливо совѣтовалось „Сѣверной Пчелѣ“, вмѣсто разбора произведеній живописи и музыки, ограничиться разсужденіями о балансерахъ, скакунахъ, ученыхъ собакахъ и скороходахъ *. Но такіе благоразумные совѣты ни къ чему не вели. Издатель «Сѣверной Пчелы» не только не избралъ своею спеціальностью трактованья о собакахъ и скакунахъ, но даже рѣшался говорить о томъ, что такое *жизнь*, и тому подобныхъ важныхъ матеріяхъ. И что же говорилъ онъ о жизни? То, что могъ сказать всякій и неиз-

---

* Булгарина часто уличали въ промахахъ. Къ нимъ относится, напримѣръ, утвержденіе того, что Нилъ течетъ мимо Тумбукской гавани, что передъ народненіемъ въ Петербургѣ всѣ собаки на гостиномъ дворѣ пропали („Телеграфъ“ на это замѣтилъ, что этого не могло случиться, такъ какъ собаки въ названномъ мѣстѣ всегда держались на цѣпи), что въ Константинополѣ есть мраморный бассейнъ, въ которомъ плаваютъ семь рыбокъ жареныхъ, или имѣющихъ видъ поджареныхъ (Сѣв. Арх. 1823 г., № 18), что одинъ малороссійскій казакъ цѣлые три часа защищался противъ цѣлой польской арміи и продолжалъ сражаться даже послѣ того, какъ былъ простреляпъ 14 пулями, и т. д.

дававшій «Сѣверной Пчелы», всякій школьникъ. Перетряхивалась старая рухлядь о дружбѣ, суетѣ свѣта, честолюбіи, выводились на сцену старыя сравненія возрастовъ съ временами года и т. д.

Не смотря на все это, «Сѣверная Пчела» въ свое время имѣла обширный кругъ читателей; ее можно было встрѣтить во всѣхъ концахъ Россіи. Причиной было то, что она была почти единственная газета въ свое время. Сообщала она своимъ читателямъ гораздо менѣе того, нежели сколько можно было бы сообщить. Извѣстія отчественныя, правда, передавались довольно скоро и вѣрно; но извѣстія иностранныя были несравненно менѣе удовлетворительны. Въ отдѣлѣ иностранныхъ извѣстій „Сѣверная Ичела" нисколько не заботилась объ изображеніи перемѣнъ, происходившихъ во внутреннемъ устройствѣ современныхъ государствъ, съ объясненіемъ ихъ причинъ и слѣдствій, о характеристикѣ лицъ, дѣйствовавшихъ на политическомъ поприщѣ; вмѣсто этого, она вела перечень голыхъ донельзя, сжатыхъ извѣстій о политическихъ событіяхъ, испещряя свои страницы собственными именами.

Такова была „Сѣверная Пчела", таковы были ея издатели, таковъ былъ Булгаринъ въ 20-хъ годахъ. Много справедливаго и безпристрастнаго было высказано относительно ея недостатковъ и недостатковъ ея издателей, но это ни къ чему не повело. Булгаринъ какимъ вышелъ на литературное поприще, такимъ и сошелъ въ могилу, внеся своими литературными подвигами весьма печальную страницу въ исторію русской журналистики. Одинъ изъ безпристрастныхъ цѣнителей „Сѣверной Пчелы" 20-хъ годовъ, размышляя надъ ея страницами, сказалъ слѣдующее: „Одно только утѣшаетъ насъ вмѣстѣ со всѣми благомыслящими ревнителями къ пользѣ наукъ и просвѣщенія отечественнаго: по вѣрнымъ признакамъ, сокровенныя правила литературной тактики уже по немногу начинаютъ обличаться, и можетъ быть скоро наступитъ то золотое время, когда водворится въ литературѣ русской духъ благородной терпимости, духъ

здравой, безпристрастной критики, духъ миролюбивой истины, а пристрастная, заносчивая, посягающая на личность, празднословная тактика, употребляемая «Сѣверною Пчелою» сдѣлается притчею во языцѣхъ!» Пророчество этого голоса сбылось: „Сѣверная Пчела" и ея издатель сдѣлались въ глазахъ безпристрастнаго потомства, дѣйствительно, притчею во языцѣхъ.

Между критиками 20-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе Шевыревъ. Въ его критическихъ статьяхъ замѣтны два направленія: до тридцатыхъ годовъ въ его критикѣ было видно вліяніе нѣмецкой эстетики и знакомства съ нѣмецкою литературою; съ тридцатыхъ она получила какой-то итальянскій характеръ. Разбирая русскихъ писателей, онъ сталъ постоянно трактовать о Дантѣ, Тассѣ, Петраркѣ. Какъ критикъ, Шевыревъ по таланту стоялъ ниже Полеваго, но зато въ его статьяхъ замѣтно было присутствіе общаго основанія, принципа, чего мало было у Полеваго. Его критическія статьи и рецензіи помѣщались въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина и касались произведеній русской и иностранной литературы. Онѣ обнаруживали разнообразіе свѣдѣній автора и отличались хорошимъ и мѣстами картиннымъ слогомъ. Мѣстами въ нихъ мелькало остроуміе. Во многихъ случаяхъ авторъ ихъ обнаруживалъ большую вѣрность и серьезность сужденія. Какъ на доказательство всего этого, укажемъ на нѣкоторыя мѣста изъ его критическихъ статей, помѣщенныхъ въ названномъ журналѣ. Его разборъ «Геца фонъ-Берлихингена» Гете обнаруживаетъ хорошее знакомство съ французской и нѣмецкой литературами, статья о малороссійскихъ пѣсняхъ, изданныхъ Максимовичемъ,—съ народной поэзіей, замѣчанія на статью кн. Вяземскаго о Жуковскомъ — съ произведеніями классической литературы. Картинность языка, встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ Шевырева и доходящая иногда до излишества, доказывается такими мѣстами, какъ слѣдующее. Опредѣляя характеръ Отелло, онъ говоритъ такъ: «Изъ какихъ бурныхъ стихій созданъ сей питомецъ юга! Огненный,

какъ его знойное солнце, могучій, благородный, но и раздражительный, какъ левъ африканскій; открытый, какъ степь пировая; зыбкій, какъ пески ея, взвѣваемые легкимъ вѣтромъ; скорый и бурный, какъ вихрь степной; невинный, дѣвственный и грубый, какъ дикая природа, къ которой не касались руки человѣческія, — онъ отражаетъ въ себѣ нравственно всѣ черты своей родины, всѣ свойства чувственной африканской природы». Болѣе замѣчательную сторону статей Шевырева составляютъ обнаруживающіяся во многихъ мѣстахъ вѣрность и серьезность сужденій. Таковы, напримѣръ, мѣста, гдѣ онъ говоритъ о французской литературѣ 18 ст., о Гете, Шиллерѣ и Шекспирѣ. Доказательствомъ названной серьезности можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ его разбора «Геца фонъ-Берлихингена» Гете. «Въ тѣсныхъ предѣлахъ одной сцены начертана (у Гете) картина духовенства того времени (16 ст.): невѣжество, низость, угодливость, желаніе первенства, педантизмъ, щекотливость; всѣ эти черты набросаны такъ ярко! И какъ кстати говорится о римскомъ правѣ, только что открытомъ въ то время».

„Въ лицѣ Максимиліана вы видите слабую, но благонамѣренную монархію. Онъ чуть слышно проходитъ въ одномъ явленіи: въ концѣ трагедіи отзывается одинъ темный слухъ о его смерти".

„Въ бунтѣ поселянъ вы живо представляете себѣ ихъ бѣдственное состояніе, которое однихъ доводитъ до отчаянія, другихъ до безпредѣльнаго буйства".

„Въ безхарактерномъ, вѣтреномъ, легкомысленномъ, женоподобномъ, влюбчивомъ Вейслингенѣ находите всю жизнь двора; въ Елизаветѣ и Адельгеймѣ два поколѣнія женщинъ, и въ послѣдней зародышъ всѣхъ будущихъ кокетокъ, игравшихъ важныя роли въ послѣднихъ трехъ столѣтіяхъ".

„Соберите всѣ сіи черты вкупѣ—и вотъ вамъ XVI вѣкъ; раскройте Геца и у поэта учитесь исторіи, учитесь еще высшей наукѣ: познанію человѣчества, познанію самихъ себя". Но мѣстами въ его критикѣ обнаруживалась и из-

лишняя чопорность. Такъ, разбирая книгу „Признаніе на тридцатомъ году жизни“ Волкова и приведя изъ нея отрывокъ, въ которомъ авторъ говоритъ о себѣ слѣдующее:

Десертъ выписывалъ бывало
Съ нарочными издалека,
И, словомъ, только молока
Лишь птичьяго не доставало.
Шато-ла-фитъ какъ квасъ тепло
И алой романе рѣкою
Лился въ граненое стекло.
Будь гость вельможа, будь незнатный,
Для всѣхъ бывалъ одинъ пріемъ,
Токай струился ароматный
Предъ пьяницей секретаремъ,
Который послѣ отзывался:
„Напитокъ бы хорошъ казался,
Да что-то силы мало въ немъ...

онъ замѣчаетъ: „Содержаніе очень бѣдно, и автору не стоило бы труда признаваться въ такихъ *пошлостяхъ* предъ публикою“.

По критическимъ статьямъ Шевырева можно опредѣлить, между прочимъ, его взглядъ на поэзію, ея начало, отношеніе къ литературѣ, на задачу критики, народную словесность, на французскихъ писателей 18 ст., нѣмецкую литературу, Шекспира и т. д. По его убѣжденію, поэзія должна растворять душу къ прекрасному и благородному, она существуетъ самобытно, имѣетъ свою цѣль, независящую ни отъ какихъ другихъ отношеній; если ей позволено связать иногда свою высокую цѣль съ цѣлью постороннею, то только тогда, когда она одушевляетъ вольную свою пѣснь христіанскимъ чувствомъ состраданія къ ближнему. Поэзія можетъ *служить* одному только благотворенію. Въ «Замѣчаніи на замѣчаніе кн. Вяземскаго о началѣ Русской Поэзіи» Шевыревъ говоритъ о началѣ поэзіи вообще. «Чѣмъ болѣе онъ (человѣкъ) дѣйствуетъ, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе живетъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе сообщается съ предметами, тѣмъ болѣе мыслитъ и чувствуетъ. Послѣ смѣлыхъ подвиговъ доб-

лести, искушающей судьбу, слѣдуютъ подвиги творящей фантазіи. Это свидѣтельствуютъ намъ всѣ народы въ Исторіи Словесности; сначала пробуждалась въ нихъ жизнь; они съ жадностью устремились къ дѣйствіямъ, сценою которыхъ было кровавое поле войны; обогащаясь добычею сокровищъ, они обогащались добычей опыта—мыслію, чувствомъ, сознаніемъ собственной силы—и наконецъ громъ побѣдоноснаго оружія отзывался въ пѣсняхъ вдохновеннаго Барда. Эпическая поэзія и пѣсни — вотъ общее начало Словесности у всѣхъ народахъ». Эти мысли были высказаны Шевыревымъ по поводу сожалѣнія кн. Вяземскаго о томъ, что наша новая литература началась одой, а не сатирой * (тогда, по его мнѣнію, развитіе литературы пошло бы успѣшнѣе). Указывая на начало поэзіи у всѣхъ народовъ, Шевыревъ говоритъ, что таково же оно должно было быть и въ новой русской литературѣ: поэзія должна была начаться одой. «Нѣтъ, не въ Сатирахъ, говорю я, мы имъ (Державинымъ) любуемся, замѣчаетъ онъ, не въ нихъ онъ полонъ силы и бурнаго мужества; надъ Альпами паритъ онъ орломъ—надъ Альпами, гдѣ развивались знамена Русскія, гдѣ шелъ Суворовъ—любимъ мы слышать въ громкихъ звукахъ его лиры отголосокъ побѣдныхъ громовъ, сокрушившихъ стѣны Измаила». Истреблять въ литературѣ плевелы, по его мнѣнію, должна критика, а не поэзія, которой задача — располагать душу къ прекрасному и благородному. «Пусть поэты своимъ искусствомъ освѣтятъ для насъ преданія родной старины, говоритъ онъ, пусть въ ихъ звукахъ услышимъ мы наконецъ звуки родные, еще въ дѣтствѣ плѣнявшіе насъ и позабытые нами; пусть мыслящіе, трудолюбивые критики роются въ завѣтной сокровищницѣ языка, пусть они оцѣнятъ произведенія національныхъ поэтовъ и Русскимъ укажутъ на истинно Русское, если холодныя сердца ихъ не узнаютъ своего роднаго» **.

* По отношенію къ произведеніямъ литературы.

** Здѣсь какъ будто Шевыревъ высказываетъ недовольство по поводу современнаго направленія литературы.

Разбирая малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ, Шевыревъ отчасти знакомитъ насъ съ его взглядомъ на народную словесность. Онъ упрекаетъ современныхъ филологовъ за безучастіе къ изданію произведеній народной словесности. «Какъ до сихъ поръ, говоритъ онъ, мы не спѣшимъ уловить Русскія пѣсни, столь родныя нашему сердцу, которыя, можетъ быть, скоро унесетъ съ собою на вѣки старое поколѣніе». По его мнѣнію, въ этой поэзіи лучше всего выражается духъ народа. Взгляды, подобные высказаннымъ Шевыревымъ, на народную словесность, къ сожалѣнію, очень рѣдко встрѣчались въ современной литературѣ.

Взглядъ Шевырева на французскихъ писателей 18 стол., на нѣмецкую литературу, на Шекспира былъ очень вѣренъ. Онъ хорошо понималъ достоинства и недостатки французскихъ драматическихъ писателей 18 ст., но еще лучше, кажется, понималъ характеръ нѣмецкихъ классиковъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Значеніе Винкельмана, Клопштока, Виланда, Гердера, Лессинга онъ, между прочимъ, опредѣлялъ такимъ образомъ: «Винкельманъ разгадалъ тайну древняго искусства. Клопштокъ, религіей одушевившій свою музу, развилъ въ своей поэзіи весь великолѣпный міръ христіанскій, всѣ его возвышенныя мысли, его небо, населенное милліонами Херувимовъ, его адъ, кипящій тьмами духовъ погибшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ Германцамъ, какой степени силы и величія можетъ достигнуть ихъ языкъ, отъ природы грубый, но богатый. Почти въ то же время Виландъ воспользовался сокровищами Миѳологіи Сѣверной, успѣлъ счастливо сочетать въ своей поэзіи готическія красоты Романтизма съ прелестями искусства древняго и усвоилъ языку Германскому другія свойства, не менѣе важныя: легкость, свободу, сладкозвучіе».

«Многосторонній Гердеръ распространилъ свѣтъ чистой Философіи, основанной на религіи, на исторію и поэзію. Преданія, сохранившіяся въ легендахъ христіанскихъ, внушили ему много произведеній поэтическихъ. Лессингъ внесъ свѣтильникъ критики въ Словесность Германскую, и съ по-

мощію ея сталъ очищать вкусъ, отклонять вредное вліяніе школы Французской и возрождать чистый духъ Поэзіи Романтической».

«Симъ-то двумъ мужамъ въ особенности обязана Германія присвоеніемъ великаго поэта Англіи Шекспира. Странная участь Генія! Уже истекало почти два вѣка, какъ могучій духъ его, никѣмъ не замѣченный, никѣмъ не постигнутый, бездѣйственно, праздно покоился въ своихъ великихъ твореніяхъ. Сей исполинъ прошелъ по землѣ въ темныя времена невѣжества; французы не поняли его и видѣли въ немъ какое-то готическое чудовище. Сему-то гиганту, перешагнувшему черезъ два вѣка, назначено было оплодотворить поэзію Германскую, дать характеръ искусству XIX вѣка и образовать Гете и Шиллера. Шекспиръ сдѣлался народнымъ поэтомъ въ Германіи: Нѣмцы его болѣе себѣ усвоили, чѣмъ сами Англичане» *.

Говоря о Шекспирѣ, Шевыревъ ставилъ ему въ великую заслугу, между прочимъ, то, что онъ началъ великій подвигъ сближенія искусства съ исторіею, съ жизнію: онъ первый, по его словамъ, сталъ представлять въ драмѣ не одну какую нибудь страсть, не одно отдѣльное чувство или высокую мысль души человѣческой, какъ то было въ искусствѣ древнемъ и вообще классическомъ, но всего человѣка, какъ онъ есть, съ его сложными, запутанными страстями, съ его высокими мыслями, чувствованіями и проч. «Онъ первый далъ право требовать отъ Поэта глубокаго познанія не только души съ ея страстями, но всего человѣка, и физическаго, и нравственнаго».

Такіе вѣрные взгляды не особенно часто встрѣчались въ русской журналистикѣ 20-хъ годовъ по отношенію къ великимъ западнымъ писателямъ. Приведемъ въ заключеніе еще нѣсколько строчекъ, характеризующихъ взглядъ Шевырева на Шекспира, а также и манеру его изложенія. Разбирая трагедію «Отелло, Мавръ Венеціанскій», Шевыревъ, между

* М. Вѣстникъ, 28 г., ч. 12, стр. 112—113.

прочимъ, писалъ слѣдующее: «Высокія его (Шекспира) идеи навсегда остаются наслѣдіемъ потомства и становятся неисчерпаемымъ источникомъ для художниковъ всякаго рода. Изъ поэмъ Омира сколько произошло статуй, картинъ, храмовъ, поэмъ и трагедій! Такъ и драмы Шекспировы послужили запасомъ для многочисленныхъ произведеній разнаго рода. Предметы сихъ драмъ сдѣлались всемірными: всѣ народы образованные себѣ ихъ усвоили. Имена: Ромео, Юлія, Отелло, Гамлетъ, Леаръ, Макбетъ, Ричардъ превратились въ имена нарицательныя. Какая причина такому вліянію Шекспира? Какою магическою силою проникнуты сіи имена, прославленныя его геніемъ? Сія причина заключается въ томъ, что лица, носящія сіи имена, суть прототипы всего человѣчества или образцы, по которымъ оно создано. Если бы древніе прочли трагедіи Шекспировы, они вѣрно изобрѣли бы преданіе о новомъ Прометеѣ. Нѣтъ, они съ изумленіемъ сказали бы, что Шекспиръ выше Прометея. Послѣдній проникъ въ лабораторію планеты и похитилъ огонь изъ подъ рукъ Зевесовыхъ; Шекспиръ проникъ въ лабораторію человѣчества и похитилъ оттолѣ первозданныя формы онаго. Трудно рѣшить: на какую казнь сей высокій тать осужденъ бы былъ строгими богами древности?»

«Не боги древности отмстили дерзновенному Шекспиру, а деспотическій классицизмъ, все исключающій, кромѣ своей власти и своихъ правилъ. Онъ поругался надъ великимъ и прототипы его употребилъ на созданіе куколъ; свободнаго гражданина Романтизма заключилъ въ тѣсную темницу единства времени и мѣста; сковалъ его оковами риѳмы и исполинскія силы генія истощилъ строгою діэтою своей мертвой теоріи. Такія истязанія стоютъ Прометеевыхъ» *.

Въ ряду различныхъ дѣятелей начала нынѣшняго столѣтія видное мѣсто занимаютъ путешественники, посѣщавшіе разныя земли съ научною или практическою цѣлью. Названное время было чрезвычайно богато самыми плодотворными

* „Московскій Вѣстникъ“ 28 г., ч. 9, стр. 417—418.

путешествіями и весьма важными открытіями въ области географіи. Многимъ обязана имъ наука землевѣдѣнія. Въ ряду названныхъ путешественниковъ мы встрѣчаемъ Франклина Парри, Скоресби, Гумбольдта, Ленга, Клапертона, Дюмонъ, Дюрвиля, Врангеля, Крузенштерна, Головнина, Литке, Коцебу, Беллингсгаузена, Лазарева, Васильева, Хромченко и многихъ другихъ. Въ мыслящей части общества путешествія ихъ возбуждали сильный интересъ; но и для менѣе развитой части читателей описанія ихъ были занимательны, такъ какъ во многихъ изъ нихъ рисовались яркія картины различныхъ опасностей, которымъ подвергались путешественники, и сообщались интересныя свѣдѣнія о мало извѣстныхъ странахъ и народахъ. Вотъ почему мы находимъ въ журналахъ 20-хъ годовъ много свѣдѣній, касающихся названныхъ путешествій. Первое мѣсто между этими журналами занимаетъ въ названномъ отношеніи «Сѣверный Архивъ». Особенно подробны были въ немъ свѣдѣнія, касавшіяся путешествій въ полярныя страны. Между путешественниками чаще всего встрѣчались имена Франклина и Парри. Къ нимъ мы прежде всего и обратимся.

Журнальныя статьи 20-хъ годовъ, касающіяся путешествій знаменитаго англійскаго капитана Франклина, пропавшаго безъ вѣсти во время его послѣдняго путешествія въ 40-хъ годахъ, богаты не столько взглядами на значеніе этихъ путешествій, сколько фактическими свѣдѣніями. Имѣя это въ виду, обратимся къ первому самостоятельному путешествію Франклина, совершенному имъ въ 1819—1822 г. къ берегамъ Ледовитаго океана. Цѣль этой экспедиціи состояла въ томъ, чтобы, достигнувъ береговъ Сѣверной Америки сухимъ путемъ, опредѣлить сѣверныя ея границы и направленіе береговъ. Франклинъ отправился въ путешествіе 7-го сентября 1819 года, изъ факторіи Іоркъ, въ сотовариществѣ Ричардсона, Бека и Гуда, „сопровождаемый нѣсколькими жителями Оркадскихъ островов“, нанятыми для управленія судами на рѣкахъ, чрезъ которыя нужно было плыть. Проплывъ на судахъ нѣсколько рѣкъ, экспедиція

вошла въ озеро Виннипегъ, но вскорѣ должна была продолжать путь сухимъ путемъ. Лѣса по берегамъ рѣкъ и озеръ были объяты пламенемъ, вслѣдствіе того, что туземные жители имѣли обыкновеніе зажигать ихъ для удаленія волковъ и уменьшенія холода. Послѣ долгаго и труднаго путешествія, экспедиція, наконецъ, прибыла въ укрѣпленіе Кумберлендъ, построенное на берегу величественнаго озера. Здѣсь она провела зиму 1819 года. Въ іюнѣ 1820 года она отправилась далѣе и 29-го іюля прибыла къ Невольничьему озеру, а 1-го сентября достигла уже Мѣдной рѣки. Усталость людей, долженствовавшихъ перетаскивать лодки и тяжести на плечахъ, при переправѣ изъ одной рѣки въ другую, и недостатокъ лѣса причиняли большія затрудненія. Наступленіе зимы принудило Франклина остановиться на зимовку, для чего было выбрано мѣсто въ небольшомъ сосновомъ лѣсу, среди обширныхъ пустынь. Мѣсто это было названо укрѣпленіемъ *Предпріятія*. Здѣсь Франклинъ оставался до 14-го іюля 1821 г. Затѣмъ экспедиція направилась вдоль берега Полярнаго моря, которое оказалось свободнымъ отъ льда. Послѣднее обстоятельство укрѣпило Франклина въ мысли о возможности для его друга Парри найти сѣверозападный путь къ Берингову проливу. Стада оленей и множество рыбы могли, по предположенію Франклина, дать богатый запасъ пищи экспедиціи Парри. Думая о другихъ, Франклинъ долженъ былъ подумать и о себѣ. Около половины августа, за недостаткомъ пищи, онъ долженъ былъ возвратиться къ укрѣпленію Предпріятія. Наступила самая бѣдственная пора для экспедиціи. Припасы истощились, дровъ недоставало, движеніе по снѣжнымъ пустынямъ было чрезвычайно затруднительно. Долгое время мохъ составлялъ единственную пищу путешественниковъ. Вонючей шкурѣ растерзанной волками лани радовались, какъ самому дорогому и вкусному блюду. За неимѣніемъ этого шли въ дѣло и старые башмаки. У Мѣдной рѣки экспедиція раздѣлилась, и одна часть отправилась впередъ раньше другой. Достигши укрѣпленія, первая изъ нихъ нашла его въ самомъ жал-

комъ состояніи. Въ немъ не оказалось никакихъ слѣдовъ запасовъ, которые были оставлены на случай возвращенія. Пришлось довольствоваться шкурами и костями, оставшимися отъ прежней стоянки въ укрѣпленіи. Оставшейся же части отряда пришлось испытать еще худшее. Одинъ изъ отставшихъ членовъ экспедиціи, нѣкто канадскій стрѣлокъ Мишель, объявилъ своимъ товарищамъ, что во время охоты онъ нашелъ не далеко отъ мѣста стоянки часть убитаго волка, которую представляетъ имъ. Но вскорѣ всѣ убѣдились, что названная часть принадлежитъ вовсе не волку, а одному убитому члену экспедиціи. Не было нималѣйшаго сомнѣнія, что убитъ онъ былъ Мишелемъ. Вскорѣ совершено было имъ другое преступленіе: имъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ экспедиціи, Гудъ, спокойно грѣвшійся передъ огнемъ у палатки Мишеля. Улики были ясны, но по какому-то странному обстоятельству Мишель былъ оставленъ товарищами безъ наказанія и на свободѣ. Одежда же Гуда, состоящая изъ буйволовой кожи, была ими сварена и съѣдена. Между тѣмъ Мишель сталъ вести себя наконецъ до такой степени странно, что его стали опасаться. Не желая, чтобы повторилась исторія, случившаяся съ Гудомъ, докторъ Ричардсонъ рѣшился наконецъ покончить съ опаснымъ товарищемъ. Отправившись однажды съ нимъ на охоту и замѣтивъ, что и для него коварнымъ образомъ готовится участь Гуда, Ричардсонъ, давъ удалиться Мишелю на нѣсколько шаговъ, прострѣлилъ ему голову изъ пистолета. Когда въ укрѣпленіи собрались всѣ оставшіеся члены экспедиціи, они представляли группу живыхъ мертвецовъ. На костяхъ оставалась одна кожа, зрачки расширились, охрипшіе голоса издавали какіе-то дикіе звуки. Небольшая кучка экспедиціи замѣтно таяла. Въ отчаяніи одинъ изъ ея членовъ Гепбурнъ, обратившись къ своимъ товарищамъ, замѣтилъ: „Если намъ когда и удастся возвратиться въ Англію, я сомнѣваюсь, чтобы мы опять пришли въ разсудокъ“. Наконецъ явились въ укрѣпленіе индѣйцы, которыхъ давно ожи-

дали, и которые должны были доставить съѣстныхъ припасовъ. Подкрѣпивъ изнуренныя силы, экспедиція могла продолжать путь. Вышедши изъ укрѣпленія, она скоро прибыла по рѣкѣ Винтеръ въ лагерь дружественныхъ индѣйцевъ. 14-го іюля 1822 года она достигла, наконецъ, и факторіи Іоркъ.

Не менѣе замѣчательно было путешествіе, совершенное въ 1821—23 г. капитаномъ Парри для отысканія сѣверозападнаго пути изъ Атлантическаго океана въ Великій посредствомъ Беринговаго пролива. Во всѣхъ современныхъ европейскихъ журналахъ помѣщались извѣстія, касавшіяся этого путешествія. „Сѣверный Вѣстникъ" былъ переполненъ статьями, касавшимися экспедиціи Парри. Къ сожалѣнію, экспедиція Парри не достигла своей главнѣйшей цѣли. Благодаря ей, были только точнѣе опредѣлены сѣверные берега Америки и обогащены физическія и естественныя науки наблюденіями, а также получено было болѣе короткое знакомство съ жизнью эскимосовъ. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ современныхъ путешествію иностранныхъ журналахъ долгое время разглашались слухи, что русскіе промышленники видѣли капитана Парри въ Беринговомъ проливѣ, съ торжествомъ возвращавшагося изъ своей экспедиціи. Въ Гамбургской газетѣ и въ „Journal des Voyages" даже было объявлено, что извѣстный путешественникъ Крузенштернъ писалъ объ этомъ въ Парижъ. Это обстоятельство побудило послѣдняго заявить печатно, что онъ никогда и никому не писалъ объ этомъ.

Журналами 20-хъ годовъ было обращено большое вниманіе на путешествіе капитана Скоресби въ Гренландію. Цѣль этой экспедиціи была двоякая: имѣлись въ виду китовый промыселъ и научныя открытія. Описаніе этого путешествія, принадлежащее Скоресби *, представляетъ много интереснаго. Онъ хорошо знакомитъ съ природой названной страны. Скоресби говоритъ, что растительное богатство страны пре-

* См. отрывки изъ него въ „Сѣверномъ Архивѣ".

взошло его ожиданіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ видѣлъ траву величиной по поясъ. Особенно богата была природа въ долинахъ. Это богатство дало возможность Скоресби собрать до 40 видовъ различныхъ растеній. Особенно хороши были, по его словамъ, ranunculus nivalis, saxifraga cernua и нѣкоторыя другія. Изъ млекопитающихъ животныхъ встрѣчались олени, зайцы, особаго рода мыши; изъ птицъ—гуси, куропатки, пигалицы, галки; изъ насѣкомыхъ—бабочки, комары, тараканы. Въ одномъ мѣстѣ даже былъ найденъ бортъ съ пчелами. Относительно климата Скоресби замѣчаетъ, что лѣтомъ жаръ доходитъ до чрезвычайно высокой степени. Засушенная зноемъ трава загоралась отъ прикосновенія фитиля. Жителей Скоресби не видѣлъ, но во многихъ мѣстахъ встрѣчались слѣды человѣческаго пребыванія. Встрѣчались мѣстами хижины, обломанныя кости съ просверлеными дырами, могилы съ скелетами. Путешествіе Скоресби было чрезвычайно плодотворно для науки. Онъ сдѣлалъ для знакомства съ названной страною больше, нежели всѣ другіе путешественники въ продолженіе 160 лѣтъ. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Скоресби о различныхъ метеорологическихъ явленіяхъ. Онъ видѣлъ, напримѣръ, „корабли въ облакахъ въ обратномъ положеніи, тѣни, безъ тѣлъ, мнимые берега, нѣсколько солнцевъ въ одно время, разновидныя сѣверныя сіянія“, и т. д. Въ водѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ видѣлъ безчисленное множество микроскопическихъ животныхъ, которыя окрашивали поверхность воды въ желто-зеленый цвѣтъ. Въ одной каплѣ, по его разсчету, ихъ должно было находиться до 26,000.

Обратимся къ русскимъ путешественникамъ. Здѣсь мы видимъ рядъ славныхъ именъ, видимъ рядъ лицъ, которыя займутъ почетное мѣсто въ исторіи географическихъ открытій. Первая четверть нынѣшнаго столѣтія была обильна путешествіями. Въ продолженіе двадцати лѣтъ было отправлено изъ кронштадскаго порта въ русскія американскія колоніи *семь* кругосвѣтныхъ экспедицій *. Первое изъ этихъ

* Всѣ—Россійско-Американскою Компаніею.

путешествій было совершено подъ начальствомъ Крузенштерна. Главная цѣль экспедиціи состояла въ доставленіи пособій колоніямъ и открытіи торговли съ Китаемъ и Японіею. Всѣ послѣдующія экспедиціи имѣли въ виду поддержаніе колоній, посредствомъ снабженія ихъ необходимыми предметами. Въ ряду лицъ, которымъ было ввѣрено начальство при этихъ экспедиціяхъ, мы встрѣчаемъ Лазарева, Гагемейстера, Панафидина. Описанія всѣхъ этихъ путешествій были изданы въ свое время и сообщили немало новаго касательно мѣстностей, которыхъ имъ пришлось коснуться. Кромѣ названныхъ кругосвѣтныхъ путешествій, замѣчательны еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія такія же путешествія, совершенныя Беллингаузеномъ, Головнинымъ, Васильевымъ, Коцебу и Литке. Беллингсгаузенъ вмѣстѣ съ Лазаревымъ плавалъ по Южному океану и открылъ до 36 острововъ, Васильевъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ открытій на сѣверѣ, Головнинъ исправилъ на картѣ географическое положеніе Американскихъ острововъ и съ большою подробностью описалъ колоніи Россійско-Американской Компаніи, Коцебу, учавствовавшій въ экспедиціи, отправленной на счетъ канцлера графа Румянцева, для отысканія прохода изъ Камчатки къ Арктическому полюсу, открылъ много острововъ, Литке весьма точно описалъ берега Охотскаго и Берингова морей. Изъ другихъ путешественниковъ названнаго времени замѣчателенъ также Врангель, извѣстный, между прочимъ, своимъ путешествіемъ къ берегамъ Сибири. Изъ путешествій Литке, кромѣ названнаго, замѣчательны его плаванія къ берегамъ Новой Земли.

О всѣхъ этихъ путешествіяхъ и путешественникахъ мы встрѣчаемъ извѣстія въ журналахъ 20-хъ годовъ, и преимущественно въ „Сѣверномъ Архивѣ". Въ этихъ сообщеніяхъ встрѣчаются интересные факты, которые мы здѣсь и представимъ. Для этого мы выбираемъ путешествія Головнина, Беллингсгаузена, Коцебу, Врангеля и Литке.

Путешествіе вокругъ свѣта капитана Головнина было совершено по повелѣнію Императора Александра 1817—19 г.

Онъ былъ отправленъ въ Сѣверовосточный океанъ 1) для доставленія въ Камчатку и Охотскій Портъ разнаго рода снарядовъ и припасовъ, которые по отдаленности мѣста труднѣе было бы привести сухимъ путемъ, 2) для обозрѣнія колоній Россійско-Американской Компаніи и 3) опредѣлить положеніе островов, лежащихъ близь сѣверозападнаго берега Америки. 26-го августа 1817 г. Головнинъ отправился изъ Кронштадта въ путь. 10-го сентября онъ прибылъ въ Портсмутъ, гдѣ запасся съѣстными припасами, свѣжею водою и разными учеными пособіями. Изъ Портсмута онъ отправился въ Ріо-Жанейро, въ Бразилію, откуда, запасшись всѣмъ нужнымъ, направилъ путь въ портъ Каллао, въ 10 верстахъ отъ Лимы. Пробывъ здѣсь десять дней, Головнинъ пустился къ сѣверу и 2-го мая 1818 года вошелъ въ Авачинскую губу, совершивъ путешествіе до Петропавловской гавани въ 8 мѣсяцевъ и 8 дней. Сложивъ грузъ, Головнинъ 19-го іюня отправился для опредѣленія положенія островов, лежащихъ близь сѣверозападнаго берега Америки. Во время этого обозрѣнія онъ замѣтилъ нѣкоторыя неправильности въ картѣ капитана Лисянскаго, вслѣдствіе которыхъ едва не подвергнулся кораблекрушенію, и которыя могли принести большой вредъ и другимъ мореплавателямъ. Далѣе, Головнинъ посѣтилъ Ново-Архангельскъ, крѣпость Россъ, городъ Монтерей и затѣмъ отправился въ обратный путь, причемъ останавливался у островов Сандвичевыхъ, Маріанскихъ и Филиппинскихъ, св. Елены, Вознесенія и Азорскихъ. 20-го іюля онъ бросилъ якорь въ Кронштадтѣ, совершивъ кругосвѣтное плаваніе въ 2 года и 10 дней. Въ описаніи Головнина очень интересны замѣчанія о Бразиліи, Лимѣ, Перу, Камчатской области, островахъ и селеніяхъ Россійско-Американской Компаніи и Калифорніи, а также извѣстія о названныхъ выше островахъ. Въ своемъ описаніи Головнинъ руководствовался одною истиною, и оно должно занять одно изъ очень видныхъ мѣстъ между описаніями когда либо совершенныхъ кругосвѣтныхъ путешествій.

Путешествіе Беллинтсгаузена по Тихому океану и юж-

вымъ полярнымъ морямъ въ 1819—21 г. было обильно открытіями и различнаго рода опасностями, встрѣтившимися на пути. Во время этого путешествія было открыто до 30 новыхъ острововъ. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежатъ: Архипелагъ Александра I, островъ Петра I и острова Маркиза де-Траверзе. Изъ описанія путешествія, составленнаго участвовавшимъ въ экспедиціи профессоромъ Казанскаго университета Симоновымъ видно, что Беллингсгаузенъ посѣтилъ очень многія земли. Сюда относятся, между прочимъ, Бразилія, Сандвичевы острова, островъ Отаити, Новая Голландія, Новая Зеландія и многія другія. Въ описаніи города Сиднея говорится, что онъ можетъ стать на ряду съ лучшими европейскими городами: въ немъ путешественники нашли прямыя и широкія улицы, хорошо выстроенные дома, церкви, больницы, театры, магазины, прекрасные сады,— все обнаруживало развитіе промышленности и торговли. Жители новооткрытыхъ острововъ Александра I обратили на себя вниманіе путешественниковъ своею дикостью. Это были самые жестокіе изъ всѣхъ дикарей, встрѣтившихся во время путешествія. Чтобы воспрепятствовать высадкѣ путешественниковъ, они зажигали лѣса, думая такимъ образомъ испугать нежданныхъ гостей. Многіе изъ открытыхъ экспедиціей въ Ледовитомъ морѣ острововъ были кораллового происхожденія и покрыты прекраснѣйшими деревьями, между которыми гордо красовались пальмы. Жители были малайскаго племени. Они жили въ землянкахъ, окруженныхъ палисадникомъ и покрытыхъ травою и древесными листьями. Нѣкоторые же изъ открытыхъ острововъ были совершенно необитаемы и покрыты снѣгомъ и льдомъ. Однѣ морскія птицы оживляли ихъ берега. Во время плаванія встрѣчалось много ледяныхъ глыбъ, которыя иногда возвышались на 800 футовъ надъ поверхностью моря и грозили гибелью кораблямъ. Отъ Сандвичевыхъ острововъ до Новой Голландіи холодъ, сырость, снѣгъ и бури были постоянными спутниками путешественниковъ. Развлекалъ ихъ иногда только полярный свѣтъ, который показывался на южномъ горизонтѣ

въ видѣ бѣлаго подвижнаго столба. Онъ то появлялся, то исчезалъ и игралъ самыми яркими радужными цвѣтами. Экспедиція Беллингсгаузена продолжалась два года и двадцать одинъ день и кончилась весьма благополучно. Изъ 200 человѣкъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, погибли только три матроса. Результатомъ ея, кромѣ открытія многихъ острововъ, было снабженіе музеевъ многими новыми произведеніями изъ трехъ царствъ природы.

Къ замѣчательнѣйшимъ морскимъ экспедиціямъ принадлежитъ и экспедиція Коцебу, совершившаго кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ «Рюрикъ» въ 1815 — 18 годахъ. Въ „Сѣверномъ Архивѣ" [1]) была помѣщена объ этомъ путешествіи статья извѣстнаго французскаго ученаго Мальтъ-Брюна, написавшаго ее по поводу книги участвовавшаго въ экспедиціи иностраннаго художника Хориса «Voyage Pittoresque autour du monde etc.» [2]). Статья Мальтъ-Брюна, помѣщенная въ русскомъ переводѣ, начинается слѣдующими словами: «Россійскій государственный канцлеръ графъ Румянцевъ принадлежитъ къ малому числу вельможъ, умѣющихъ благороднымъ и мудрымъ образомъ употреблять свои богатства на предпріятія, ознаменованныя великодушіемъ и любовію къ отечеству. Сей Меценатъ посвящаетъ доходы свои на распространеніе просвѣщенія между своими поселянами, на введеніе въ свое отечество полезныхъ изобрѣтеній, познаній, наукъ и искусствъ; на изысканія въ различныхъ книгохранилищахъ древнихъ памятниковъ, служащихъ къ объясненію Россійской Исторіи, на собираніе и издаваніе сочиненій, ознаменованныхъ ученостію, которыя онъ умѣетъ оцѣнять достойно. Но истинное и патріотическое предпріятіе есть вооруженіе на

---

[1]) С. Архивъ, 22 г., часть 3, стр. 381—398. Въ 20-хъ годахъ часто приходилось знакомиться съ русскими путешествіями по иностраннымъ источникамъ.

[2]) Живописное путешествіе вокругъ свѣта, съ изображеніями дикихъ народовъ Америки, Азіи, Африки и острововъ Великаго океана, ихъ оружія, одежды, украшеній, утвари, жилищъ, съ видами различныхъ мѣстностей и т. д. Сочиненіе было посвящено императору Александру I.

свой счетъ корабля, на которомъ много ученыхъ наблюдателей совершили плаваніе вокругъ свѣта, имѣя въ предметѣ открытіе новыхъ странъ и проложеніе пути чрезъ моря, прилежащія къ полюсамъ». Прослѣдимъ то, что даетъ статья Мальтъ-Брюна относительно путешествія Коцебу. Передавая содержаніе книги Хориса, которую очень хвалитъ, особенно за рисунки, Мальтъ-Брюнъ прежде всего останавливается на Калифорніи. Въ селеніи Миссіи св. Франциска, говоритъ онъ, обитаетъ до 500 дикихъ. Они имѣютъ отъ правительства достаточно средствъ для существованія, за что обязаны воздѣлывать общественную землю. Ежедневно, въ извѣстные часы, миссіонеръ велитъ варить кушанье на площади среди жилья. Каждое семейство получаетъ тамъ свою порцію по числу душъ. Во всякомъ домѣ живетъ по два и по три семейства. Въ свободное время индѣйцы работаютъ въ опредѣленныхъ для нихъ огородахъ; они сажаютъ лукъ, чеснокъ, дыни, тыквы и фруктовыя деревья. Весь урожай отдается на произвольное ихъ употребленіе. Но эта спокойная жизнь имъ не нравится. Они скучаютъ трудомъ и изобиліемъ, и любятъ свои пустыни, гдѣ можно вести свободную жизнь, хотя и при недостаткѣ всего нужнаго, питаясь крысами, змѣями и различными насѣкомыми. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ селеніи Миссіи, они подвергаются меланхоліи, худѣютъ и блуждающіе ихъ глаза ищутъ въ отдаленіи угрюмыхъ, но милыхъ имъ горъ и лѣсовъ. Вслѣдствіе этого, миссіонеры особенно любятъ привлекать къ себѣ дѣтей. Во время воскресной обѣдни дѣти, воспитываемыя миссіонеромъ, въ числѣ пятидесяти, составляютъ его свиту и при совершеніи священныхъ обрядовъ играютъ на музыкальныхъ инструментахъ: бубнахъ, трубахъ, литаврахъ. При этой музыкѣ имѣется въ виду подѣйствовать смягчающимъ образомъ на грубую натуру взрослыхъ дикарей. Лишь только ударятъ въ бубны, послѣдніе падаютъ на землю и остаются въ этомъ положеніи до окончанія службы, не смѣя пошевельнуться. Нѣсколько разъ нужно сказать, что обѣдня уже кончилась.

Иное представляютъ Сандвичевы острова, говоритъ Мальтъ-

Брюнъ. Двѣсти поселившихся тамъ англичанъ и американцевъ ввели на нихъ начала европейскаго образованія. Но такъ какъ эти поселенцы большею частію матросы, плотники или купцы, то принесенная ими образованность не относится ни къ религіи, ни къ политикѣ, а всецѣло касается торговли, мореплаванія и военнаго искусства. Король Тамеамеа былъ Петромъ Великимъ для названныхъ острововъ. Продавая китайцамъ мѣха съ сѣверо-западныхъ береговъ Америки, онъ на кантонскія деньги накупилъ пушекъ и ядеръ, и при помощи англійскихъ и американскихъ инженеровъ построилъ укрѣпленія, которыя, будучи вооружены 8 и 12 фунтовыми пушками, должны были внушать почтительный страхъ непріятелю. Завелъ онъ и флотъ, но все созданное имъ рушилось вмѣстѣ съ его смертію. Отъ острововъ Сандвичевыхъ до Новой Ирландіи, отъ острова Теопи до Малаки, говоритъ Мальтъ-Брюнъ, вездѣ господствуютъ на островахъ Южнаго океана одинаковые языкъ, религія и основанія права, что служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что населеніе названныхъ мѣстъ имѣетъ общее, и именно, малайское происхожденіе. Нужно думать, что одно изъ наиболѣе сильныхъ малайскихъ племенъ когда-то господствовало надъ островами Южнаго моря, основавъ на нихъ свои колоніи; когда же это государство пришло въ упадокъ, колоніи образовали столько же отдѣльныхъ и независимыхъ государствъ, сколько было значительнѣйшихъ острововъ.

Говоря объ Алеутскихъ островахъ, одной изъ конечныхъ точекъ путешествія Коцебу, Мальтъ-Брюнъ говоритъ, что на нихъ обитаетъ народъ ничтожный и развращенный «Кто бы могъ подумать, замѣчаетъ онъ, что пороки Греціи и Рима гнѣздятся между народомъ рыболовнымъ? Нужно думать, что японцы, посѣщавшіе, по преданіямъ, эти страны, были причиною разврата».

Статья Мальтъ-Брюна показываетъ, что русскими путешествіями указаннаго времени интересовались и въ Западной Европѣ, и придавали имъ надлежащее значеніе. Благодаря странствованіямъ русскаго путешественника, европей-

ская литература получила замѣчательное географическое сочиненіе, снабженное прекрасными рисунками и пополнявшее пробѣлы въ знакомствѣ съ населеніемъ различныхъ мѣстностей земнаго шара. Русская литература, касавшаяся путешествій, не представляла въ данное время такихъ роскошныхъ изданій, какъ трудъ Хориса. Даже простыя описанія русскихъ путешествій появлялись иногда раньше на иностранныхъ языкахъ, нежели на русскомъ. Такъ, описаніе Коцебу вышло сперва на нѣмецкомъ языкѣ, а потомъ уже на русскомъ.

Относительно путешествія Коцебу нужно замѣтить, что, не смотря на пользу, принесенную имъ наукѣ, оно могло бы быть и причиною нѣкоторыхъ заблужденій, если бы они не были предотвращены въ свое время. Дѣло въ томъ, что Коцебу счелъ новооткрытыми и нѣкоторые такіе острова, которые уже были извѣстны раньше. Къ дѣйствительно открытымъ Коцебу островамъ принадлежатъ, между прочимъ, острова графа Аракчеева, острова Спиридова и островъ Крузенштерна.

Обратимся къ двумъ путешествіямъ капитана Врангеля въ 1821 г. къ берегамъ Сибири. О нихъ мы находимъ извѣстіе, между прочимъ, въ „Сѣверномъ Архивѣ" 22 г. ч. 3 стр. 153—174. Авторъ статьи о названныхъ путешествіяхъ, составленной со словъ лицъ, участвовавшихъ въ экспедиціяхъ, начинаетъ свое описаніе замѣчательнымъ обращеніемъ къ издателю журнала. Въ немъ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я удивляюсь, что понынѣ ни во одномъ изъ нашихъ журналовъ не сообщено подробныхъ извѣстій о семъ немаловажномъ для наукъ путешествіи. Иностранные журналисты, кажется мнѣ, стараются болѣе о доставленіи своимъ читателямъ отечественныхъ новостей, и нерѣдко мы Русскіе чрезъ ихъ посредство узнаемъ о подвигахъ нашихъ соотечественниковъ на поприщѣ наукъ и открытій" *. Это заявленіе современника какъ нельзя болѣе

* Издатель „Архива" по этому поводу замѣтилъ: „Въ семъ не жур-

гармонируетъ съ тѣмъ, что было сказано нами выше объ описаніяхъ русскихъ путешествій указаннаго времени. Первая экспедиція Врангеля отправилась 1-го февраля 1821 года изъ Нижне-Калымска, на пяти сибирскихъ саняхъ, запряженныхъ собаками. Ночи были чрезвычайно холодны и стужа доходила до 33° Р. Во время непогодъ и мятелей путешественники укрывались въ палаткахъ изъ оленьихъ кожъ, въ которыхъ часто раздавались веселыя русскія пѣсни, нарушая мертвую тишину уснувшей природы. Слѣдуя на востокъ вдоль береговъ, экспедиція занималась описаніемъ и опредѣленіемъ географическаго положенія замѣчательнѣйшихъ пунктовъ берега. Эти наблюденія показали, что въ существовавшихъ картахъ находились нѣкоторыя неправильности. Природа берега, по которому ѣхали путешественники, представляла оригинальную картину. Мѣстами берегъ былъ ровенъ и покрытъ снѣгомъ и массами наноснаго льда, мѣстами же на немъ находились отвѣсныя скалы. На Шелахскомъ мысѣ эти скалы походили на древній готическій замокъ, высѣченный изъ блестящаго базальта и украшенный съ одной стороны стѣною изъ бѣлаго гранита, вышиною въ 50 саженъ. Набросанныя въ безпорядкѣ льдины составляли вдоль скалы блестящій валъ, достигавшій въ вышину до 7 саженъ. Въ сутки экспедиція подвигалась не болѣе 20 верстъ. Для того, чтобы собаки не отмораживали себѣ лапы, имъ надѣвали на ноги теплые сапоги, или *торбасы*. Путешественники чувствовали недостатокъ въ дровахъ, но это неудобство скоро было устранено изобиліемъ на берегу наноснаго лѣса. Недостатокъ въ кормѣ для собакъ заставилъ путешественниковъ 7-го марта возвратиться назадъ. 25-го марта экспедиція вторично отправилась въ путь прямо на сѣверъ, взявши большее число саней и до 240 собакъ. 27-го марта экспедиція достигла до одного изъ

налисты виноваты, но господа путешественники, предпочитающіе, для сообщенія своихъ извѣстій, иностранные журналы отечественнымъ, и имѣющіе, можетъ быть, на то *свои причины*.

Медвѣжьихъ острововъ, причемъ оказалось, что его положеніе прежде было опредѣлено не точно. Тонкость льда не позволила двигаться далѣе. Постоянно чувствовалось подъ ногами его сотрясеніе. Это принудило экспедицію отправиться въ обратный путь. На пути ей безпрестанно встрѣчались огромныя глыбы льда, которыя сильно мѣшали движенію. Когда она добралась до запаснаго магазина, путешественники съ ужасомъ увидѣли множество слѣдовъ бѣлыхъ медвѣдей. Тѣмъ не менѣе запасы оказались въ цѣлости, такъ какъ были сложены на очень высокомъ мѣстѣ. Ночью медвѣди являлись вновь, но лай собакъ пробудилъ путешественниковъ, и они успѣшно выдержали борьбу съ непрошенными гостями. Добравшись до Медвѣжьихъ острововъ, экспедиція занялась ихъ изслѣдованіемъ, причемъ былъ открытъ новый, 7-й островъ. Въ ясную погоду путешественники не упускали случая обозрѣвать съ ледяныхъ горъ горизонтъ посредствомъ телескопа, но ничего не могли замѣтить, кромѣ облаковъ или тумана. Такъ кончилась вторая экспедиція Врангеля.

Относительно путешествія Литке мы возьмемъ журнальныя статьи, касающіяся его знаменитыхъ поѣздокъ къ Новой Землѣ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактами. Эта фактическая сторона журнальныхъ статей даетъ слѣдующее. Капитанъ-лейтенантъ Литке совершилъ въ 1821 — 24 г. четыре путешествія въ Новую Землю. Новая Земля, занимавшая долгое время однихъ только географовъ, обратила на себя вниманіе русскаго правительства, когда во второмъ десятилѣтіи настоящаго столѣтія духъ открытій снова пробудился въ Европѣ. Еще въ 1819 году былъ посланъ изъ Архангельска бригъ, подъ начальствомъ лейтенанта Лазарева, для описанія этого острова. Экспедиція эта имѣла неудачный исходъ, такъ какъ отправилась въ неудачное для плаванія по сѣвернымъ морямъ время. Въ экипажѣ во время путешествія до такой степени развился скорбутъ, что бригъ едва могъ быть управляемъ и вернуться назадъ. Эта неудачная экспедиція была причиною распространенія слу-

ха объ убійственности климата и неприступности береговъ Новой Земли. Но правительство лучше понимало причины неуспѣшности экспедиціи Лазарева, и потому рѣшено было отправить новую экспедицію, начальникомъ которой былъ выбранъ лейтенантъ Литке. Эта экспедиція была успѣшнѣе первой. Хотя главная цѣль и не была достигнута, тѣмъ не менѣе путешествіе доказало, что Новая Земля совсѣмъ не есть недоступная мѣстность, какъ уже начали о ней думать. Въ экспедиціи 22, 23 и 24 г. было уже сдѣлано несравненно больше. Благодаря имъ, вышли изъ мрака географической неизвѣстности берега Новой Земли и Лапландіи *), а также былъ измѣренъ загадочный и трудно-доступный Маточкинъ Шаръ, и съ большой точностью была опредѣлена широта и долгота многихъ мѣстъ. Онѣ же показали, что въ существовавшихъ картахъ берега Лапландіи были допущены величайшія неточности. Сдѣланы были во время ихъ и нѣкоторыя естественно-историческія наблюденія. Было замѣчено, что горы, ограничивающія Маточкинъ Шаръ, состоятъ изъ различныхъ породъ сланца, кварца и изобилуютъ сѣрнымъ колчеданомъ и мѣдною охрою. Изъ растеній, между прочимъ, были найдены щавель и ложечная трава. Всѣ названныя экспедиціи были сопряжены съ большими опасностями, и было нѣсколько случаевъ, когда неустрашимые путешественники были почти увѣрены въ своей гибели. Имъ постоянно приходилось сталкиваться съ пловучими льдами, выдерживать бури или же страшиться подводныхъ мелей **).

Мыслящая, хотя и не особенно большая, часть современнаго общества съ большимъ интересомъ слѣдила за судьбой названныхъ знаменитыхъ русскихъ путешествій. Изъ

---

*) Точное описаніе береговъ Лапландіи имѣло чрезвычайно важное практическое значеніе, такъ какъ вблизи этихъ береговъ весьма часто проходили военные и купеческіе корабли различныхъ націй.

**) Объ экспедиціяхъ Литке къ Новой Землѣ см., между прочимъ. „Сѣверный Архивъ“ 23 года, ч. 6, стр. 205—216 и 278—294, и 14 г., ч. 9, стр. 325—334.

журналовъ больше всего свѣдѣній о нихъ давалъ „Сѣверный Архивъ", журналъ довольно замѣчательный и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, тогда какъ между его собратьями были и такіе, которые, повидимому, нисколько не интересовались названными путешествіями, наполняя свои страницы исключительно обращеніями къ Хлоямъ и Лилетамъ. Указанные подвиги русскихъ мореходцевъ были, впрочемъ, отмѣчены и современною поэзіею. Такъ, извѣстнымъ графомъ Хвостовымъ было написано стихотвореніе подъ названіемъ „Русскіе мореходцы въ Ледовитомъ океанѣ", по поводу котораго издатель „Сѣвернаго Архива" замѣтилъ, что „знатоки и любители поэзіи достойно оцѣнили сіе новое произведеніе трудолюбиваго стихотворца, который въ продолженіи сорока лѣтъ" не переставалъ „насаждать цвѣты на Русскомъ Парнасѣ". Въ стихотвореніи Хвостова говорилось о русскихъ открытіяхъ, совершонныхъ съ 1814 по 1822 годъ въ различныхъ моряхъ. Въ немъ встрѣчаются имена всѣхъ названныхъ нами русскихъ путешественниковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Явленія обыденной общественной жизни.

Касаясь важныхъ явленій и событій, журналистика 20-хъ годовъ не оставляла безъ вниманія и явленій обыденной общественной жизни. Не проникая въ глубину, не изслѣдуя серьезно причинъ тѣхъ или другихъ ея явленій, журналистика названнаго времени все же даетъ порядочное количество матеріала для характеристики обыденной общественной жизни своего времени. Объ ея отношеніи къ этой жизни мы скажемъ потомъ, а теперь посмотримъ, какіе факты она представляетъ по отношенію къ послѣдней, посмотримъ на умственную, нравственную и эстетическую стороны въ названныхъ выше явленіяхъ въ приложеніи къ извѣстной части современнаго общества.

Умственная жизнь, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества, выражается весьма многоразличнымъ образомъ: она выражается въ ежедневныхъ занятіяхъ, въ характерѣ его интересовъ, въ разговорѣ, въ развлеченіяхъ, въ чтеніи и т. д. Съ этихъ сторонъ мы и посмотримъ на обыденную общественную жизнь 20-хъ годовъ, посмотримъ настолько, насколько даетъ для того матеріала журналистика названнаго времени. При этомъ нужно замѣтить, что мы будемъ говорить не обо всемъ обществѣ, а только о той его долѣ, которая по своему незначительному умственному развитію, дѣйствительно, давала значительный матеріалъ для сатиры.

Перелистывая страницы журналовъ двадцатыхъ годовъ, замѣчаешь, что въ это время были въ обществѣ лица, которыя не съ особенно высокими требованіями относились къ жизни. Отдавши дѣловой сторонѣ дня то, что она требовала, эти лица, по весьма естественному побужденію, старались наполнить и другую, свободную его часть тѣми или другими занятіями, тѣми или другими развлеченіями, разговорами и интересами.

Эти занятія и развлеченія, конечно, значительно различались по состоянію и возрасту занимавшихся и развлекавшихся лицъ. Скажемъ нѣсколько словъ о развлеченіяхъ. Великосвѣтскіе вечера, балы, театры, маскарады были достояніемъ однихъ, скромныя вечеринки съ картами, дружеской бѣсѣдой и закуской—другихъ. Пожилые солидные люди названной части общества любили потолковать иногда въ такихъ случаяхъ и о матеріяхъ важныхъ, молодые люди, какъ всегда и вездѣ, предпочитали бесѣду съ прекраснымъ поломъ. Эта бесѣда, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ, имѣла свой, осбенный отпечатокъ. Особенно много типическаго даютъ журналы 20-хъ годовъ относительно этой бесѣды, этого разговора барышень и кавалеровъ названнаго времени. Больше всего, конечно, трактовалось тутъ о любви, вертѣлось дѣло на признаньяхъ, комплиментахъ, клятвахъ и т. д. Но были и другія темы для разговора. Обра-

тимся прежде всего къ прекрасному полу, къ его интересамъ, разговорамъ и развлеченіямъ. О чемъ и какъ говорили въ нѣкоторыхъ дамскихъ кружкахъ названнаго времени и чѣмъ преимущественно интересовались, можетъ показать слѣдующій разговоръ, взятый нами изъ маленькаго разсказа подъ названіемъ „Свѣтскія приличія", помѣщеннаго въ "Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 г.

„Maman! поѣдемъ-те сегодня въ театръ. Мы ужь давно не были", сказала утромъ девятнадцатилѣтняя Анета Прасковьѣ Дмитріевнѣ Вѣеровой.

„Ну что, мой другъ, ѣздить въ Русскій театръ? — дождемся Французскаго. Ужь говорятъ и актеры пріѣхали", отвѣчала Прасковья Дмитріевна.

„Да, маменька, надожь видѣть новый водевиль, который даютъ сегодня. Онъ, говорятъ. забавенъ".

„А какой это водевиль, душинька?"

„Позвольте, я сейчасъ сыщу, вотъ газеты".

„Честный воръ", отвѣчалъ одинъ молодой человѣкъ. Бѣльской, и своимъ отвѣтомъ избавилъ Анету отъ труда перебирать бѣлыми ручками сѣрые листы „Московскихъ Вѣдомостей", и въ безконечномъ ряду объявленій отъ Воспитательнаго Дома искать объявленій театральныхъ.

„А еще что даютъ, Monsieur Бѣльской?"

„Еще-съ... я не помню... позвольте... сейчасъ".

Бѣльской взялъ со стола газеты и началъ ихъ перебирать, говоря про себя: „Разныя извѣстія... книги... журналы..."

„А «Московскій Телеграфъ» вышелъ?" спросила Анета съ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ еще, кажется...

„Ахъ, какъ онъ опаздываетъ! Это ни на что не похоже!" съ досадой сказала Анета.

— Да, „Дамскій журналъ" гораздо аккуратнѣе, его ужь вышла двадцатая книжка. Конечно, аккуратность не достоинство...

„Нѣтъ-съ, въ нашихъ модахъ это большое достоинство.

Что намъ за дѣло до учености этихъ журналистовъ! Мы прежде всегда смотримъ на картинки, а тамъ на критики, и я очень на нихъ сердита, потому что за этими критиками опаздываютъ моды...“

— А! Новая поэма Пушкина!

„Пушкина?.. Maman! надо купить скорѣе.“

— Еще успѣемъ, другъ мой. Да что? Нынче Пушкинъ избаловался... Ужь вѣрно опять какой нибудь графъ... какъ бишь онъ?.. Графъ...

„Графъ Нулинъ!“

„Да, Нулинъ.,. c'est ignoble!“

— Извѣстія о пріѣхавшихъ.

„А кто пріѣхалъ? Прочтите, monsieur Бѣльской съ любопытствомъ спросила Прасковья Дмитріевна.

„А, Графъ! Вѣрно и съ Графиней: они, говорятъ, пріѣхали сюда на всю зиму и будутъ давать балы. Онъ очень хорошо знакомъ съ тетушкой Анфисой Сергѣевной... Я также знаю Графиню. Гдѣ бы ее видѣть?“

— Сколько аукціоновъ, просроченныхъ имѣній; разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одинадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать!

— Позвольте, полноте, monsieur Бѣльской, счетъ потеряете. На аукціоны нынче мода, и безъ нихъ, право, великимъ постомъ было бы скучно... Утромъ некуда дѣваться, а на аукціонѣ такъ весело — все что нибудь новинькое да увидишь...

„Наконецъ дошелъ и до театра... Нынче даютъ Честнаго вора и Марію Стюартъ...“

— Марію Стюартъ?... Ахъ, маменька! это жалко... Поѣдемъ-те...

„Вы видѣли этотъ водевиль?“ спросила Прасковья Дмитріевна съ испытующимъ взоромъ.

— Видѣлъ, сударыня. Онъ довольно милъ, куплеты забавны.

„Я боюсь этихъ водевилей... А какой сюжетъ, разскажите пожалуйста."

— Завязка пустая, но смѣшная. Одинъ молодой музыкантъ, Леонъ, живетъ съ своимъ другомъ Эрнестомъ въ гостинницѣ: они оба повѣсы, какъ водится. Эрнестъ въ нуждѣ продалъ всѣ фраки Леона, и этотъ безъ фрака выходитъ на сцену въ досадѣ на своего друга..."

„Безъ фрака? какъ же онъ одѣтъ?" спросила Прасковья Дмитріевна, между тѣмъ какъ Анета, до тѣхъ поръ внимательная къ разсказу, опустила свои глазки на узорную канву, какъ будто она ничего не слышитъ.

„Просто, въ ,жилеткѣ", отвѣчалъ Бѣльской, немножко смѣшавшись.

— Въ жилеткѣ? Это мило... Annette, поди въ спальню и достань мнѣ въ перламутровомъ ящикѣ клубокъ шерсти, да выбери получше...

– Сейчасъ, maman.

„Продолжайте, monsieur Бѣльской" *).

Наряду съ вопросомъ о театрѣ, балахъ и нарядахъ, смѣло и развязно фигурировавшимъ въ общественныхъ разговорахъ извѣстной доли прекраснаго пола въ 20-хъ годахъ, существовали вопросы интимные, которые стѣснялись публичности и вполнѣ развертывались только въ домашнемъ, семейномъ кружкѣ или дружественной перепискѣ между близкими лицами. Это были вопросы о замужествѣ и любви. Случайная встрѣча съ красивымъ кавалеромъ давала потомъ чувствительнымъ барышнямъ характеризуемаго времени обильный источникъ для разговоровъ у домашняго очага, за вышиваньемъ красивыхъ узоровъ по канвѣ. Особенно благодарную почву такіе разговоры находили тамъ, гдѣ много было взрослыхъ сестрицъ, безбоязненно повѣрявшихъ другъ другу тайны впечатлительнаго сердца. Ростъ, волосы, глаза, носъ, усы и прочія принадлежности физіономіи встрѣтившагося интереснаго кавалера подвергались надосугѣ тщатель-

*) „Московскій Вѣстникъ", 1828 г., ч. 11, стр. 366—369.

ному разбору и вызывали возгласы неподдѣльнаго одобренія и восторга.

Войдемъ въ уютную комнатку двухъ сестрицъ и послушаемъ, о чемъ онѣ говорятъ между собою *).

Старшая. Ахъ, маменька, какой любезный кавалеръ намъ встрѣтился!

Средняя. Какъ онъ хорошъ собою! Какіе черные, большіе глаза у него!

Старшая. Какіе густые бакенбарды, длинные усы. — А глаза-то у него, впрочемъ, не черные, сестрица, — ты не разглядѣла,—а каріе.

Средняя. Вотъ еще не разглядѣла! Да вѣдь онъ шелъ подлѣ меня. Ужь не ты ли лучше видѣла?

Старшая. Разумѣется, лучше: подлѣ меня онъ шелъ дольше! Какъ присталъ къ нему вицмундиръ съ синимъ воротникомъ!

Средняя. Такъ вотъ нѣтъ же: воротникъ у него зеленый!

Старшая. Тебѣ хочется спорить?

Средняя. А тебѣ нѣтъ?

Старшая. Разумѣется, нѣтъ, — что глаза у него каріе, я это знаю навѣрное, а воротникъ на сюртукѣ синій. Я какъ теперь на него гляжу.

Средняя. И я также.

(Въ одинъ голосъ скоро).

Старшая.	*Средняя.*
Росту средняго, глаза каріе, волосы черные, немясго курносъ, худощавый, ротъ небольшой, зубы бѣлые, усы длинные, бакенбарды большія, плеча широкія, высокая грудь, въ вицмундирѣ, съ серебряными эполетами, синій воротникъ, шпага съ темлякомъ... Машка! стаканъ квасу.	Росту высокаго, глаза черные, черные какъ уголь, волосы темнорусые, носъ дланный, лице полное, ротъ широкій, зубы чистые, но не бѣлые, усы кудрявые, бакенбардъ и не видать, плечи не очень широкія, грудь не очень высокая, въ мундирномъ сюртукѣ, съ золотыми эполетами, воротникъ зеленый, сабля... Машка! кружку воды.

*) Московскій Вѣстникъ" 28 г., ч. 12, стр. 28 – 31, „Невѣста на ярмаркѣ", Погодина.

Средняя. Будь по твоему. Я уступлю покамѣсть. Какъ жаль, что мы такъ близко были отъ экипажа: онъ не успѣлъ и поговорить съ нами порядочно.

Старшая. Однакожь онъ успѣлъ сообщить мнѣ много лестнаго.

Средняя. Какого прекраснаго розоваго цвѣта ваша косынка, сказалъ онъ мнѣ, однакожь этотъ цвѣтъ уступаетъ цвѣту вашихъ... О Петербургъ и Москва! Какіе счастливцы живутъ тамъ?.. Услышишь ли у насъ въ городѣ въ пять лѣтъ такія нѣжности? У насъ только и есть, что отставной исправникъ, да онъ такъ любезничаетъ около Пелагеи Петровны, что никого и ничего не видитъ больше... Что еще сказалъ мнѣ офицеръ?... да... я запретилъ бы барышнямъ носить косынки, шали, платки. Это выгодно для нѣкоторыхъ, зато другіе лишаются...

Старшая. Случая явиться во всемъ блескѣ своихъ прелестей. Онъ сказалъ это, какъ у тебя съ плечь упала косынка. Отъ чего упала она?

Средняя. Ахъ, Боже мой! я почему знаю? ее снесло вѣтромъ.

Старшая. Бросясь поднимать ее, онъ наступилъ мнѣ на ногу.

Средняя. Онъ извинился предъ тобою въ неосторожности.

Старшая. Извинился, но очень просто. „Вамъ больно, сударыня, я виноватъ." Такъ извиняются у насъ и въ Спасскомъ. Вѣрно онъ истощилъ весь запасъ своихъ комплиментовъ въ похвалу прекрасной моей сестрицы, которая бросала на него изподлобья такіе умильные взгляды.

Средняя. Ахъ, Боже мой! да что ты это пристаешь ко мнѣ, сестрица? Чѣмъ я виновата, что понравилась больше твоего? Маменька! уймите сестрицу. Она говоритъ мнѣ, Богъ знаетъ, какія колкости, за то, что офицеръ не похвалилъ ея веснушекъ, да узенькихъ ножекъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о красивомъ кавалерѣ, о комплиментахъ, о замужествѣ былъ для очень многихъ барышень вопросомъ жизни и смерти. Онъ до того былъ серье-

зенъ и всеобъемлющъ, что поселялъ раздоръ и несогласіе между членами одного и того же семейства. Но вотъ завѣтная мечта исполнялась, интересный кавалеръ обращался въ жениха, а женихъ въ супруга. Наступалъ медовый мѣсяцъ. А тамъ что? Наряды, сплетни, расправа съ Машками и Палашками, если таковыя имѣлись, или всецѣлое погруженіе въ домашнее хозяйство, въ варенье, сушенье, соленье и т. д. Бѣда была провинціальному мужу, если какой нибудь случай заставлялъ его пріѣзжать съ супругой въ столицу. Красивыя столичныя вывѣски и магазины распаляли въ супругѣ неудержимое желаніе купить то или другое для своего наряда, а супруга то и дѣло заставляла опускать руки въ карманы для расплаты. Журналистика 20-хъ годовъ сохранила много плачей и сѣтованій несчастныхъ провинціаловъ-мужей по поводу увлеченія прекрасной половины нарядами. Такъ, на страницахъ «Невскаго Зрителя» одинъ изъ такихъ, достойныхъ состраданія, супруговъ, сѣтовалъ такимъ образомъ: „Едва проѣхали мы нѣсколько саженъ по Невскому проспекту, какъ жена моя вскричала: Ахъ! другъ мой! посмотри, какая безподобная шляпка! Заѣдемъ пожалуйста.— „Что ты! въ умѣ ли? развѣ позабыла, что мы не отслужили еще молебна!“ Другъ мой! ангелъ! утѣшь же меня. Ну, самъ посмотри, что за шляпка на мнѣ! какъ я буду стоять въ Казанской! я сгорю со стыда! Она проговорила это съ такимъ жаромъ и такъ громко, что и проѣзжающіе, и прохожіе оглянулись на насъ. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорѣе приказалъ поворотить сани и привезъ ее въ магазинъ. „Что вамъ угодно?“ спросила насъ француженка, не приподнявшись даже со стула своего. Она вѣрно встрѣтила насъ по платью... Вотъ эту шляпку, сказалъ я, указывая на ту, которая соблазнила мою жену. „Подай!“ сказала француженка одной изъ сидѣвшихъ за рукодѣльемъ дѣвицъ. Шляпокъ было множество, и одна другой лучше! Прежняя уже не обращала на себя вниманія. Ее поставили на свое мѣсто—и начался переборъ, который продолжался около часа. Сама мадамъ подошла на помощь,

и, наконецъ, шляпка выбрана. Только я приготовился отщитать 120 руб., какъ былъ остановленъ сими словами: „Постой, другъ мой! еще хочу взять этотъ *эшартъ*.“ Не угодно ли, сударыня, спросила мадамъ съ чрезвычайною вѣжливостію, взять еще чего нибудь? у меня теперь очень много новостей изъ Парижа? — „Изъ Парижа? ахъ, покажите пожалуйста!“ И услужливая торговка начала выдвигать ящики и отпирать шкафы. Не болѣе какъ въ двѣ минуты столы были завалены: матеріи разныхъ сортовъ, платки, платочки, блонды, кружева лежали въ самомъ соблазнительномъ безпорядкѣ! Между тѣмъ какъ на лицѣ жены моей, у которой, какъ говорится, *разбѣжались глаза*, было написано удовольствіе и радость, сердце мое билось такъ сильно... такъ сильно... какъ стѣнные часы! Мнѣ весьма было досадно и на жену мою и на модную торговку. Я предчувствовалъ, что отъ прихотей первой и отъ услужливости другой бумажникъ мой истощится. Разсудокъ безпрестанно твердилъ мнѣ: пора для собственнаго благополучія сдѣлать формальную ретираду; но природная моя застѣнчивость и боязнь услышать отъ вѣжливой и услужливой мадамъ А. какое нибудь непріятное привѣтствіе, не позволили мнѣ воспользоваться добрымъ совѣтомъ его. Я безмолствовалъ, торговка безъ умолку лепетала, дѣвушки, какъ угорѣлыя, бѣгали по магазину за модною дрянью, а жена моя съ жадностію пересматривала все. Наконецъ, выбравъ себѣ матерію и на капотъ, и на платья съ длинными и короткими рукавами, два эшарпа, изъ коихъ одинъ *тру-тру*, блондъ и нѣсколько платочковъ, жена моя попросила все уложить въ кардонъ. Я заплатилъ пятсотъ семьдесятъ пять рублей—и мы отправились далѣе“ *). Изъ дальнѣйшей исповѣди несчастнаго супруга видно, что этимъ дѣло не кончилось. Ему пришлось посѣтить еще нѣсколько магазиновъ и еще облегчить свой бумажникъ. Результатомъ было то, что къ Казанской такъ и не заѣхали.

Но вотъ наряды куплены — и опять провинція, опять

*) „Невскій Зритель“ 21 г., ч. 5, стр. 49—52.

„Войдя въ домъ Зажитова, моего пріятеля, нашелъ я у него гостей человѣкъ съ сорокъ. Признаюсь, сначала я усомнился въ словахъ моего стараго доктора философіи, что можно найти уединеніе между сорока человѣкъ, но вскорѣ увидѣлъ, что онъ справедливъ."

„Возлѣ меня сидитъ богатый откупщикъ Фитюлинъ; всѣ окружающіе его устремили глаза свои прямо ему въ ротъ, приготовясь каждое его слово превознесть выше изрѣченій Соломоновыхъ; но — Фитюлинъ молчитъ, зѣваетъ и нюхаетъ табакъ, слѣдовательно, Фитюлинъ не помѣшаетъ мнѣ философствовать."

„Позѣвавъ съ нимъ вмѣстѣ, окружавшіе его разошлись по разнымъ угламъ залы и занялись одни картами, а другіе разговорами и пересудами."

„Подхожу къ ломберному столу; за нимъ сидятъ двѣ дамы зрѣлыхъ лѣтъ съ двумя мужчинами, вовсе имъ незнакомыми. Руки ихъ въ безпрестанномъ движеніи, за то языкъ въ покоѣ. Онѣ только повторяютъ: *въ пикахъ*, *пасъ*, *одна въ червяхъ* и т. п. Двѣ старухи, которыя ничего не говорятъ, кромѣ: въ *пикахъ*, *пасъ*, *одна въ червяхъ*, не опасны для моего уединенія."

„Въ диванной никого не было, кромѣ Зефирова (извѣстнаго селадона) и Лидиной (вдовы девятнадцати лѣтъ). Они, зная, что говорить громко неучтиво, шептались между собою."

„Въ гостиной сидѣли дамы, и старались переговорить одна другую, и довольны были тѣмъ, что завтра разскажутъ своимъ пріятельницамъ, что на дѣвицѣ Флеровой платьѣ сидѣло косо, что дѣвица N. избавилась отъ блѣдности и проч."

„Смотря на эти занимательные автоматы, я вспомнилъ о моей Колтовской Граціи, но какая разница! Щеки Граціи пылаютъ розою, а эти дамы такъ блѣдны, такъ... Отъ чего же эта разница? Отъ того, что моя Грація живетъ не въ большомъ свѣтѣ, никогда не штукатурила своего лица, не проводитъ ночей на балахъ, а ложится всегда во время, встаетъ во время..."

„Хозяйка дома старается угостить своихъ посѣтительницъ, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, суетится, спрашиваетъ о чемъ нибудь одну, и не дождавшись отвѣта, обращается съ вопросомъ къ другой. Но вотъ она предлагаетъ дамамъ десертъ: что вы не возьмете винограду, говоритъ имъ, возьмите персиковъ, что вы такъ не веселы? вѣрно вамъ у меня скучно? — Напротивъ, сударыня, очень весело, отвѣчаютъ гости, зѣвая" *).

Кромѣ баловъ, вечеровъ, театровъ (многимъ особенно нравился французскій театръ и французскіе актеры), нѣкоторые изъ столичныхъ жительницъ имѣли особенныя случайныя развлеченія. Интересное описаніе одного изъ такихъ развлеченій мы встрѣчаемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 20-хъ годовъ. Оно касается «Московскаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ», устроеннаго въ Москвѣ въ 28 г. и сдѣлавшагося для нѣкоторыхъ столичныхъ жителей, а отчасти и провинціаловъ, мѣстомъ, гдѣ не только запасались здоровьемъ, сколько искали развлеченія. Названное заведеніе въ короткое время получило такую извѣстность, что въ Москву на минеральныя воды пріѣзжали за 800 верстъ и болѣе. Особенно сильно оно тянуло къ себѣ прекрасный полъ. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ названнаго нами описанія.

«Ясонъ! Ясонъ!—Сейчасъ, сударь! Что прикажете?—„Взгляни въ окно: вѣрно пожаръ? Скачутъ, стучатъ... невозможно спать болѣе! 6-й часъ, и некому, кромѣ пожарной команды, будить нашу Остоженку.—Нѣтъ, сударь! не видно ни огня, ни дыму; небо ясно, но множество каретъ, колясокъ и дрожекъ тянутся къ Коммерческому Училищу... вотъ... поворачиваютъ налѣво..."

„Странное дѣло! подумалъ я, въ 6-мъ часу утра такой разъѣздъ, это что-то необыкновенное... Не знаешь ли, Ясонъ, не остановился ли на Остоженнѣ какой-нибудь министръ, генералъ-губернаторъ?—Не умѣю вамъ доложить!—

*) „Невскій Зритель", ч. 3, стр. 230—232, „Новый философъ."

Такъ давай же одѣваться... пойду — и узнаю причину тревоги."

„Одѣваюсь—иду—но въ самыхъ дверяхъ останавливаетъ меня молодой Ролинскій. Увидя его, отъ изумленія и страха я отступилъ на два шага. Я знаю, что Ролинскій живетъ на дачѣ своей, на Бутыркахъ, и обыкновенно спитъ до полудня: появленіе его въ 6-мъ часу утра изумило меня, а лице его, блѣдное, заспаное, страдальческое, поразило меня ужасомъ. «Скажите, ради Бога, что случилось съ вами? что заставило васъ уѣхать съ дачи такъ рано? пробормоталъ я, сжимая его руку.—Ничего! ничего! совсѣмъ ничего не случилось! Я здоровъ, и нарочно заѣхалъ, чтобъ предложить вамъ прогуляться со мной на воды.—«На воды?» — Да, на воды, въ Карлсбадъ! Угодно ли?—Какъ? въ Карлсбадъ? вы ѣдете въ Карлсбадъ?" — Съ сестрою, съ племянницею, и съ вами, если угодно... ѣду сію минуту.—«Вы шутите?» — Нимало!—«Въ Карлсбадъ? теперь? прямо отъ меня?..»—Прямо отъ васъ, въ домъ Солдана... «Знаю домъ Солдана.»—Такъ знайте же и то, что тамъ найдете всѣ европейскія минеральныя воды: Карлсбадскія, Маріенбадскія, Эгерскія, Пирмонтскія..." *).

Когда наши путники пріѣхали къ дому Солдана, весь его дворъ былъ уставленъ экипажами. Сотни лакеевъ толпились передъ крыльцомъ. Посѣтителей была масса. Они наполняли и зданіе минеральныхъ водъ, и большой садъ. Мальчики, раздававшіе воду, едва успѣвали наполнять кружки и снабжать подходившихъ листочками шалфея для чищенія зубовъ. Подрумяненныя старушки, румяныя женщины, блѣдненькія дочки, кавалеры всѣхъ сортовъ и ранговъ, тянулись непрерывною цѣпью къ источникамъ здоровья, къ мальчикамъ, разливавшимъ воду. Убогій оркестръ наигрывалъ старинные марши и экосезы. Только ливреи и бороды, не постигая фантазіи своихъ господъ, забавлялись на ихъ счетъ, и я невольно улыбнулся, говоритъ авторъ статьи,

*) „М. Вѣстникъ" 28 г., ч. 10, стр. 187—188.

услыша, какъ одинъ кучеръ со смѣхомъ увѣрялъ, что господъ обманываютъ, что онъ самъ своими глазами видѣлъ, какъ брали воду изъ Москвы рѣки."

„Благодѣтельное заведеніе! восклицаетъ далѣе авторъ. Не говоря уже о старикахъ, разслабленныхъ, больныхъ, дряхлыхъ, напримѣръ, какъ полезны эти воды прекраснымъ москвитянкамъ! Привыкнувъ вставать въ 11, 12 часовъ, теперь—о ужасъ!—теперь ихъ будятъ въ 5-мъ; въ 5 часовъ онѣ должны уже быть на водахъ! онѣ должны прогуливаться—ходить безпрестанно 3 часа... сряду 3 часа! Когда это съ ними бывало? Истинно ли онѣ больны, или мода пригнала ихъ сюда — польза очевидна! Посмотрите, какъ онѣ будутъ свѣжи, румяны, здоровы, веселы зимою! Вотъ настанутъ благородныя собранія... начнутся балы... я тотчасъ узнаю дѣвушку, которая пила воды!... Она вѣрно будетъ свѣжа какъ роза, какъ роза майская! Кромѣ того, какое торжество для этой розы, если она встрѣтится въ обществѣ съ кузиною, пріѣхавшею изъ деревни. „Я пила Маріенбадскія воды! Я пила Спрудень! Я пила Пирмонтскія воды!... Я пила Эгерскія воды! Ah, ma chère! какъ было весело на водахъ! какое общество! Всѣ путешественники увѣряютъ, что наши воды устроены несравненно лучше всѣхъ заграничныхъ!" А бѣдная провинціальная кузина, слушая разсказы о водахъ, даетъ себѣ честное слово непремѣнно съ мая пить воды... въ Москвѣ, на Остоженкѣ! И прекрасно. Она, въ свою очередь, будетъ павлиниться передъ своими сосѣдками, разсказывать имъ о чудесныхъ водахъ, а папинька ея пустится въ разсчеты, какъ выгодно для русскихъ московское заведеніе минеральныхъ водъ."

Другой москвичъ, пившій названныя воды, почтилъ ихъ стихами. Между прочимъ, онъ въ нихъ говоритъ:

Лишь только пять часовъ пробьетъ,
Жена моя уже одѣта
И подъ крыльцомъ стоитъ карета,
И мы съ пяти часовъ утра
Ужь ѣдемъ съ нею со двора.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, что составляло любимое чтеніе прекраснаго пола въ названное время. Изъ свидѣтельствъ современной журналистики оказывается, что до серьезнаго чтенія мало было охотницъ между прекраснымъ поломъ. Читались только повѣсти, романы и стихотворенія. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 27 г. было помѣщено замѣчательное письмо къ издателю о положеніи современнаго журналиста по отношенію къ публикѣ. Въ немъ было сказано нѣсколько словъ о томъ, какъ относились къ журналамъ представительницы прекраснаго пола. «Ты думаешь, писалъ между прочимъ авторъ письма, голосомъ чувства и истины тронуть Эмилію, когда сладкіе звуки котильона, комплименты обожателей все для нея заглушаютъ. Ты скажешь: пусть она веселится въ часы удовольствій, пусть забавляется мадригалами свѣтскаго остроумія; но за то въ часы уединеннаго досуга пусть удѣлитъ нѣсколько минутъ тихому, нетрудному размышленію, чувствамъ невинной души— и пусть повѣритъ ихъ въ прекрасномъ произведеніи поэта, который искусно выскажетъ ей то, что сердце ея чувствуетъ, но выразить не можетъ. Да, другъ мой! я согласенъ съ этимъ. Но когда *собой-то* заниматься? Ты скажешь: повѣрять чувства души своей значитъ заниматься собой. Нѣтъ, другъ мой! душу въ сторону! Ты говоришь на какомъ-то языкѣ непонятномъ: заниматься съ собою значитъ съ собою бесѣдовать, а чтобъ бесѣдовать съ собою, надо видѣть себя гдѣ нибудь, а гдѣ жъ себя видѣть, какъ не въ чистомъ, ясномъ зеркалѣ, которое одно говоритъ правду, лучше всякаго поэта и философа. Вотъ еслибы въ *минуты* или, лучше сказать, *часы* этой бесѣды, этого милаго совѣщанія о новомъ нарядѣ, ты представилъ Эмиліи летучую картинку наряженной куклы и тѣмъ рѣшилъ ея печальныя сомнѣнія о бальномъ уборѣ, то привлекъ бы ея дорогое вниманіе. И этого нѣтъ у тебя! О чемъ же тебѣ и говорить съ Эмиліей?" *).

*) „М. В." 27 г., ч. 1, стр. 79—80.

Для рѣшенія вопроса о томъ, что составляло предметъ любимаго чтенія прекраснаго пола въ названное время, много данныхъ даетъ драматическая сцена, помѣщенная въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 27 г. Дѣйствующими лицами являются книгопродавецъ, переводчикъ и помѣщикъ. Дѣйствіе происходитъ въ книжной лавкѣ. Книгопродавецъ жалуется переводчику на ничтожность спроса на книги. Журналы читаются плохо, серьезныя книги тоже. „Картинки модъ намъ очень нужны, стишки да повѣсти, а больше ничего", съ сожалѣніемъ замѣчаетъ книгопродавецъ. Изъ его же словъ оказывается, что хорошій сбытъ имѣли Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Между столичными и болѣе просвѣщенными читательницами въ это время уже прошло увлеченіе произведеніями Лафонтена, Котень, Радклифъ, Жанлисъ, Коцебу. Эти авторы, по словамъ книгопродавца, считались уже не городскими, а степными.

Бывало Коцебу слылъ авторомъ полезнымъ
Въ столицахъ, а теперь въ степяхъ его чтецы,
И наша братія помелче продавцы
Развозятъ сволочь всю по деревнямъ уѣзднымъ.

Въ концѣ сцены въ книжную лавку входитъ помѣщикъ, желающій купить для своей дочери романъ. Съ вздохомъ отдавая деньги книгопрадавцу, онъ замѣчаетъ:

Что дѣлать съ дѣтками?—пустѣетъ кошелекъ!
Когда бъ не дочь моя Ульяна,
Ни за чтобъ не купилъ я твоего романа.

Нѣтъ нужды замѣчать, что читательницы, знакомыя съ французскимъ языкомъ, увлекались французскими повѣстями и романами.

Вопросъ о нравственномъ и эстетитескомъ развитіи, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества, тѣсно связанъ съ вопросомъ объ умственномъ развитіи, и если данъ отвѣтъ на послѣдній, то вмѣстѣ съ этимъ отчасти данъ отвѣтъ и на первый. Вотъ почему нѣтъ нужды много распространяться о нравственномъ и эстетическомъ развитіи той доли прекраснаго пола 20-хъ годовъ, которая была выведе-

на нами раньше. Скажемъ только о нѣкоторыхъ явленіяхъ нравственнаго міра, какъ они отразились въ журналистикѣ даннаго времени. Въ романахъ, повѣстяхъ и комедіяхъ этого времени, между прочимъ, довольно часто приходится встрѣчаться съ несчастнымъ рогатымъ мужемъ. Такія сцены, какъ слѣдующія, были не особенно рѣдки.

„Лишь только вышли изъ-за стола, докладываютъ моему пріятелю о бриліантщикѣ, за которымъ посылала его супруга.“ Скажи ему, чтобъ онъ пришелъ въ другой разъ, а теперь не время.—Посмотрѣть на хорошія вещи всегда время.—Но, моя милая!—Но, мой милый!—Если непремѣнно хочешь, то пусть онъ войдетъ“.

„Ахъ, мой другъ, какія прекрасныя сережки! какое безподобное кольцо!—Но у тебя все это есть; къ чему тебѣ еще?—Мой милый, миленькій! я тебя люблю сердечно, не откажи мнѣ въ этихъ бездѣлицахъ. При сихъ словахъ она цѣловала супруга, а руку ее, которую держала назади, цѣловалъ офицеръ“ *.

„Я удалился отъ людей, читаемъ въ другомъ мѣстѣ; проводилъ время съ своей женою, которую я избавилъ отъ бѣдности, которая добра, нѣжна, признательна и молода, и которая, по словамъ ея, любитъ меня сердечно. Сама никуда не выходитъ, а мнѣ совѣтуетъ чаще прогуливаться, увѣряя, что для меня это полезно. Однажды я вышелъ изъ дома, зашелъ въ кондитерскую, купилъ десятокъ свѣжихъ *безе*, до коихъ жена моя большая охотница, и спѣшилъ возвратиться съ ними домой“.

„На одномъ со мною корридорѣ живетъ какой-то пригожій молодой человѣкъ, который, кажется, всегда присматриваетъ за мною. Не желая, чтобъ онъ видѣлъ, что я несу домой *безе*, прошелъ я чрезъ черную лѣстницу и заднія двери; вхожу въ женину комнату и что... о Боже!... сосѣдъ мой, жена моя...“ **

---

* „Невскій Зритель“ 1821 г., ч. 5, стр. 269.

** Тамъ же, стр. 278.

Въ нѣкоторыхъ комедіяхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ 20-хъ годовъ, выведены на сцену самоуправство и грубое обращеніе барынь помѣщицъ съ крѣпостными людьми. Явленіе это было, какъ видно, не особенно рѣдко. Въ комедіи „Неожиданное возвращеніе", помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ", одна помѣщица, между прочимъ, дѣлаетъ признаніе такого рода:

Къ деревнѣ вашей я лишь стала подъѣзжать,
Сломалось колесо—и лошади взбѣсились.
Признаться, этотъ день былъ самый роковой;
Я сколько, батюшка, предъ Богомъ нагрѣшила,
Что какъ ни думала свой гнѣвъ привесть въ покой,
Однакожъ кучеру влѣпила.

Въ другомъ мѣстѣ та же почтенная дама повѣствуетъ слѣдующее:

Позвольте, мой отецъ, поѣздку досказать:
Княгиню разругавъ въ досадѣ, въ изумленьи,
Бароншу навѣстить скачу я къ Вознесенью:
Вхожу и слышу крикъ и хлопанье дверей.
Здоровалъ госпожа, что сдѣлалося съ ней?
На исповѣдь идти желая по уставу,
Она въ прощальный часъ... людямъ даетъ расправу;
Вотъ душу, батюшка, чѣмъ думаетъ спасти *.

Еще болѣе крутымъ нравомъ отличается выведенная въ комедіи „Столичные жители въ провинціи" помѣщица Линская. Войдя въ гостинную и видя, что она неубрана, она разражается такимъ монологомъ:

Гостинная совсѣмъ не убрана;
Въ присадникѣ потоптаны всѣ гряды,
Дневальныхъ нѣтъ, садовникъ пьянъ,
Ну вотъ какіе безпорядки!
Держи людей! отъ нихъ убытки до изъянъ,
А проку ни на грошъ! Одинъ неблагодаренъ,
Другой лѣнивъ, тотъ пьяница, тотъ воръ...
Да вотъ постой! Лишь только бы наборъ,
Въ солдаты всѣхъ.

---

* „Невскій Зритель" 1820 г., ч. 2, стр. 273.

Страсть къ расправѣ переходила иногда къ молодому поколѣнію. Въ этомъ отношеніи характеристиченъ слѣдующій отрывокъ изъ повѣсти Погодина „Невѣста на ярмаркѣ". „Внутреннія дѣла препоручены были старшей дочери, которая имѣла все на рукахъ въ домѣ, и хозяйничала, когда Анна Михайловна (мать), по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, должна была оставлять кормило правленія. Дворня находилась подъ ея надзоромъ, и она съизмаленька пріученная, умѣла содержать домочадцевъ въ подобающемъ страхѣ: бѣда, бывало, сѣннымъ дѣвушкамъ, которыя не успѣвали дошить какого нибудь городка въ платьѣ или довязать урочной кости въ чулкѣ; бѣда дѣвочкѣ на посылкахъ, которая стоя впродолженіи часовъ двѣнадцати за ея стуломъ, вздумала бы задремать подъ вечеръ, побѣжденная природою".

Такова была довольно значительная доля героинь, выводившихся въ журнальныхъ романахъ, повѣстяхъ и комедіяхъ 20-хъ годовъ. Выводя на свѣтъ недостатки и слабость современнаго прекраснаго пола, журналистика подвергала ихъ иногда довольно ѣдкому осмѣянію и тѣмъ приносила не малую пользу современному обществу. Такъ, мы сказали, относились къ даннымъ явленіямъ романъ, повѣсть и комедія. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалась лирическая поэзія. Здѣсь все было благополучно и сатиры, за исключеніемъ эпиграммы, почти не встрѣчалось. Здѣсь, когда дѣло касалось женщины, слышались только восторги и похвалы тому или другому обворожительному существу изъ среды прекраснаго пола. Вотъ нѣсколько примѣровъ на удачу.

Мадригалъ.

„Увидя Лидиньку, счастливымъ буду я",
Такъ говорилъ не знавъ, прелестная, тебя,
По слуху одному красой твоей плененный.
Сбылось желаніе, тебя я увидалъ
И, прелестьми твоими пораженный,
(Повѣришь ли?) несчастнѣй сталъ!

Элегія.

Ни прелесть голубыхъ очей,
Ни персей трепетанье,
Ни звуки сладостныхъ рѣчей,
Ни жаркое лобзанье
Любви моей не побѣдятъ:
Вездѣ передо мною
Эрменіи послѣдній взглядъ
Съ прощальною слезою!

Лидѣ.

Напрасно ты съ собой,
О Лида! смерть равняешь:
Она даетъ покой,
А ты его лишаешь.

Сонетъ.

Не льстивыхъ словъ обдуманной отравой,
Не вѣтреной манитъ она красой:
Все дышетъ въ ней небесной простотой,
И прелестью небесно величавой.

Улыбка, взглядъ, то нѣжной, то лукавой.
Не нужно ей, чтобы плѣнять собой;
Ея лицо блистаетъ добротой,
Глаза горятъ поэзіей и славой.

Обратимся теперь къ мужской половинѣ общества 20-хъ годовъ, и именно къ той его долѣ, которая выведена въ современной журналистикѣ не въ особенно привлекательной формѣ. Въ этой занимательной галлереѣ портретовъ много было лицъ, которыя дали обильный матеріалъ для безсмертныхъ произведеній Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова. Были тутъ своего рода Онѣгины, городничіе, Хлестаковы, Земляники, подмигивающіе прокуроры, Ноздревы, Собакевичи, Пѣтухи, капитаны Копейкины, Фамусовы, Молчалины, Скалозубы и т. д. Встрѣчалось тутъ то же невѣжество, то же отсутствіе серьезныхъ интересовъ, то же обжорство, то же прожиганіе жизни, то же низкопоклонство, то же трактованье о томъ, что было бы, если бы слонъ рождался въ яйцѣ, и т. д. все то же самое, что мы встрѣчаемъ на страни-

цахъ произведеній Гоголя и Грибоѣдова, хотя, конечно, не въ такой геніальной формѣ и не въ такой полнотѣ, какъ у послѣднихъ. Были даже своего рода Кошкаревы. Такъ, въ одной комедіи Загоскина, помѣщенной въ „Московскомъ Вѣстникѣ", мы встрѣчаемъ одного помѣщика, о которомъ въ комедіи идетъ такой разговоръ между барыней и слугою:

Слуга.

Свои онъ хочетъ заведенья
Показывать.

Барыня.

Показывать — кому?
Не князю ли?

Слуга.

Да, матушка, ему.
И школу, и заводъ, машинную теплицу!
А пуще-та всего—больницу.

Барыня.

Ну этимъ хвастаться не вижу я причинъ.
Народъ вездѣ приставленъ вольной,
Заводъ построенъ изъ лучинъ,
Больница изъ застольной...

Слуга.

Нѣтъ, матушка, изъ двухъ оранжерей
И стараго каретнаго сарая.

Барыня.

Не бось, мой братецъ, умирая,
Своихъ не спроситъ лекарей.
Я гроша бъ не дала всѣмъ этимъ объѣдаламъ:
Одинъ изъ нихъ былъ гдѣ-то коноваломъ,
Другой... да что тутъ говорить,
Спасибо некого морить *.

Еще болѣе совершенный прототипъ Кошкарева мы встрѣчаемъ въ характеристикѣ „Невскаго Зрителя", подъ названіемъ „Удивительный человѣкъ". Въ ней выводится помѣщикъ, бесѣдующій съ учителемъ-студентомъ. Между ними

* „Московскій Вѣстникъ" 1829 г., ч. 1.

ведется, между прочимъ, такой разговоръ: „Нынѣшнюю ночь я ни на волосъ не спалъ... Эта безсонница заставила меня хорошенько подумать объ этой деревнѣ"... Слушаю, ваше высокородіе". „Это очень хорошо — здѣсь я полный господинъ, здѣсь всѣ повинуются мнѣ, здѣсь никто не можетъ ни говорить, ни дѣлать противнаго мнѣ; я воображаю себя владѣтелемъ—княземъ"... „Точно такъ, ваше высокородіе". „Здѣсь я первый!" „Совершенная истина, ваше высокородіе". „Не будучи занятъ службою, я хочу посвятить время моего здѣсь пребыванія на образованіе моихъ поселянъ". „Очень хорошо, ваше высокородіе!" „Они добрые люди, но не таковы, какими бы мнѣ хотѣлось ихъ видѣть"... „Истинно, ваше высокородіе!» „Ихъ легко можно преобразить". „Безъ сомнѣнія, ваше высокородіе!" „Притомъ мнѣ хочется видѣть здѣсь всякаго рода заведенія". „Ничего не можетъ быть лучше, ваше высокородіе"! „Я хочу, чтобъ здѣсь былъ маленькій городъ... нѣсколько улицъ, училище, театръ, манежъ, площадь, манументы, казармы для всякихъ мастеровъ, но прежде всего сельскій судъ!..." „Сельскій судъ?" „Да, другъ мой, сельскій судъ! Какъ непристойно мнѣ заниматься крестьянскими дѣлами дома, приказывать и судить ихъ, то мнѣ хочется выстроить домъ"... „Безподобно, ваше высокородіе"!... „Домъ для сельскаго суда... Я, яко помѣщикъ, беру на себя званіе главнаго судьи, ты будешь моимъ секретаремъ, прикащикъ — совѣтникомъ, староста — въ родѣ квартальнаго надзирателя, писарей можно набрать изъ актеровъ"... „Единственно, ваше высокородіе"! „А? не правда ли, что я вздумалъ славное дѣло? Судъ будетъ раздѣленъ на три отдѣленія: барское, гражданское и уголовное"... „Весьма благоразумно, ваше высокородіе"! „Въ гражданскомъ будемъ разбирать ссоры, въ уголовномъ наказывать, въ барскомъ будутъ заниматься взиманіемъ оброку... Сверхъ того, къ гражданскому относится училище, театръ, садъ; къ уголовному: работы; къ барскому: жалованье дворовымъ людямъ и назначеніе праздниковъ"... „О! я въ восхищеніи отъ вашего плана, ваше высокородіе"!... „А? не правда ли"?

„Истинно, ваше высокородіе“! „Теперь надо тебѣ заняться сочиненіемъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ... Да! надобно еще деревенскую полицію: безъ полиціи нѣтъ порядка“... „Точно, ваше высокородіе“! „Итакъ напиши законы для гражданскаго отдѣленія, для уголовнаго отдѣленіи и для полиціи, ясно и вразумительно!... Живописцу вели нарисовать фасадъ и планы саду, театру, манежу и ремесленному институту“... „Слушаю, ваше высокородіе“! «Все какъ можно поскорѣе... такъ же и штатъ людямъ, нужнымъ для суда... Жалованье я самъ назначу... Ну, другъ мой, не правда ли, что у меня чрезвычайныя мысли. Я буду здѣсь султаномъ. Прелестно!... Не понимаю, какъ счастливая мысль о преобразованіи моей деревни прежде не пришла мнѣ въ голову... Я жилъ въ городѣ, и совсѣмъ не такъ, какъ должно жить истинному помѣщику 3000 душъ! Теперь все пойдетъ иначе! Ступай же пиши!“

«Удивительный человѣкъ съ торжествующимъ лицемъ всталъ съ креселъ, ударилъ двумя пальцами по своей табакеркѣ, понюхалъ табаку и указалъ студенту двери» *).

Многіе изъ помѣщиковъ описываемаго времени любили пожить на широкую ногу. Они украшали комнаты петербургскою мебелью, парижскою бронзою, англійскими коврами, итальянскими картинами, турецкими диванами, накупали экипажей, лошадей, нанимали живописцевъ, актеровъ, чтецовъ, секретарей, парикмахеровъ, французовъ поваровъ и т. д. Когда они отправлялись въ деревню, обозъ, сопровождавшій ихъ, равнялся по своей длинѣ поѣзду желѣзной дороги. Въ одномъ журналѣ 20-хъ годовъ мы встрѣчаемъ такое описаніе поѣздки одного помѣщика въ деревню. Баринъ съ барыней, перекрестившись, сѣли въ великолѣпную коляску въ шесть лошадей. За ними потянулась вереница другихъ экипажей. Первая фура была нагружена «Московскими Вѣдомостями», и грудой сочиненій, въ стихахъ и прозѣ.

---

*) „Невскій Зритель“. 1820 г., стр. 29—32.

поднесенныхъ помѣщику его почитателями. За библіотекой слѣдовала кухня на трехъ повозкахъ. За кухней ѣхали пять поваровъ: французъ, итальянецъ, нѣмецъ, русскій и полякъ. Далѣе слѣдовало десять поваренковъ; еще далѣе ѣхали докторъ и цырюльникъ съ домашней аптекой. Въ остальныхъ экипажахъ находились актеры, актрисы, стихотворецъ, плясуны, музыканты, живописецъ, чтецъ, письмоводитель, горничныя, камердинеры, парикмахеры, два шута. Потомъ слѣдовалъ гардеробъ барина и барыни. Владѣлецъ всего поѣзда, въ атласномъ шлафрокѣ и зеленомъ сафьянномъ картузѣ, гордо посматривалъ изъ своего экипажа на проходящихъ. По случаю этого выѣзда въ деревню, стихотворцемъ, находившимся въ поѣздѣ, было написано аллегорическое стихотвореніе подъ названіемъ: «Аллегорическое шествіе Аполлона и Дафны въ село Талантово». Во время движенія поѣзда чтецъ и трагическій актеръ декламировали первое явленіе изъ „Эдипа", пѣвцы и пѣвицы пѣли: «Лишь только занялась заря», шуты хохотали съ горничными. Когда поѣздъ добрался до деревни, крестьяне съ такою же радостію и торжествомъ встрѣтили своего барина, съ какою былъ встрѣченъ прибывшій въ свою деревню Тентетниковъ. Впереди шелъ старикъ въ зеленой курткѣ и велъ за руку мальчика лѣтъ двѣнадцати въ полосатомъ затрапезномъ халатѣ Когда поѣздъ приблизился, раздался общій крикъ: «съ пріѣздомъ поздравляемъ, батюшка нашъ кормилецъ, Гаврила Петровичъ, и матушка наша, Анна Семеновна!» Староста поднесъ хлѣбъ и соль, старостиха яйца, а мальчикъ въ халатѣ, размахнувъ руками, произнесъ рѣчь, начало которой было слѣдующее: „Высокородный господинъ! Когда усердіе и благоговѣйное изъявленіе преданной покорности съ симъ хлѣбомъ, солью и яйцами являются лучезарному лику твоему, да позволено будетъ дерзнуть излить предъ тобою, высокородный господинъ, чувствованіе глубоко-тронутаго сердца..." За рѣчь мальчикъ получилъ отъ барина гривну. Когда баринъ вошелъ въ приготовленные для него покои, человѣкъ въ зеленой курткѣ, бывшій приказчикомъ, предшествуя и раство-

ряя двери, говорилъ: „вотъ офиціантская, ваше высокородіе! вотъ зала, ваше высокородіе! вотъ гостиная, вотъ диванная, ваше высокородіе! вотъ спальная, ваше высокородіе!“ и т. д. Когда баринъ пошелъ осматривать село, приказчикъ разсказалъ ему, гдѣ рѣка, гдѣ луга, гдѣ прудъ, гдѣ сады и прочія угодья.

Вслѣдствіе неумѣренной любви нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ роскоши, являлись долги, закладыванье и перезакладыванье имѣній, знакомство съ ростовщиками, увеличеніе крестьянскихъ налоговъ и т. д. Въ произведеніяхъ журналистики 20-хъ годовъ нерѣдко встрѣчаются такого рода признанія дѣйствующихъ лицъ:

Намъ здѣсь досталося имѣнье,
Такъ мы пріѣхали сюда
Кой-что на первый разъ устроить:
Одно продать, другое заложить,
Поправить мужиковъ, оброки всѣ удвоить.

Нѣкоторыхъ помѣщиковъ разоряла и неумѣренная любовь къ наслажденіямъ, напримѣръ, любовь къ борзымъ, о которой нерѣдко трактуется въ произведеніяхъ журналистики 20-хъ годовъ. Выраженіе комедіи Загоскина „Столичные жители въ провинціи“: „Атуевъ промѣнялъ трехъ гончихъ и псаря на двухъ борзыхъ“, вѣроятно, могло быть примѣнено и не къ одному Атуеву.

Въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ описываемаго времени мы встрѣчаемъ онѣгинскую черту разочарованья и пресыщенья жизнью. Въ повѣсти „Понюхайте табаку“, помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ“, одинъ помѣщикъ дѣлаетъ такого рода признаніе: „Я испыталъ всѣ забавы: однѣ сдѣлали меня расточительнымъ и стоили половины моего имѣнія, другія поселили во мнѣ ко всему безвкусіе. Я любилъ охоту, вкусныя вина и прекрасный столъ; сосѣди и знакомые хвалили мое угощеніе, удивлялись быстротѣ и уму борзаго Наяна, а хозяина называли про себя дуракомъ. Бросилъ охоту, принялся за любовь къ картинамъ и женщинамъ; накупилъ Рубенсовъ, Корреджіевъ и Лорреневъ, влюбился въ жену

свою, въ трагическую актрису и въ англійскую гувернантку. Но, ахъ! картины и женщины жестоко обманули меня". И много другаго можно найти въ романахъ, повѣстяхъ и комедіяхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ 20-хъ годовъ, что напоминаетъ намъ безсмертные типы Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова. Но мы оставимъ помѣщиковъ, оставимъ ту ихъ группу, которая справедливымъ образомъ навлекла на себя укоры современной журнальной сатиры, и обратимся къ тому типу, который всѣмъ намъ извѣстенъ подъ именемъ поручика Кувшинникова или, что почти одно и то же, штабсъротмистра Поцѣлуева.

Поручикъ Бубновый послѣ отца остался младенцемъ и до десятилѣтняго возраста воспитывался дома, подъ надзоромъ матери. Мальчика кормили пирогами и калачами, водили въ теплыхъ фуфайкахъ, тѣшили и забавляли, а прочее оставляли на волю Божію. На одиннадцатомъ году отдали его въ пансіонъ въ столицу. Ѳединька, лазившій дома по голубятнямъ и повѣсничавшій при гостяхъ, не могъ прилежно взяться за дѣло. Такъ какъ къ экзаменамъ его матушка дарила, кому слѣдуетъ, индѣекъ малую толику, то, не смотря на свою лѣность, Бубновый благополучно переходилъ изъ класса въ классъ и, наконецъ, кончилъ утомительный курсъ ученья, хотя вышелъ изъ пансіона съ совершенно пустою головою. Поступивши въ гусары, онъ нашелъ себѣ товарищей одной масти и началъ кутить и мутить, очертя голову. Черезъ полгода послѣ вступленія въ полкъ уже никто не могъ перепить его. Товарищи дивились, когда онъ, ударясь объ закладъ, опоражнивалъ бутылки рейнвейна. На всякомъ поединкѣ онъ готовъ былъ быть секундантомъ. Во всякомъ лихомъ, отчаянномъ дѣлѣ Бубновый являлся участникомъ и не прочь былъ проиграть казенныя деньги на ярмаркѣ. Приволокнуться онъ также былъ мастеръ. Таковъ былъ поручикъ Бубновый, выведенный въ одной изъ журнальныхъ повѣстей 20-хъ годовъ. И такихъ Бубновыхъ было тогда не мало. Это типъ, отчасти родственный Ноздреву, отчасти капитану Копейкину. Состязаться съ нимъ въ пус-

тотѣ и паразитности существованія могли только Мотыльковы и Услугины. Мотыльковъ—это герой всѣхъ бульваровъ,

Въ столицахъ первый франтъ, расчесанный съ очками,
Затянутъ весь въ корсетъ;
Хотя и Крезомъ онъ въ собраніяхъ блеститъ,
Но весь его багажъ лишь въ фракахъ состоитъ.

Услугинъ не менѣе замѣчателенъ. Это —

Общій другъ, и кумъ, и адвокатъ,
Любезный человѣкъ, безъ всякаго сомнѣнья,
Живя на счетъ другихъ, онъ все исполнитъ радъ;
Нѣтъ въ городѣ крестинъ, ни свадьбъ, ни погребенья,
Кудабъ ни захотѣлъ дружекъ сей заглянуть,
Чтобъ къ ужину поспѣвъ, откушать съ молодыми,
Иль сродниковъ въ обѣдъ усопшихъ помянуть.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ мірѣ, который, на ряду съ помѣщиками, превосходно охарактеризованъ въ «Мертвыхъ душахъ» и «Ревизорѣ» Гоголя. Это міръ проникнутаго взятками чиновничества, который также выводился на сцену въ журналистикѣ 20-хъ годовъ. Здѣсь послѣднею указывалось на многія смѣшныя или неблаговидныя явленія. Такъ, въ одной повѣсти мы видимъ засѣдателя, который полтора года не могъ смотрѣть безъ омерзенія на судью за то, что послѣдній, имѣя у себя тузъ самъ-четвертъ козырей и прекрасную масть, не пошелъ къ нему въ вистъ на бостонъ и заставилъ поставить большой ремизъ на пульку; потомъ этотъ засѣдатель примирился съ своимъ врагомъ, хотя неизвѣстно по какой причинѣ, и пилъ вмѣстѣ магарычъ у купца Солодова, снявшаго выгодный подрядъ въ казну, благодаря услужливости агента. Видимъ протоколиста дворянской опеки, дающаго большой обѣдъ для городскихъ властей по случаю выгодной покупки имѣнія у сиротъ, видимъ почтмейстера, пользующагося журналами прежде подписчиковъ и тѣмъ нѣсколько напоминающаго почтмейстера Гоголя, видимъ судью, который каждый день приносилъ домой женѣ либо бѣленькую, либо красненькую, и къ которому о Святой и Рождествѣ со всего уѣзда и несли, и везли, кто муки, кто крупы, кто живности, изъ городскихъ же жителей — кто чаю, кто сахару. Встрѣчаемъ

чиновника-ростовщика, дававшаго купцамъ деньги за огромные проценты, встрѣчаемъ предсѣдателя палаты, преслѣдующаго секретаря за взятки и принимающаго съ задняго крыльца просителей, и многое тому подобное.

Печальное явленіе въ 20-хъ годахъ, какъ показываетъ журналистика, составляло полнѣйшее равнодушіе значительной доли мужскаго общества къ серьезному чтенію, что не могло не отражаться вреднымъ образомъ на литературѣ. Въ замѣчательномъ письмѣ одного пріятеля къ одному журналисту * относительно этого мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее. Прежде всего онъ говоритъ, что журналистъ не долженъ расчитывать на большой кругъ читателей. Для доказательства онъ обозрѣваетъ читателей, начиная съ знатнаго, богатаго барина. Управитель послѣдняго, — говоритъ онъ, — которому всегда поручено читать газеты, объявивъ обо всѣхъ важныхъ новостяхъ, имъ прочтенныхъ, ни слова не промолвитъ о новомъ журналѣ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что его баринъ всегда пропускалъ мимо ушей такія новости и даже часто сердился за сообщеніе ихъ. „Юный, полуученый сынокъ его, продолжаетъ онъ, не разсмотрѣлъ такого объявленія, потому что глаза его разбѣжались по извѣстіямъ о первомъ собраніи, маскарадѣ и проч... Нечего говорить о старомъ зажиточномъ экономѣ, который не держитъ ничего бумажнаго у себя въ кабинетѣ, кромѣ ассигнацій, ему ли дѣло до журналовъ?—Лихой наѣздникъ, скотолюбивый bon vivant, схватилъ было такое объявленіе, да какъ увидѣлъ, что ты ни объ коняхъ, ни о чемъ конскомъ толковать не намѣренъ, тотчасъ завернулъ въ него лѣкарство для своего ненагляднаго друга, для гнѣдаго Геркулеса, который вмѣстѣ съ прочими богами и богинями Олимпа красуется въ его конюшнѣ. Устарѣвшій повѣса, который когда-то учился, да и теперь еще съ базара свѣтскаго забѣгаетъ на базаръ литературный, взглянулъ и на твое объявленіе, но какъ дочитался до какой-то теоріи и практики,

* „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 1, стр. 76 и слѣд.

то въ одинъ мигъ закурилъ имъ трубку, обвиняя тебя въ излишнемъ педантизмѣ". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Другъ мой, если трудно бороться съ невѣжествомъ, то еще труднѣе съ равнодушіемъ. Первое похоже на новый кремень: бей, стучи въ него огнивомъ — и посыплются искры. Второе — обгорѣлый камень, который не боится ни огня, ни воды, ни вѣтра. Невѣжеству страшны побои разума; въ немъ еще можно пробудить голосъ собственнаго сознанія. Равнодушіе съ притупленными чувствами все переноситъ; не слышитъ оно грома истины; въ немъ выгорѣла совѣсть—и оно стало нечувствительно и къ другимъ, и къ самому себѣ. Съ какой стороны ни взойди, оно отовсюду неприступно, какъ ежъ колючій свернулось въ клубокъ и дразнитъ тебя острыми иглами".

Все сказанное въ названномъ письмѣ было основано на фактахъ. Дѣйствительно, не мало было лицъ въ указанное время, которыя читали только по середамъ и субботамъ и скорѣе узнавали о привозѣ голштинскихъ устрицъ и лимбургскаго сыра, нежели о появленіи новой басни Крылова или баллады Жуковскаго. Большая часть провинціаловъ названнаго времени наслаждалась только чтеніемъ Брюсова календаря и письмовника Курганова и вела разговоръ

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ.

На равнодушіе значительной части современнаго общества къ серьезному чтенію указывалъ, между прочимъ, и Булгаринъ. По его словамъ, можно было бы составить обширный каталогъ сочиненій истинно *европейскаго* достоинства, которыя вовсе не обращали на себя вниманія публики; еще обширнѣйшій каталогъ составился бы изъ сочиненій *азіатскаго* достоинства, т. е. различныхъ сказокъ и романовъ, которыя съ жадностію читались публикою. Изъ словъ Булгарина оказывается, что мало было читателей для такихъ произведеній, какъ описаніе путешествій Сарычева, Головнина, Крузенштерна, Муравьева и др., что историческія

сочиненія Шлецера, Миллера, записки Миниха, кн. Шаховскаго были встрѣчены публикою съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Изъ двухъ изданій исторіи Карамзина до 24-го года было продано только 5,000 экземпляровъ, сочиненія Батюшкова до этого времени не были распроданы даже первымъ изданіемъ. Сочиненія Жуковскаго можно было встрѣтить въ любой книжной лавкѣ въ большемъ количествѣ экземпляровъ.

По справкамъ, наведеннымъ Булгаринымъ у книгопродавцевъ, оказалось, что число покупаемыхъ книгъ, историческихъ и политическихъ, относилось къ числу покупаемыхъ романовъ и романтическихъ произведеній разнаго рода, какъ 1 къ 2 *. Подтвержденіе всему сказанному мы находимъ въ спискахъ подписчиковъ, прилагавшихся къ нѣкоторымъ журналамъ, напр. къ «Невскому Зрителю». Оказывается, что въ Кіевѣ на этотъ журналъ было въ 21 году три подписчика, въ томъ числѣ духовная академія, въ Псковѣ два, въ Калугѣ одинъ (купецъ), въ Орлѣ одинъ (тоже купецъ), въ Твери одинъ (тоже купецъ), въ Бобруйскѣ одинъ (тоже купецъ), въ Минскѣ одинъ (губернское правленіе), въ Костромѣ одинъ, въ Новой Ладогѣ одинъ (мѣщанинъ), въ Архангельскѣ два (казенная палата и портовая таможня), въ Кронштадтѣ одинъ (благородный клубъ), и т. д. въ этомъ родѣ.

При такомъ равнодушіи публики къ серьезному чтенію, немыслимо было успѣшное развитіе литературы, успѣшное проведеніе въ общество серьезныхъ, капитальныхъ сочиненій. Поэтому такія сочиненія, какъ „Мысли о торговлѣ, сношеніяхъ и политикѣ древнихъ народовъ„ Герена, „Теорія драматическаго искусства Шлегеля, эстетика Аста, грамматика Добровскаго и многія другія подобныя, долгое время лежали въ рукописномъ переводѣ, по сообщенію Погодина въ одномъ мѣстѣ его журнала. Робертсоны, Гиббоны, Миллеры, Герены, Эйхгорны, Жебелени, по его словамъ въ другомъ

* Литературные листки 1823 г., № 1, стр. 10 и 11.

мѣстѣ, были извѣстны у насъ только по именамъ. Мѣшало переводу и изданію капитальныхъ и большихъ сочиненій и недостаточность средствъ преданныхъ литературѣ и наукѣ людей. Въ виду этого Погодинъ позволилъ себѣ на страницахъ своего журнала высказать такого рода желаніе: «Что если бы составилось на Руси общество съ цѣлію издавать и переводить важнѣйшія книги съ языковъ европейскихъ по всѣмъ языкамъ! Неужели изъ 500,000 нашихъ дворянъ, купцевъ и проч. не найдется 100 человѣкъ, которые рѣшились бы жертвовать ежегодно въ такое общество по 100 р. Я увѣренъ, что въ пять лѣтъ можно бы было значительно пополнить недостатокъ» *.

Не обнаруживая любви къ серьезному чтенію, къ наукѣ, къ знакомству съ ея главнѣйшими представителями на Западѣ, многіе въ русскомъ обществѣ 20-хъ годовъ обнаруживали любовь къ другимъ плодамъ западной жизни, которые вкусить было гораздо легче. Эта сторона усвоенія касалась всего того, что было связано съ вопросомъ объ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Здѣсь иностранное было дорогимъ и почетнымъ гостемъ. Мы не будемъ распространяться относительно этого пристрастія. Укажемъ только на два характеристическіе случая, съ которыми насъ знакомитъ журналъ Погодина. Въ 1828 году москвичи заплатили тысячи рублей одному иностранному «бѣгуну» за доставленное имъ зрѣлище, между тѣмъ какъ русскіе готовы были взять за то же самое по полтинѣ серебромъ. Одинъ изъ такихъ скороходовъ при этомъ хотѣлъ просить генералъ-губернатора слѣдующимъ письмомъ: «Сіятельнѣйшій князь! Увидавъ, что московская публика любитъ смотрѣть на бѣганье и платитъ дорогія деньги какому-то иноземцу, который въ 37 минутъ перебѣгаетъ девять съ половиною верстъ, между тѣмъ какъ это отнюдь не диво, я прошу ваше сіятельство о позволеніи помѣряться мнѣ моими русскими ногами съ симъ заморскимъ скороходомъ. Мнѣ хочется показать,

* „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., ч. 2, стр. 212.

что такихъ бѣгуновъ у насъ и не перечтешь, но мы считаемъ за грѣхъ брать съ православныхъ деньги за такія легкія забавы. Если я не сдержу своего обѣщанія, то подвергаю себя любому наказанію». * Точно также могла бы жаловаться русская мѣщанка Ильинская, которая 19-го августа 1828 г. поднялась въ Москвѣ на воздушномъ шарѣ и встрѣтила холодное равнодушіе со стороны публики, между тѣмъ какъ обстоятельства дѣла требовали самаго горячаго одобренія. Наша героиня, какъ сообщаетъ журнальная замѣтка, поднялась на шарѣ, наполненномъ не газомъ, а простымъ дымомъ отъ ржаной соломы, поднялась болѣе, чѣмъ на 300 саженъ и съ высоты привѣтствовала зрителей ракетами. Она собрала всего 200 руб., такъ что ей не достало денегъ на покрытіе издержекъ.

Пристрастіе къ иностранному обнаруживалось весьма часто и въ системѣ воспитанія дѣтей въ названное время. На эту слабость современнаго общества, указанную Крыловымъ, указывали и журналы. Такія указанія мы, между прочимъ, встрѣчаемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ и «Литературныхъ Листкахъ». Въ первомъ изъ нихъ, въ статьѣ «Нравы», выведенъ на сцену одинъ состоятельный помѣщикъ, который ищетъ учителя для своего маленькаго сына. Учитель долженъ быть непремѣнно французъ, и притомъ трехтысячный, потому что дешевые или пьяницы, или воры. Онъ ни слова не долженъ знать по русски, потому что съ такимъ учителемъ легче выучиться говорить по французски. Въ этой мысли помѣщика укрѣпляетъ его пріятель, у котораго и мамки и дядьки были французы. Напрасно другой, болѣе благоразумный, знакомый помѣщика доказывалъ ему, что сперва нужно обратить вниманіе на русскій языкъ. Отвѣтъ былъ одинъ: «по русски мальчикъ выучится и безъ учителя". Въ «Литературныхъ Листкахъ» указывалось на подобное же явленіе. Тамъ выведенъ пятнадцатилѣтній сынъ помѣщика Ванюша, танцующій какъ Дюпоръ и прекрасно гово-

* „Московскій Вѣстникъ" 1828 г., ч. 10, стр. 420.

рящій по французски. По внушенію родителя, онъ *хочетъ* любить свое отечество, но *не умѣетъ*, потому что *не знаетъ* его *. И такихъ обличеній пристрастья къ иностранному въ воспитаніи мы встрѣчаемъ очень много въ журналахъ 20-хъ годовъ. Не малый недостатокъ въ современномъ воспитаніи составляли также изнѣженность, замѣчавшаяся во многихъ дѣтяхъ богатыхъ семействъ, и развитіе инстинктовъ совершенно не дѣтскаго возраста. Не особенно рѣдкимъ явленіемъ было и грубое обращеніе съ крѣпостной прислугой, въ чемъ часто были виноваты сами родители. Какъ на подтвержденіе этого, укажемъ на слѣдующую сценку, взятую изъ названной выше статьи «Нравы».

„Маменька, маменька! Ѳедька прибилъ меня, прикажите его высѣчь", закричалъ плачущимъ голосомъ вбѣжавшій Ваничка. Передъ нимъ старая мамка на уздечкѣ скакала впередъ, а дядька въ почтительномъ отдаленіи остановился у дверей спальни".

„Кто тебя милаго друга обидѣлъ? спросила встревоженная маменька"

„Ѳедька, маменька; мы съ нимъ играли въ солдаты, а онъ и прибилъ меня. Еще теперь болитъ".

„Позовите Ѳедьку. А ты что, старый, не смотрѣлъ?..."

„Ѳедька вошелъ. „Какъ ты смѣешь бить барина?"

„Иванъ Кузьмичъ были солдаты, а я былъ генералъ. Они не такъ сдѣлали фрунтъ, да сами и приказали бить себя; я ихъ ударилъ, а они и заплакали".

„Выпороть его, чтобъ впередъ не дрался. Поди, играй, Ваничка; да не ушибись, другъ мой".

„По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь! пошолъ! закричалъ Ваничка и плетью погналъ старую маму *. Не правда ли, какъ эта сцена напоминаетъ Простакову, Митрофанушку и Еремѣевну „Недоросля".

---

* „Литературные листки" 23 г., стр. 46.
* „Московскій Вѣстникъ" 1827 г., ч. 5, стр. 217.

Такова была умственная, нравственная и отчасти эстетическая жизнь весьма значительной доли общества 20-хъ годовъ, по романамъ, повѣстямъ, комедіямъ и нравоописательнымъ очеркамъ журналовъ этого времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Характеръ литературныхъ произведеній различныхъ журнальныхъ отдѣловъ.

Въ журналахъ 20-хъ годовъ мы видимъ тѣ же самые отдѣлы, какіе существуютъ и въ современныхъ; но нельзя не замѣтить огромной разницы между статьями тѣхъ и другихъ отдѣловъ. Мы начнемъ характеристику съ статей научнаго содержанія. Первымъ нашимъ вопросомъ будетъ вопросъ объ ихъ близости къ жизни, ихъ современности и практическомъ значеніи. Разсматривая съ этой стороны названныя статьи, невольно приходишь къ тому заключенію, что научный отдѣлъ журналистики былъ очень бѣденъ. Самыя близкія къ жизни статьи приходились на долю статистики, политической экономіи и этнографіи. Но такихъ статей встрѣчалось, сравнительно говоря, очень мало. Въ нѣкоторыхъ журналахъ онѣ какъ будто вовсе игнорировались, чтобы предоставить мѣсто статьямъ историческаго и литературнаго содержанія. Особенно много статей по статистикѣ мы находимъ въ „Сѣверномъ Архивѣ" Булгарина. Другаго рода вопросъ, какова была эта статистика. Въ „Сѣверномъ Архивѣ" по статистикѣ мы встрѣчамъ, между прочимъ, слѣдующія статьи: Краткое извѣстіе о камчатскомъ земледѣліи, Географическое и статистическое описаніе Аландскихъ острововъ, Обозрѣніе иностранныхъ колоній въ Новороссійскомъ краѣ, Севастопольскій портъ и городъ Севастополь, Таганрогскій портъ, Топографическое описаніе Тульской губерніи, Статистическія извѣстія о губерніяхъ Могилевской, Яро-

славской и Тамбовской, Описаніе якутовъ, Взглядъ на Подольскую губернію, Описаніе Сарепты, Взглядъ на кавказскую линію, Кронштадтскій портъ, Статистическое обозрѣніе уральскихъ казаковъ, О владычествѣ англичанъ въ великихъ Индіяхъ, Описаніе колоній южной Россіи, и многія другія. Содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ статей представляетъ извѣстную долю интереса, и потому мы остановимся на нихъ. Въ статьѣ о Камчаткѣ затрогивается вопросъ о земледѣліи въ этой мѣстности, причемъ доказывается, что оно совершенно невозможно въ ней. Авторъ приводитъ рядъ фактовъ, которые показываютъ, что, не смотря на всѣ усилія земледѣльцевъ, земледѣліе въ Камчаткѣ никогда не могло достигнуть успѣшныхъ результатовъ. Только въ управленіе маіора Бема, участвовавшаго въ путешествіи Кука, земледѣліе было доведено въ ней до удовлетворительнаго состоянія. Послѣ него оно совершенно упало, и не могло не упасть. Причину невозможности существованія земледѣлія въ Камчаткѣ авторъ видитъ въ „необыкновенной возвышенности земли надъ поверхностію моря", отчего бываетъ такъ холодно, что вода въ небольшихъ сосудахъ замерзаетъ въ ночное время даже среди лѣта. Годныхъ для землепашества земель, по словамъ автора, въ Камчаткѣ почти нѣтъ вовсе. Къ этому нужно прибавить ранніе морозы, которые не даютъ созрѣть хлѣбу и убиваютъ его очень рано. Въ заключеніе авторъ совѣтуетъ будущимъ начальникамъ края, оставивъ земледѣліе только для своей забавы, обратить свое попеченіе на другія, болѣе полезныя отрасли «домоводства».

Въ статьѣ о таганрогскомъ портѣ трактуется о его важности для заграничной торговли, причемъ указываются причины его процвѣтанія. Въ числѣ ихъ авторъ указываетъ 1) на удобство доставленія русскихъ товаровъ въ Таганрогъ водянымъ и сухимъ путемъ, лѣтомъ и зимою, 2) на обширныя и воздѣланныя полосы плодородной земли вблизи Таганрога, дающія возможность доставлять въ него по дешевой цѣнѣ различные земледѣльческіе продукты (иностранцы

удивлялись ихъ обилію и дешевизнѣ), 3) на возможность болѣе удобнаго отправленія въ большомъ количествѣ товаровъ заграницу изъ Таганрога, нежели изъ другихъ южныхъ портовъ, 4) на важное значеніе Волги и Дона, по теченію которыхъ суда съ товарами въ большомъ количествѣ идутъ къ Таганрогу, доставляя произведенія Сибири, Астрахани, внутреннихъ губерній и Донской земли. Авторъ утверждаетъ, что процвѣтаніе порта увеличилось бы, еслибы привести въ исполненіе мысль Петра Великаго о соединеніи Дона съ Волгою. Оно открыло бы новые источники для торговли съ Сибирью и внутренними губерніями. Усилился бы лѣсной торгъ, который имѣлъ бы важное значеніе для Таганрога, въ которомъ цѣна сажени дровъ, изъ дубовыхъ сучьевъ, доходила до 50 руб. Описывая дорогу отъ Полтавы до Таганрога, авторъ пишетъ слѣдующее: „Проѣзжая степныя мѣста въ осеннее время отъ Полтавы чрезъ Новомосковскъ, Вахмутъ и Донскія земли до Таганрога, нельзя не удивляться многочисленнымъ стадамъ воловъ, быковъ, коровъ, овецъ и несчетному количеству скирдовъ сѣна. Въ мѣстахъ же, обращенныхъ въ хлѣбопахатныя поля, скирды съ хлѣбомъ разнаго рода въ селеніяхъ и полѣ представляютъ зрѣлище, которому трудно найти подобное въ другихъ странахъ Россіи. Правда, что тѣнь вѣтвистаго дерева не успокоитъ странника на пути его. Съ нѣкотораго времени правительство печется о разсаживаніи деревъ при большихъ дорогахъ. Но теперь въ сихъ необозримыхъ поляхъ ничто не привлекаетъ взоровъ путешественника; видны однѣ только насыпи, на мѣстахъ коихъ, по разсказамъ жителей, находились капища татаръ идолопоклонниковъ. Находимые тамъ истуканы разставляютъ по обѣимъ сторонамъ дороги для указанія пути во время метелей. Сіи идолы, изсѣченные изъ камня, весьма грубой работы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышаются могилы и прежнія укрѣпленія, но естественныхъ возвышеній и рощей вовсе не находится“ *.

* „Сѣверный Архивъ“ 1822 г., ч. 2, стр. 422.

„Лѣтомъ старые и малые, мужчины и женщины, съ утра до поздняго вечера копаютъ гряды въ огородахъ, подрѣзываютъ виноградныя лозы, работаютъ въ садахъ, на табачныхъ или горчичныхъ плантаціяхъ, на арбузныхъ бахчахъ, проводятъ изъ Сарпы ручейки для поливки, усыновляя Сарептской степи растенія Италіи и Сибири, Китая и Америки. Къ ночи, мужчины возвращаются съ возами плодовъ или овощей, а женщины и дѣвицы съ корзинами цвѣтовъ, зелени и винограда". Необходимую принадлежность женскаго костюма составляетъ чепецъ; чепецъ вдовъ съ бѣлыми лентами, замужнихъ женщинъ съ голубыми, дѣвицъ съ розовыми, дѣвочекъ съ пунцовыми. По увѣренію автора, на лицѣ нѣмки Сарептской колоніи всегда замѣтно желаніе угодить мужу, обласкать гостей и успокоить дѣтей. Столъ вездѣ сытный. Вкусный супъ, сочная говядина съ зеленью или салатомъ, картофель, иногда какое нибудь молочное блюдо или рыба, рюмка водки, стаканъ пива—составляютъ вседневный обѣдъ колонистовъ. Въ праздники прибавляются слоеные пироги съ вареньемъ. „Всѣ гернистеры завтракаютъ", замѣчаетъ авторъ, завтракъ ихъ состоитъ изъ жидкаго кофе съ густыми сливками, сливочнаго масла, домашняго сыра, колбасы и копченой рыбы. Каждый колонистъ интересуется политикой и знаетъ важнѣйшія политическія происшествія, новыя изобрѣтенія и открытія, причемъ разсуждаетъ объ нихъ обыкновенно за бутылкою пива. „Самые жаркіе политики собираются передъ гостинницею: спорятъ, соображаютъ, угадываютъ, рѣшаютъ участь государствъ, хвалятъ или осуждаютъ мѣры кабинетовъ, военныя дѣйствія генераловъ". „Чтеніе образцовыхъ книгъ изъ избранной библіотеки Общества и получаемыя изъ Германіи и Петербурга, концерты, серенады, прогулки, дружескія вечеринки, безъ танцевъ, безъ шумныхъ пѣсенъ, составляютъ ихъ отдыхъ и увеселенія. Въ Сарептѣ женихи выбираютъ невѣстъ по жребію, а не по страсти и свѣтскимъ приличіямъ". Молодые люди обоего пола обучаются закону Божію, нѣмецкому языку, чистописанію, ариѳметикѣ и „хлѣбнымъ искусствамъ и

ремесламъ". Желающіе обучаются русскому, латинскому и французскому языкамъ, математикѣ, исторіи и географіи. Многіе ѣздятъ для довершенія образованія въ Дерптъ и нѣмецкіе университеты. «Есть между сарептянами хорошіе математики, химики, глубокіе философы и знатоки въ древнихъ и восточныхъ языкахъ».

Нарисовавъ идиллическую картину жизни сарептскихъ жителей и упомянувъ, что въ этой „безмятежной пристани" долгое время жилъ Палласъ, что профессоръ московскаго университета Вигандъ „провелъ въ ней вечернюю зарю своей жизни и заснулъ сномъ вѣчности, что Буксгевденъ, сложивъ чины и знаки отличій, посвятилъ здѣсь Богу малый остатокъ добродѣтельныхъ дней своихъ", авторъ кончаетъ свою статистическую статью какою то мистическою моралью. «Евангелическіе братья, говоритъ онъ, ходятъ шагомъ ровнымъ и ступаютъ безопасно по гладкой дорогѣ: нѣтъ между ними ни Икаровъ, ни Вертеровъ, ни Зандовъ. Въ семъ обществѣ, забвенномъ отъ міра и забывшемъ міръ суетный (авторъ, какъ видно, забылъ и тони, и бахчи, и заводы, и политику, и пиво, и копченую рыбу, о которыхъ онъ говорилъ выше), счастіе не выставляетъ себя на позорищѣ толпѣ народной, добродѣтель не выказывается, никакой блескъ ее не окружаетъ; устремляя взоръ къ небу, она выше наградъ и похвалъ человѣческихъ; презирая славу, она скрывается въ тѣни и ищетъ только мира и истины» *.

Въ статьяхъ по политической экономіи, которыхъ въ журналахъ 20-хъ годовъ встрѣчается очень мало, попадаются иногда довольно вѣрныя мысли. Такими мыслями отличается, напр., статья «Невскаго Зрителя» подъ названіемъ «О вліяніи правительства на промышленность". Въ этой статьѣ приводится, между прочимъ, та мысль, что уваженіе есть первая потребность для купца и фабриканта. „Оно пріобрѣтается поведеніемъ, строгою честностію, поступками, основанными на доброй совѣсти." Но всего этого недостаточно: названныя лица

* „Сѣверный Архивъ" 1822 г., ч. 1, стр. 48—69.

желаютъ, чтобы ихъ занятіе было почитаемо. «Пустой предразсудокъ между дворянствомъ, говоритъ авторъ, которое почитаетъ торговлю низкимъ ремесломъ—вотъ причина, которая часто останавливаетъ успѣхи промышленности. Онъ господствуетъ и между самимъ купечествомъ: сынъ богатаго фабриканта или купца ненавидитъ состояніе своего отца; онъ дышетъ тѣмъ, чтобъ жить *благородно* и старается перейти въ состояніе дворянства. Такимъ образомъ исчезаютъ торговые дома, и кто знаетъ по опытамъ, сколько потребно времени, чтобъ какой либо купеческій домъ пріобрѣлъ довѣренность в кредитъ, необходимый для успѣховъ и торговли, тотъ не удивится, что народное богатство столь медленно пріумножается. Это заблужденіе какъ бы отчуждаетъ купцовъ и фабрикантовъ отъ своего государства; они чувствуютъ всю пользу, которую приносятъ обществу, но съ тѣмъ вмѣстѣ видятъ, что ихъ не примѣчаютъ, почему и не думаютъ о пользѣ общей, а занимаются только собственными выгодами.“ „Чтобы увѣриться, какое благодѣтельное имѣетъ вліяніе уваженіе къ торговлѣ, довольно только бросить взглядъ на Англію. Тамъ сынъ лорда не краснѣетъ сидѣть въ конторѣ своихъ предковъ, и когда призываютъ его принять мѣсто въ парламентѣ, то онъ оставляетъ дѣтямъ благородное стяжаніе своихъ оборотовъ“ *.

Мало встрѣчаемъ мы статей и по этнографіи. Зато много статей встрѣчается по исторіи и исторіи литературы. Таковы, напримѣръ, статьи «Московскаго Вѣстника»: „Иліада и Одиссея“, „О романѣ“, „Объ исторіи“, О Рамайянѣ, „О достоинствѣ поэта, „Мысли о краснорѣчіи“, „Греки и римляне“, „Объ Энеидѣ“, „Сравненіе романовъ китайскихъ съ европейскими“, „О Магабаратѣ“ и т. д. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что въ названное время западная литература была богата писателями по названнымъ отдѣламъ. И лучшія статьи приходились также на долю исторіи и исторіи литературы, и частію естественныхъ наукъ. Иногда въ ученыя статьи пре-

* „Невскій Зритель“ 1820 г., ч. 1, стр. 11—13.

входили посторонніе элементы, какъ это мы видѣли на одной статьѣ по статистикѣ, принадлежащей „Сѣверному Архиву.“ Къ этимъ постороннимъ элементамъ относятся фантазированіе, романтическая чувствительность, торжественный, возвышенный тонъ и морализированіе. Образчикъ перваго мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ статьѣ Максимовича „О превращеніяхъ насѣкомыхъ.“ Такъ, онъ говоритъ, что жизнь насѣкомыхъ заключается въ *будущемъ*, которое въ третьемъ періодѣ ихъ превращенія дѣлается *настоящимъ* не надолго, и то не для нихъ собственно, а для ихъ потомства. На этой *будущности* основывается способность насѣкомыхъ предчувствовать перемѣну погоды, ихъ заботливость о своемъ потомствѣ, искусство, съ которымъ они строютъ свои жилища, хитрость, съ какою оберегаютъ ихъ и съ какою ловятъ свою добычу. „Главное чувство ихъ, замѣчаетъ авторъ, есть воздушное, электрическое—обоняніе, понимающее природу въ будущемъ времени. Главный характеръ ихъ воздушной души есть хитрость и отважность, а мужскаго пола и вѣтренность. Совершенное насѣкомое имѣетъ сходство съ цвѣткомъ, личинка соотвѣтствуетъ корню, куколка составляетъ почку, изъ которой развиваются стебель, листъ и современемъ цвѣтъ“. Примѣръ другихъ, указанныхъ нами свойствъ, представляетъ статья Титова „О достоинствѣ поэта“. Статья кончается такими словами: „Смертный! ты, который борешься съ судьбою и препятствіями въ сей долинѣ изгнанія, взойди на священный холмъ поэзіи, возложи на алтарь ея горести сердечныя, какъ чистую жертву: она укажетъ тебѣ солнце тишины, сіяющее изъ твоей небесной отчизны — и ты сойдешь къ жизненнымъ подвигамъ съ силой обновленною“. Оригинальный примѣръ лингвистическаго фантазированія представляетъ статья Облеухова о гіероглифическомъ языкѣ. Авторъ старается доказать въ своей статьѣ, что въ основаніи всѣхъ алфавитовъ, всѣхъ азбукъ лежатъ формы пяти органовъ человѣческаго тѣла: глаза, уха, рта, носа и руки. Доказывая свою мысль, онъ говоритъ, что латинское L весьма сходно съ изображеніемъ *носа*, M съ изо-

браженіемъ *рта*, ב еврейское похоже на *ухо*. Останавливаясь на еврейской азбукѣ, авторъ видитъ въ ея буквахъ слѣдующія подобія: подобіе *брови* съ *носомъ*, подобіе *бороды*, подобіе *подбородка* съ *горломъ* и частію *груди*, подобіе *пальца*, подобіе *кулака*, подобіе *черепа*, и т. д. Соотвѣтствіе онъ находитъ также между органами тѣла и звуками человѣческой рѣчи. Звуки *і* и *а*, говоритъ онъ, соотвѣтствуютъ двумъ главнымъ органамъ, глазу и носу. Соединяясь, эти звуки даютъ *я*. Звукъ *б* соотвѣтствуетъ *рту*, звукъ *д—руки*, *л—глазу*, *м уху*. Для доказательства авторъ приводитъ различныя слова изъ различныхъ языковъ, такъ напримѣръ: *б*аю (говорю), *bibo* (пью), *babazo* (говорю) и т. д. *). Вся статья написана въ этомъ родѣ.

Въ числѣ научныхъ статей въ журналахъ двадцатыхъ годовъ встрѣчается много статей переводныхъ. Богатый матеріалъ для заимствованія представляли сочиненія Шлегеля, Рихтера, Аста, Сисмонди, Шатонёва, Б. Констана, Кине, Дюпеня, Абель-Ремюза и т. д. Видно, собственныя научныя силы были не особенно богаты или не стремились найти поприще для своей дѣятельности на страницахъ журналовъ. Многіе изъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ довольствовались только небольшими замѣчаніями по поводу тѣхъ или другихъ спорныхъ вопросовъ, относившихся преимущественно къ области исторіи и археологіи. Статей, касавшихся современныхъ общественныхъ вопросовъ, почти совсѣмъ не встрѣчалось или онѣ касались предмета въ такой формѣ, что мало могли принести пользы современному обществу.

Ближе къ жизни держался отдѣлъ изящной словесности, повѣстей, романовъ, комедій и нравоописательныхъ очерковъ. Сдѣланный нами выше очеркъ явленій обыденной общественной жизни 20-хъ годовъ отчасти указываетъ на темы, которыхъ касались названныя произведенія. Тѣ изъ нихъ, которыя стремились къ обличенію, выводили на сцену различные недостатки современнаго общества, раз-

*) „Московскій Вѣстникъ“ 1829 г., ч. 4, стр. 105—134.

личныя смѣшныя и уродливыя явленія современной жизни. Въ числѣ этихъ недостатковъ мы встрѣчаемъ наклонность къ роскоши, мотовству, нарядамъ, сплетничеству, лихоимству, кутежу, увлеченіе иностраннымъ, отсутствіе прочныхъ нравственныхъ основъ въ семейной жизни, совершенное незнакомство съ требованіями раціональнаго воспитанія, грубое обращеніе съ подчиненными, особенно же съ крѣпостными людьми. Мы указываемъ только на нѣкоторые недостатки, которые обличались современной журналистикой. Наряду съ этими обличительными произведеніями изящной литературы существовали произведенія, въ которыхъ изображались хорошія, привлекательныя стороны современной жизни. Но произведенія съ этимъ характеромъ, по нашему мнѣнію, были менѣе полезны для общества, въ которомъ не особенно рѣдко встрѣчались лица, послужившія оригиналами для великолѣпной портретной галлереи „Горе отъ ума", „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ". Указавши на темы изящнаго отдѣла журналистики 20-хъ годовъ, не будемъ распространяться о герояхъ и героиняхъ этого отдѣла, такъ какъ представленіе о нихъ можно имѣть изъ того, что сказано было выше въ главѣ о явленіяхъ общественной жизни. Отличительную черту нѣкоторыхъ романовъ и повѣстей составлялъ романтическій элементъ. Особенно сильно было замѣтно его присутствіе въ произведеніяхъ переводныхъ и подражательныхъ. Сюда, напримѣръ, относятся: „Піетро Апоне", волшебная повѣсть Тика, „Мечтанія на башнѣ, причащеніе и буря", Ж. П. Рихтера, „Превратность судьбы", итальянская повѣсть, „Картины Андрея дель-Сарто", Мильтица, „Осада города Обиньи", Кюхельбекера, „Рене", Шатобріана, „Обѣты друга", Ж. П. Рихтера, и т. д. Несчастная любовь, слезы, разлука, муки растерзаннаго сердца, самоубійство, монастырь, тюрьма, неожиданное избавленіе, клятвы въ вѣрности до гроба, преждевременная смерть любимаго существа, похищенія, бурныя страсти, мечтанія о похищенной смертью дорогомъ существѣ, забвеніе настоящаго для дорогаго прошлаго, вотъ элементы, которые обыкновенно встрѣч-

лись въ повѣстяхъ и романахъ романтическаго направленія. Чтобы нѣсколько ближе познакомиться съ послѣдними, мы позволяемъ себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ нихъ. Въ повѣсти Гофмана „Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ" мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такое мечтаніе одного изъ дѣйствующихъ лицъ объ умершихъ его друзьяхъ. „Вѣчный міръ усопшимъ! говоритъ онъ. Сегодня въ полночь умеръ другъ мой на рукахъ моихъ. Отчего я такъ утѣшенъ? Ахъ! я чувствую, что скоро съ нимъ увижусь. Останусь здѣсь въ замкѣ; буду бродить по комнатамъ, гдѣ они (дорогіе люди) жили и любили меня, часто будетъ мнѣ слышаться ихъ голосъ, прозвучитъ иногда ласковое слово милой Маріи, откровенная шутка незабвеннаго друга, и эти звуки, какъ призваніе ангеловъ, поддержатъ меня крѣпко на ногахъ моихъ, и я перенесу бремя жизни. Для меня нѣтъ уже настоящаго: только счастливые дни прошедшаго примыкаютъ для глазъ моихъ въ отдаленной странѣ новоселья, откуда въ чудесныхъ снахъ часто улыбаются мнѣ дорогіе друзья мои, одѣтые кроткимъ сіяніемъ. О! когда же водворюсь съ вами!" Объясненіе въ любви романтическихъ героевъ имѣло совершенно особенный характеръ. Такое объясненіе встрѣчаемъ мы, напримѣръ, въ повѣсти Мильтица „Картины Андрея дель-Сарто. „Лице красавицы, говорится въ ней, покрылось стыдливымъ румянцемъ; склонивъ голову на грудь отца, она съ милою застѣнчивостью подала руку своему любезному. „Минона! вскричалъ Людвигъ, осыпая ея руку пламенными поцѣлуями, кто можетъ не почувствовать всего блаженства, которое обѣщаетъ любовь твоя? Но я долженъ отъ него отказаться!" Удивленіе изобразилось на всѣхъ лицахъ. „Розенталь! дочь моя любитъ васъ!" сказалъ графъ въ сильномъ движеніи. „Знаю—и клянусь любить ее до послѣдней минуты жизни моей". „Можетъ быть, вы стыдитесь своего состоянія?" Нимало! отвѣчалъ Людвигъ, опершись отъ слабости на кресла". „Такъ что же? возразилъ графъ, вы сумасшедшій или преступникъ?" „Людвигъ! сказала Минона трогательнымъ голосомъ, подойдя къ нему съ робостію, и

ты увѣрялъ меня въ любви своей!" „Такъ, ангелъ непорочности, я люблю, обожаю тебя. Но, увы! прости меня, я женатъ, вотъ моя супруга!" Съ симъ словомъ онъ раздралъ свое платье, и на груди его блеснулъ черный крестъ нѣмецкаго ордена. Минона упала въ объятія матери. Весьма нерѣдкимъ явленіемъ въ романтическихъ произведеніяхъ было добровольное заключеніе героини въ монастырь, причемъ оставшійся за стѣнами послѣдняго герой долженъ былъ терзаться всѣми муками разбитаго сердца и существованія. Ему оставалось только скитаться въ виду мрачнаго зданія, заключившаго въ свои объятія любимое имъ существо. Такая картина рисуется, напримѣръ, въ повѣсти Шатобріана „Рене". „Бродя безпрестанно около монастыря, построеннаго близь моря, говоритъ въ ней злополучный герой, часто видалъ я въ небольшемъ рѣшетчатомъ окнѣ, обращенномъ на пустынный берегъ, молодую монахиню, сидѣвшую въ задумчивости. Она углублялась въ размышленія при видѣ корабля, подъ всѣми парусами плывшаго на край вселенныя. Много разъ также видалъ я ту же монахиню у той же рѣшетки при сіяніи мѣсяца; она разсматривала небо, озаренное ночнымъ свѣтиломъ, и прислушивалась, кажется, къ ропоту волнъ, кои плескались печально у дикихъ береговъ".

И теперь еще звенитъ въ ушахъ моихъ колоколъ, призывавшій монахинъ къ бдѣнію и молитвамъ. Въ то время, какъ онъ издавалъ протяжные звуки, и дѣвы въ молчаніи приближались къ алтарю Всемогущаго, спѣшилъ я къ монастырю, и тамъ, сидя одинъ при подошвѣ стѣнъ, слушалъ въ нѣкоторомъ священномъ ужасѣ послѣдніе звуки пѣснопѣній, мѣшавшіеся подъ сводами храма съ тихимъ говоромъ волнъ". Иногда въ повѣстяхъ рисовались неожиданное избавленіе отъ какого нибудь несчастья, ставшаго преградою для любовниковъ на пути ихъ къ счастію, и вслѣдствіе этого неожиданные восторги. Такимъ характеромъ отличались многія нѣмецкія повѣсти. Такова, напримѣръ, повѣсть „Рубиновое кольцо", помѣщенная въ одной изъ книжекъ

„Московскаго Вѣстника". Прекрасный юноша, томившійся по ложному подозрѣнію въ тюрьмѣ, наконецъ освобождается изъ заключенія и соединяется брачными узами съ своей возлюбленной: вотъ главное содержаніе повѣсти, оканчивающейся такою картиною: „Кукушка въ стѣнныхъ часахъ извѣстила о шестомъ часѣ прекраснѣйшаго лѣтняго дня, и пуншевая чаша, наполненная въ этотъ разъ свѣжими покупными лимонами, благоухала среди ароматическаго запаха миндальныхъ тортовъ и сахарныхъ пироговъ, и вмѣсто цвѣтовъ на пяльцахъ развѣшаны были повсюду вѣнки изъ розъ и лилій. Полъ усыпанъ былъ также цвѣтами, у дверей шумѣли листьями высокія масличныя деревья, и вмѣсто выхода толпы дѣвочекъ, вошла молодая, возвратившаяся отъ алтаря чета—цвѣтущая Флора и прекрасный юноша. За ними шли старики, и, обнявъ своихъ дѣтей, сказали въ сердечной радости: „Господь да благословитъ вхожденіе ваше и до сохранитъ васъ!"

Романы и повѣсти журналовъ 20-хъ годовъ были большею частію заимствованныя или переводныя. Народнаго элемента въ нихъ почти совсѣмъ не встрѣчалось. Къ счастливымъ исключеніямъ принадлежали нѣкоторыя повѣсти Погодина. Таковъ, напримѣръ, его разсказъ „Убійца". Герой его молодой деревенскій парень, убившій изъ ревности свою жену. Въ разсказѣ все дышетъ правдою. Языкъ его очень близокъ къ простонародному. Автору дѣлаетъ честь и слѣдующее его разсужденіе о крестьянахъ: „Усладительно бываетъ смотрѣть на сихъ грубыхъ повидимому людей, которые въ толстыхъ кафтанахъ и шерстяныхъ паневахъ такъ близко принимаютъ къ сердцу, такъ живо чувствуютъ все человѣческое. Человѣкъ высокъ при всемъ своемъ униженіи и въ святилищѣ души его никогда не погасаетъ искра его небеснаго происхожденія" *). Народный элементъ въ разсказахъ Погодина тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ самой журналистикѣ 20-хъ годовъ слышались иногда голоса противъ народнаго начала. Такъ, напримѣръ, въ „Нев-

*) Московскій Вѣстникъ" 1827 г., ч. 5, стр. 378.

скомъ Зрителѣ" было сдѣлано нападеніе на Киршу Данилова и его былины, въ статьѣ подъ названіемъ „Видѣніе на горѣ Парнасѣ". Описывая различныхъ лицъ видѣнія, авторъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Я увидѣлъ казака Киршу Данилова. Онъ безъ всякаго предисловія началъ разсказывать Аполлону про Соловья Будиміровича, про гостя Терентыща, про Буслаева, про Дурня-Бабина, про Садка, про князя Владиміра и богатырей. Сынъ Латоны долго слушалъ и наконецъ, чтобы отвязаться отъ разсказщика, прогналъ его — куда же? туда, гдѣ онъ сидитъ между Бюргеромъ и Шехеразадою, гдѣ Аріостъ и творецъ Одиссеи иногда вслушиваются въ его болтаніе; но я замѣтилъ, что нѣкоторые господа наши модные писатели пожимали плечами и говорили: „Аполлонъ состарился! у него вкусъ испортился!" *).

Отдѣлъ изящной словесности особенно богатъ былъ стихотвореніями. Говоря о послѣднихъ, мы коснемся ихъ темъ, проникающихъ ихъ мыслей и чувствъ, предметовъ ихъ воспѣванія, отношенія къ народному элементу и общественнымъ вопросамъ, степени ихъ поэтичности и, въ заключеніе скажемъ объ одномъ особенномъ ихъ видѣ, эпиграммѣ, занимавшей довольно видное мѣсто между стихотвореніями. Что касается темъ, то онѣ не были особенно разнообразны и вертѣлись большею частію около предметовъ любви, разочарованія въ жизни и опредѣленія сущности поэзіи и поэта. О женщинѣ и любви въ стихотвореніяхъ говорилось очень много. Мысли, относящіяся къ этому предмету, не представляютъ ничего особенно оригинальнаго или глубокаго. Онѣ большею частію касаются физическихъ и нравственныхъ совершенствъ обожаемаго предмета, тяжести разлуки съ нимъ, ревности и т. п. Въ нихъ часто содержаніемъ служатъ наслажденія любви. Часто въ стихотвореніяхъ названнаго характера встрѣчались мысли такого рода: законъ любви—могущественнѣйшій законъ любви въ мірѣ; она обладаетъ всѣмъ, она даетъ отраду и покой; улыбка милой—

*) „Невскій Зритель" 1220 г., ч. 1, стр. 54.

лучшая награда человѣка; счастливымъ можетъ назваться только тотъ, кого „любовь въ лѣта младыя пріяла въ неискупный плѣнъ", и т. д. Не менѣе, чѣмъ о любви, въ стихотвореніяхъ говорилось о поэзіи и поэтѣ. Мысли, относящіяся къ этому предмету, носятъ отпечатокъ своего времени. Въ 20-хъ годахъ поэты смотрѣли на поэзію, какъ на какое-то таинство, на себя, какъ на жрецовъ. Все это мы видимъ и въ журнальныхъ стихотвореніяхъ 20-хъ годовъ. Вотъ экстрактъ мыслей, взятыхъ изъ многихъ десятковъ произведеній этого рода: поэзія — свята; она — любовь, надежды, вдохновенье; покой, безмолвіе, безпечность, тишина рождаютъ вдохновенье; поэту свойственны высокія думы, утѣхи толпы чужды ему; поэтъ, чудное явленье — въ немъ Творецъ положилъ вѣнецъ на все свое творенье; поэтъ — сынъ боговъ; природу можетъ понять только тотъ, кто съ юношескихъ лѣтъ былъ пламеннымъ жрецомъ искусства, вознесшись духомъ надъ суетой свѣта т. е. поэтъ; печать души, жаръ красоты, согласіе ума и сердца, знаніе жизни— вотъ что даетъ большія достоинства поэту; когда поэтъ преданъ думѣ, онъ погруженъ въ волшебный сонъ, въ немъ зрѣетъ мысль, и, не должно прерывать его думы, но толпа часто не понимаетъ этого; поэты—любимцы Феба, принявшіе отъ неба даръ возвышенныхъ думъ и сладкихъ пѣсенъ; священныя минуты вдохновенья для поэта выше всякаго земнаго счастія; поэтъ даетъ мертвому творенью языкъ; отдавшійся поэзіи оставляетъ землю и пребываетъ въ покоѣ наслажденья; святая гармонія поэзіи сложена изъ дивныхъ звуковъ; въ нихъ блещетъ вѣчная весна, благоухаетъ воздухъ рая; міръ ея не знаетъ; истинный поэтъ не умираетъ; онъ живетъ широкою жизнью; мудрость расширяетъ взглядъ поэта; кто не плакалъ, тотъ не долженъ неосвященной рукой касаться вдохновенныхъ струнъ поэтической лиры; одинъ изъ признаковъ поэзіи—возвышенныя думы и сердце, въ которомъ стрѣлы рока прорыли тяжкіе слѣды, и т. д. Для характеристики взглядовъ на поэзію, проникающихъ журнальныя стихотворенія 20-хъ годовъ, приведемъ изъ нихъ

нѣсколько, наиболѣе типическихъ по своимъ мыслямъ. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе Туманскаго „Поэзіи“:

Ея гармонія святая
Изъ дивныхъ звуковъ сложена;
Въ нихъ блещетъ вѣчная весна,
Благоухаетъ воздухъ рая.
Ликуетъ сердце, ей внимая,
Все внемлетъ: долъ и вышина;
Но міръ не знаетъ, кто она,
Сія пѣвица не земная!

Перунамъ Зевсовымъ равны
Съ душевной, пламенной струны
Поэтовъ сорванные звуки!

Имъ все отверсто: рай и адъ,
Душа—сосудъ живыхъ отрадъ
И сердце—кладезь хладной муки.

Въ другомъ стихотвореніи Туманскаго „Въ память Веневитинова“ выражается мысль, что мѣсто умершаго поэта среди ангеловъ. Поэтъ говоритъ:

Благословимъ безъ малодушныхъ слезъ
Его полетъ въ страны эфира,
Гдѣ вѣчна мысль, гдѣ воздухъ слитъ изъ розъ,
И вѣчной жизнью дышетъ лира!
Друзья! онъ тамъ какъ-бы въ семьѣ родной.
Тамъ ангелы его цѣлуютъ,
Его поятъ небесною струей
И милымъ братомъ именуютъ.

Мысль, что поэтъ живетъ широкою [illegible] свойственны всеобъемлющіе порывы, выр[illegible] [illegible]-свореніи Хомякова „Желаніе“. Вотъ это [illegible]-твореніе:

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ [illegible]
Звѣздою въ сумрачномъ эѳирѣ
Ночной свѣтильникъ свой [illegible]
Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубин[illegible]
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей [illegible]

щихъ исторію французскаго народа, Сея и Сисмонди, сообщающихъ научное значеніе политической экономіи. Въ это время дѣйствуетъ Шамполліонъ, англійскіе ученые трудятся надъ разработкой исторіи Индіи, собирая и разъясняя ея памятники. Даже поэзія принимаетъ въ это время въ Англіи историческое направленіе въ произведеніяхъ Вальтеръ-Скотта. Вотъ почему и наша критика 20-хъ годовъ, служившая въ нѣкоторыхъ случаяхъ отголоскомъ западно-европейской критики, разбирая произведенія иностранной литературы, касалась преимущественно трудовъ, относящихся къ названнымъ отдѣламъ знанія. Разборы эти были въ меньшинствѣ случаевъ оригинальнаго, въ большинствѣ заимствованнаго характера.

Нѣкоторые критики 20-хъ годовъ съ большой любовью и усердіемъ занимались разборами замѣчательныхъ научныхъ трудовъ западно-европейскихъ ученыхъ. При этомъ они часто бросали взглядъ на состояніе науки въ ихъ отечествѣ и приходили къ печальнымъ заключеніямъ. „Мы въ немощномъ бездѣйствіи смотримъ на Европу, говорилъ одинъ критикъ, но еще не прошли необходимыхъ эпохъ постепеннаго совершенствованія, не созрѣли еще для того, чтобы принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ европейскаго просвѣщенія. Наша младенческая многосторонность не позволяетъ намъ еще предаться какому нибудь одному извѣстному стремленію. Мы еще ученики, и потому нашъ ученый характеръ не могъ образоваться. Живой примѣръ самой Россіи суть ея школы, въ которыхъ всякій ученикъ учится *всему* и, получая обо *всемъ* поверхностное понятіе, не знаетъ ничего основательно» *). Въ этомъ взглядѣ много справедливаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на перечень книгъ научнаго содержанія, разбиравшихся въ журналахъ 20-хъ годовъ: насъ поразитъ масса капитальныхъ произведеній иностранной литературы и незначительное количество продуктовъ отечественной науки. Но, какъ бы то ни было, они

*) „М. Вѣстникъ“ 1828 г., ч. 7, стр. 64.

существовали, и мы теперь посмотримъ, какіе взгляды и требованія высказывала по отношенію къ нимъ критика.

Живое вниманіе критики обращали на себя въ 20-хъ годахъ сочиненія политико-экономическаго содержанія, хотя ихъ было очень немного. Эти сочиненія затрогиваютъ вопросы, болѣе или менѣе соприкасавшіеся съ жизнью, съ нуждами общества, и потому было естественно критикѣ интересоваться ими. При разборѣ книгъ этого рода критика высказывала иногда очень вѣрные взгляды. Такой взглядъ, напримѣръ, высказанъ въ разборѣ статьи Пельчинскаго „О дѣйствіи причинъ, имѣвшихъ неблагопріятствующее вліяніе на общественныя выгоды въ Россіи". Авторъ начинаетъ свой разборъ выраженіемъ удовольствія по поводу «возрастающаго стремленія воспитанныхъ умовъ размышлять о пользахъ общественныхъ». „Сей опытъ, говоритъ далѣе критикъ, обратить умы благонамѣренные на обстоятельства, связанныя столь тѣсно съ благосостояніемъ каждаго гражданина, подаетъ надежду, что публика пріохотится къ такимъ изысканіямъ. Противоположность въ мысляхъ и полемика послужатъ къ основанію, еще не существующаго у насъ общаго мнѣнія о многихъ практическихъ правилахъ политической экономіи. Кромѣ свѣдѣній объ отечествѣ, мыслящій классъ пріобрѣтетъ чрезъ сіе навыкъ соображать теоретическія истины съ событіями: безъ сего навыка, первыя всегда останутся въ ряду педантскихъ отвлеченностей, сколь бы ни были правильны. Какое пособіе для дѣятельнаго и просвѣщеннаго правительства, когда самые исполнители государственныхъ мѣръ умѣть будутъ распознавать общественную пользу, на которой онѣ основаны" *).

Наряду съ такими простыми и здравыми воззрѣніями и требованіями при разборѣ политико-экономическихъ и статистическихъ сочиненій, критика 20-хъ годовъ высказывала иногда и слишкомъ туманныя, и очень невѣрные взгляды. Таковъ, напримѣръ, разборъ „Хозяйственной статистики"

*) „М. Вѣстникъ", 1828 г., ч. 7, стр. 205.

Андросова *). Критика ставитъ автору въ вину то, что онъ не разсматривалъ государство, какъ члена семейства народовъ, по времени его существованія и мѣсту, имъ занимаемому, что въ его трудѣ нѣтъ мѣрила духовнаго дѣйствователя на вещественность, что въ немъ не указано, чѣмъ Россія можетъ быть, и т. д. Далѣе критикъ голословно упрекаетъ автора въ выписываніи изъ чужихъ трудовъ: о Сибири, говоритъ онъ, *вѣроятно*, выписано изъ какой нибудь книги; о равнинахъ, *вѣроятно*, тоже выписано. Онъ сожалѣетъ, что авторъ не вымѣрилъ Россіи вновь, такъ какъ по послѣднему исчисленію до выхода статистики прошло уже 24 года. Критикъ указываетъ ошибки, которыхъ въ разбираемомъ трудѣ нѣтъ. Такъ, онъ навязываетъ послѣднему мысль, что рыбная ловля потому важна для Россіи, что у русскихъ много постныхъ дней, что камчатскихъ бобровъ ловятъ въ Архангельской и Вятской губерніяхъ, что всѣхъ сельскихъ произведеній привозится на Коренную ярмарку на 30,000 рублей, а крестьянскихъ кушаковъ на 150,000 рублей.

Справедливыя мысли встрѣчаются въ разборѣ **) „Замѣчаній о Сибири" сенатора Корнилова. Разборъ этотъ замѣчателенъ по изложенію чрезвычайно интереснаго содержанія названной книги. Критикъ прежде всего выражаетъ ту мысль, что хорошо было бы собрать всѣ существующія статьи о Сибири, разобрать ихъ критически, повѣрить на мѣстѣ и наконецъ составить полное описаніе русской Америки. Далѣе онъ справедливо замѣчаетъ, что Сибирь представляетъ много великихъ явленій для минералога, ботаника, зоолога, геолога, политика и историка и что она достойна имѣть своего Гумбольдта. Передавая содержаніе книги, критикъ указываетъ на мѣры, предлагаемыя авторомъ для умноженія народонаселенія Сибири. Прежнія мѣры для этого, по мнѣнію послѣдняго, были недостаточны, „потому что отдаточ-

*) „Москов. Телегр." 1827 г., № 20, стр. 264 и слѣд.

**) „Московскій Вѣстникъ" 1828 г., ч. 9, стр. 408—409.

ные за рекрутовъ поселенцы приходили изъ отдаленныхъ мѣстъ, въ лѣтахъ, по большей части близкихъ къ старости, и притомъ одинокіе, со здоровіемъ и нравами испорченными, слѣдовательно совершенно неспособные къ образованію семействъ, къ продолженію потомства и умноженію народонаселенія". „Ссылаемые преступники, замѣчаетъ далѣе авторъ относительно народонаселенія Сибири, видятъ въ Сибири не страну исправленія, но, мѣсто заточенія своего, гражданскую казнь, и въ томленіи безнадежности проводятъ дни свои; ибо когда прибавить къ лѣтамъ дряхлости, испорченнымъ нравамъ, изнуренному распутною жизнію и самою пересылкою здоровью, къ холостому безженственному житію ихъ еще и то, что многіе изъ нихъ, будучи не изъ крестьянскаго состоянія, но изъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ или дворовыхъ господскихъ людей, къ водворенію на положеніи поселянина или крестьянина вовсе неспособны; то, сдѣлавъ строгій выборъ, увидимъ, что весьма мало выберется изъ нихъ полезныхъ или, по крайней мѣрѣ, полезныхъ поселянъ для отдаленнаго сего края. Между тѣмъ рекрутскіе наборы, отнимая лучшихъ работниковъ, истощаютъ народонаселеніе (съ 77 бывшихъ тамъ народовъ страна лишилась болѣе 37,000 человѣкъ)." Въ виду всего этого, авторъ считаетъ полезнымъ учредить по пограничной линіи, въ ширину верстъ на сорокъ, земское охранное войско, которое защищало бы ее отъ нападеній сосѣдственныхъ народовъ и освободило бы отъ рекрутскихъ наборовъ, доставивъ занятіе празднымъ людямъ, неспособнымъ къ земледѣльческой жизни. Для умноженія числа знающихъ и дѣльныхъ чиновниковъ, которые большею частію пріѣзжаютъ служить на время, авторъ считаетъ полезнымъ раздавать имъ пустопорожнія земли. Въ настоящее время много говорятъ объ Оби по поводу вопроса о путяхъ сообщенія съ Сибирью. Вотъ что писалъ о ней Корниловъ въ 20-хъ годахъ: „Я плавалъ по Средиземному морю и подходилъ къ высотамъ Сѣвернаго Океана; видѣлъ прелестныя страны Италіи и всего южнаго берега Европы; удивлялся унылымъ красотамъ

для составленія историческихъ повѣстей былъ таковъ: взять нѣсколько историческихъ лицъ, одѣть ихъ въ народные костюмы и завязать между ними какую нибудь интригу. Предметами для названныхъ повѣстей, говорилось въ журналѣ, брались паденія и разрушенія замковъ и городовъ; такъ, напримѣръ, Булгаринъ сокрушилъ Венденъ. При описаніи осады было всегда много боеваго стука и грома; вводились при этомъ два любовника, изъ которыхъ одно лицо принадлежало осаждаемымъ, другое осаждающимъ. Между историческими лицами помѣщалось лицо вымышленное, чудесное, колдунъ, цыганъ или жидъ. Эти жиды были въ большой модѣ и вели свой родъ отъ Шейлока Шекспира и Исаака Вальтеръ-Скотта. Жидъ былъ лицо вездѣсущее, являлся повсюду какъ Deus ex machina, связывалъ и развязывалъ всѣ узлы происшествія. Каждая глава начиналась описаніемъ утра или ночи, или бури. Въ описаніяхъ встрѣчались такія выраженія: „Полосатый коверъ зари разостлался по небосклону; звѣзды, лампады ночныя погасли, взлетѣло солнце и залило золотомъ землю"; или: „ночь навѣсилась надъ землею своими черными крылами, на которыхъ какъ блестки свѣтились звѣзды". Вслѣдъ за этимъ въ журналѣ былъ помѣщенъ взглядъ на комическихъ писателей и на произведенія Шаховскаго. Было замѣчено, хотя и ошибочно, что произведенія комическаго писателя не живутъ долго ни на сценѣ, ни въ памяти литературы. Комическій писатель, говорилось далѣе, какъ и журналистъ, живетъ не для вѣчности, а для мгновенія. О произведеніяхъ кн. Шаховскаго было замѣчено, при несомнѣнномъ ихъ достоинствѣ, стихи его часто бываютъ рястянуты, что необыкновенныя риѳмы у него скорѣе вытѣсняются изъ стиха, нежели свободно изъ него выливаются; при этомъ встрѣчается многословіе.

Критикой 20-хъ годовъ было отмѣчено стремленіе современныхъ прозаиковъ къ описыванію нравовъ. Описанія, по замѣчанію критики, дѣлались самымъ оригинальнымъ образомъ: переряжая французскаго Жуи въ русскаго, названные прозаики вовсе не кстати олицетворяли общество С.-Жер-

менскаго предмѣстья на Невскомъ проспектѣ или въ урочищахъ Москвы бѣлокаменной. Страсть къ описанію нравовъ была такъ сильна, что даже ученые журналы непремѣнно должны были обѣщать статьи о нравахъ, вслѣдствіе чего одинъ изъ ученыхъ журналовъ, въ составъ котораго входили только древности, географія и статистика, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно говорилъ въ объявленіяхъ объ Адиссоновомъ Зрителѣ и въ каждомъ нумерѣ помѣщалъ какую-нибудь статейку подъ рубрикою: Нравы.

Однимъ изъ критиковъ 20-хъ годовъ былъ высказанъ такой взглядъ на басню, игравшую значительную роль въ литературѣ названнаго времени. Басня, говорилъ критикъ, любопытное и неразгаданное явленіе въ исторіи русской словесности. Ея появленіе совпадаетъ съ началомъ русской поэзіи, и въ ней лучше всего выражается духъ народа. Въ ней одной выражается народная русская поэзія (относительно времени 20-хъ годовъ). Она слышна сердцу, близка чувству и пониманію. Честь баснописцамъ, которые первые подслушали любимыя слова народа и искусно подражали имъ въ текучихъ полныхъ памятныхъ стихахъ ихъ басенъ. По поводу басни историку русской словесности „предлежитъ нѣсколько вопросовъ“: перенесенъ ли къ намъ этотъ родъ поэзіи вмѣстѣ съ другими родами изъ Франціи, или онъ проистекаетъ изъ духа народа? Если онъ перенесенъ, то почему преимущественно предъ прочими укоренился у насъ, скорѣе достигъ совершенства и показалъ первый примѣръ національной поэзіи? Почему не комедіи, не поэмѣ, но именно баснѣ суждено было быть первымъ образцомъ поэзіи собственно русской? Не потому ли, сказано было далѣе, басня такъ согласна съ духомъ нашего народа, что она по силамъ нашему младенческому уму, при образованіи котораго сначала развивается простое понятіе или здравый смыслъ?

Въ одной рецензіи „Московскаго Вѣстника“ былъ проведенъ довольно странный взглядъ на сатиру, который раздѣлялся и многими другими рецензентами. Названная рецензія касается произведенія какого-то Великопольскаго, подъ на-

званіемъ: „Къ Эрасту. Сатиры на игроковъ". Рецензентъ писалъ: „Ежели авторъ сего сочиненія имѣлъ въ виду одно телько желаніе свести вмѣстѣ нѣсколько лицъ изъ самой низкой сферы жизни и составить изъ нихъ довольно отвратительную картину, то, надобно признаться, онъ сдѣлалъ это весьма удачно; жалѣемъ, однакожъ, что онъ облекъ сей недостойный предметъ въ форму поэзіи и назвалъ твореніе свое сатирою: міръ поэзіи чуждается подобнаго безобразія, и исправительныя стрѣлы сатиры никогда не коснутся порока во всей его гнустности (авторъ забылъ Ювенала), ибо сей послѣдній, составляя явное противорѣчіе съ чисто-нравственною идеею поэзіи, скорѣе оскорбляетъ духъ поэта, нежели возбуждаетъ оный къ художественному восторгу. Истинный сатирикъ, въ благородномъ порывѣ чувствъ, видитъ въ обществѣ одни только заблужденія и слабости людскія, болѣе или менѣе вредныя, а не злыя; но и тутъ правдивая муза его ограничивается большею частію мѣрами кротости и не употребляетъ другаго орудія, кромѣ орудія тонкой насмѣшки, мѣткой ироніи и остроумія бѣглаго, увлекательнаго" *).

Критика 20-хъ годовъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, была недовольна тѣми лирическими поэтами, которые постоянно пѣли о прошломъ, о быломъ, о непостоянствѣ счастья, о суетахъ сего міра, о прелестяхъ уединенной жизни, о наслажденіяхъ юности. Эти поэты были подражателями Жуковскаго, хотя не имѣли внутреннихъ достоинствъ своего образца. Справедливо порицала она и нѣкоторыхъ эпиковъ, подобныхъ автору „Александроиды" Свѣчину и творцу „Димитрія Донскаго" Орлову. Въ описаніи битвы въ этихъ поэмахъ встрѣчались такія мѣста:

Сѣкутся.... рѣжутся.... губятся....
Мертвятся въ злоехидствѣ дѣлъ.
Въ крови валяется Валуевъ Тимоѳей.

Иный съ простреленной стопою,
Иный съ разсѣченной главою,
Иный съ разрубленнымъ лицемъ;

*) „Московскій Вѣстникъ", 1828 г., ч. 7, стр. 478.

Иный проколотъ—слабнутъ силы;
Иному смерть прервала жилы;
Инаго—растерзала всѣмъ!
Иному стегно раздвоила,
Иному ринулась въ гортань,
Иному мышцы раздробила,
Иному сокрушила длань,
Инаго раздрала утробу,
Инаго въ грудь вонзила злобу,
Инаго въ рамена впилась,
Иной—въ составахъ изможденныхъ,
Иной—во членахъ потребленныхъ....
О, кровь несмѣтна пролилась!

Нѣкоторые критики не очень одобрительно отзывались о страсти къ составленію альманаховъ, которые въ 20-хъ годахъ выходили десятками. По поводу ихъ одинъ рецензентъ писалъ: „Къ сожалѣнію, изданія сего рода составляютъ существенное занятіе литераторовъ, даже извѣстныхъ, которые цѣлый годъ нигдѣ не печатая своихъ произведеній, копятъ, копятъ, собираютъ, и въ 365 дней, разродившись тремя піесками, подарятъ публику набранной книжечкой и потомъ снова засыпаютъ на годъ на поддѣльныхъ лаврахъ альманашной славы, въ упоеніи сладкаго бездѣйствія—до новыхъ альманаховъ. Сіи изданія переняли мы у иностранцевъ, но съ тою разницею, что сіи послѣдніе смотрятъ на нихъ какъ на роскошь литературную, а мы какъ на важную часть словесности". Въ другомъ мѣстѣ альманахи были уподоблены цвѣтникамъ изъ сорванныхъ цвѣтовъ, которые безъ корней натыканы играющими дѣтьми въ правильныя грядки. Дѣти сажаютъ ихъ, дѣти и любуются; но цвѣтники скоро завянутъ, чего не предвидятъ малютки, забывшись въ своихъ невинныхъ играхъ.

Среди жалобъ критики 20-хъ годовъ, жалобъ часто совершенно справедливыхъ, встрѣчается жалоба на неумѣнье публики цѣнить переводы классическихъ писателей, особенно древнихъ. Между послѣдними особенно замѣчателенъ для своего времени былъ переводъ Мартынова, задумавшаго перевести на русскій языкъ всѣхъ греческихъ классиковъ отъ

Гомера до Демосѳена. Но публика не обратила на него должнаго вниманія, какъ и на многое другое, достойное вниманія. Опечаленный Мартыновъ по этому поводу писалъ: „Къ крайнему моему сожалѣнію, донынѣ подписалось на мое изданіе только 30 мѣстъ и особъ, для обезпеченія же меня въ издержкахъ по сему предмету нужно подписчиковъ не менѣе 200. Въ другихъ государствахъ въ такихъ случаяхъ дѣлаются несравненно значительнѣйшія подкрѣпленія. Въ Англіи на подобныя изданія подписчиковъ бываетъ до ста тысячъ. Отъ чего же у насъ происходитъ такая разность, почти неимовѣрная? Въ публикѣ ли должно искать тому причинъ или въ самихъ издателяхъ—распространяться здѣсь не мѣсто» *).

Сѣтовала критика и на французское вліяніе въ литературѣ. „Во всемъ еще замѣтно вліяніе галловъ на нашу словесность, писалъ одинъ рецензентъ, вліяніе, котораго слѣды столь же долго на насъ останутся, сколь долго видно было клеймо монгольскаго владычества на челѣ освобожденной Россіи.“ Другимъ вліяющимъ началомъ былъ романтизмъ. По замѣчанію одного рецензента „Московскаго Вѣстника“, онъ былъ причиною жестокой войны въ области литературы: сотни изломанныхъ перьевъ, потоки розлитыхъ чернилъ, изодранные листки журналовъ, наполненные критиками и антикритиками по сему поводу, служили остатками ученой битвы. Въ концѣ 20-хъ годовъ произошло замиренье. Романтизмъ отказался отъ сладкихъ вздыханій, отъ чудовищныхъ привидѣній. Внимательное наблюденіе отличило подлинное отъ ложнаго, очищенный вкусъ рѣзко отдѣлилъ ничтожныхъ самозванцевъ отъ законнаго властителя, и благодѣтельное спокойствіе „подъ щитомъ генія времени провело его въ храмъ изящнаго“.

Обращаясь къ духовной литературѣ, критика также выражала иногда свое недовольство. Указывалось на отсутствіе полной русской церковной исторіи, на отсутствіе со-

*) „Сѣверный Архивъ“, 1822 г., ч. 4, стр. 173.

чиненія, въ которомъ въ ясномъ свѣтѣ было бы представлено введеніе христіанской вѣры въ Россіи, были бы подробно описаны всѣ древніе и новые расколы и опредѣлены: степень вліянія духовенства на прочія сословія въ продолженіе всего нашего существованія, его участіе въ общей нашей исторіи, услуги, какія оно сдѣлало. Указывалось на отсутствіе описанія праздниковъ въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ и на отсутствіе переводовъ твореній св. отцовъ и учителей церкви. Въ результатѣ выходило, что духовная литература въ 20-хъ годахъ была у насъ бѣднѣе всѣхъ другихъ бѣдныхъ отраслей литературы.

Критика 20-хъ годовъ, естественнымъ образомъ, касалась и сценическаго искусства. И поэтому поводу ею высказывались мнѣнія иногда очень вѣрныя, иногда же очень своеобразныя и странныя. Въ этой области также очень часто раздавались жалобы на равнодушіе публики, и преимущественно высшаго ея круга, къ отечественному театру. Эта высшая публика мало посѣщала послѣдній, и потому была мало съ нимъ знакома. Рецензенты замѣчали, что большинство публики, совсѣмъ не понимало различія между даровитыми артистами и живою сценическою мебелью. Такъ, большинствомъ совсѣмъ не оцѣненъ былъ талантъ Щепкина. Въ его игрѣ цѣнили только смѣшныя мѣста. Не понимали, что онъ былъ творецъ характеровъ въ своихъ роляхъ, не понимали, что и молча онъ многое передавалъ игрой своего лица. Въ 20-хъ годахъ существовалъ артистъ, нѣкто Колпаковъ, который очень смѣшно выговаривалъ *одно* слово, и вотъ говорили, что въ своей роли онъ былъ лучше Щепкина. Только немногіе, истинные цѣнители, выражали мнѣніе, что Щепкинъ—истинный артистъ, который цѣлыя ночи проводитъ за изученіемъ своей роли, стараясь создать тотъ или другой характеръ. „Пріѣзжай бульварный фарсеръ изъ Парижа, писалъ одинъ рецензентъ,—тогда прощай Щепкинъ: бонъ-тонъ нашъ на него и не взглянетъ. Хорошо, что нашъ артистъ объ этомъ и не заботится, и что благородное стремленіе къ возможному совершенству никогда его не оставляетъ; но

стоны одного человѣка, бѣгавшаго по широкой сценѣ, подобно вырвавшемуся изъ клѣтки льву... Въ это мгновеніе исчезъ его обыкновенный ростъ: мы видѣли передъ собою какое-то страшное явленіе, которое, при фантастическомъ блескѣ театральнаго освѣщенія, отдѣлялось отъ земли, росло и вытягивалось во все пространство между поломъ и потолкомъ сцены, и колебалось на немъ, какъ зловѣщее привидѣніе»... *). Но не всегда такъ игралъ Мочаловъ, и не всегда такъ высоко ставилъ его Бѣлинскій. Бывала игра посредственная, даже слабая... Эта неровность игры была причиной охлажденія къ нему публики. Стали раздаваться холодные возгласы: Мочаловъ—мѣщанскій актеръ, что за средства, что за ростъ, что за манеры, что за фигура! и тому подобное. Какъ бы то ни было, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, нужно признать, что Мочаловъ былъ великій артистъ, артистъ, который могъ бы помѣряться съ первѣйшими знаменитостями западно-европейской сцены...

Вторую гордость Москвы составлялъ Щепкинъ. Всякій, видѣвшій его въ роли городничаго въ „Ревизорѣ" Гоголя, вѣроятно, долго его помнилъ... „Щепкинъ—художникъ, говоритъ о немъ Бѣлинскій, и поэтому для него изучить роль не значитъ одинъ разъ приготовиться для нея, а потомъ повторять себя въ ней: для него каждое новое представленіе есть новое изученіе. Онъ всегда игралъ городничаго превосходно, но теперь становится хозяиномъ въ этой роли и играетъ ее все съ большею и большею свободою. Его игра—творческая, геніальная. Онъ не помощникъ автора, но соперникъ его въ созданіи роли". По мнѣнію современной критики, мало было артистовъ, которые бы такъ понимали свое призваніе и такъ ревностно, такъ пламенно стремились къ совершенству, какъ Щепкинъ. „Глубокія его познанія въ искусствѣ драматическомъ и сценическомъ, было сказано о немъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" 1838 г., суть плоды долговременной опытности и размышленія—и вотъ почему

*) Сочиненія, т. II, стр. 549—550.

онъ, какъ опытный стратегъ, дѣйствуетъ вѣрнымъ оружіемъ на своихъ зрителей, и еще никогда не зналъ неудачи. Жаръ къ изученію своего дѣла, къ проникaнію до глубочайшихъ его тайнъ не охладили въ немъ ни лѣта, ни утомленіе, ни заботы жизни, ни даже непріятности, сопряженныя съ возвышеніемъ каждаго художника вообще, а сценическаго въ особенности. Талантъ его изъ горнила опыта, труда, нуждъ, препятствій, бореній и дрязгъ закулисныхъ вышелъ чистымъ золотомъ, которому всѣ признали настоящую цѣну и мѣсто" *). „Щепкинъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ избранниковъ искусства, сказано было въ другомъ мѣстѣ того же журнала. Съ высокимъ комическимъ дарованіемъ, которому долговременная сценическая дѣятельность дала полное развитіе, онъ соединяетъ юморъ, ему только свойственный, и необыкновенную веселость, которая располагаетъ къ нему каждаго зрителя съ перваго его выхода на сцену. Щепкинъ такъ оригиналенъ въ выраженіи самыхъ трудныхъ характеровъ, умѣетъ придать имъ такой рѣзкій и блестящій колоритъ, что безотчетно увлекаетъ самаго строгаго знатока, и всегда вѣрно и метко поражаетъ естественностью и непринужденностью игры своей. Мы не можемъ сравнить Щепкина ни съ однимъ изъ лучшихъ современныхъ намъ комиковъ: ни съ Сосницкимъ, ни съ Рязанцовымъ, ни съ Дюромъ. Въ немъ свой самобытный родъ игры, неподходящій къ другимъ, но въ общихъ съ ними роляхъ—отчетисто-прекрасный. Чѣмъ труднѣе выполненіе лица, тѣмъ Щепкинъ выше: вотъ почему лучшія его минуты встрѣчаемъ мы въ безсмертныхъ кемедіяхъ Мольера (особливо въ «Скупомъ») и въ драмахъ Шекспира. Нуженъ ли вамъ *русскій человѣкъ* со всѣми оттѣнками національности, со всѣми чертами страны или вѣка, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ, со всѣмъ выраженіемъ общества, въ которомъ живетъ—смотрите Щепкина, ступайте въ «Горе отъ ума»—вотъ вамъ настоящій Фамусовъ; загляните въ «Ревизора»—вотъ вамъ живой Дмухановскій, уѣзд-

*) „Литературныя Прибавленія" 1838 г., № 15.

приготовлялось художниковъ не много. Вообще въ Москвѣ замѣчалось какое-то равнодушіе къ живописи. Къ причинамъ малочисленности художниковъ въ Россіи, газета относила малочисленность людей со вкусомъ. Владѣльцы картинныхъ галлерей были извѣстны наперечетъ. Насильное увеличиваніе числа художниковъ при такомъ отношеніи къ искусству было бы, по словамъ газеты, грѣхомъ. Та же газета жаловалась на недостатокъ художественныхъ, живописныхъ изданій, особенно съ русскимъ элементомъ.

Между тѣмъ Россія могла бы дать богатый матеріалъ для такихъ изданій. При этомъ было указано на богатство ея природы и древностей, было указано на Кіевъ, Днѣпръ, Одессу, Николаевъ, Донъ, Полтавскую губернію, Крымъ, Черное море, Кавказъ, Казань, Тифлисъ, Волгу, Уралъ, Сибирь, Москву, Новгородъ, Псковъ, Архангельскъ, Финляндію, Ревель, Ригу, рыцарскіе замки въ Лифляндіи и Эстляндіи, Литву, Польшу, Волынь, Петербургъ. „Подумать страшно, было замѣчено въ газетѣ, сколько любопытнаго каждый день умираетъ для потомства въ обширныхъ предѣлахъ имперіи, а мы перепечатываемъ въ 1.000,001 разъ крѣпость Св. Ангела въ Римѣ, Церковь Петра, Фингалову Пещеру и Везувій. Вы скажете: есть ли возможность собрать все это? Возьмите часть одну. Возьмите отдѣльную провинцію, или одинъ Кіевъ, или одну Литву. Въ одной Москвѣ художникъ Солнцевъ нашелъ до 2,000 любопытныхъ предметовъ, достойныхъ памяти потомства» *). Въ другомъ мѣстѣ было сказано: «Гдѣ наши граверы, гдѣ порядочныя литографіи? Какъ воздушные огни, они мелькаютъ столь же блистательно и непродолжительно, и естественно не могутъ двинуть устою за старѣлаго равнодушія ко всему изящному, а потомъ посредственнаго еще болѣе его укореняетъ... Можно ли упрекнуть г. Монферрана за то, что онъ послалъ всѣ планы и подробности Александровской колонны литографировать въ Парижъ? Почти нельзя". „Право, подумать горько, какъ мед-

*) „Художественная Газета" 1837 г., № 2.

ленно подвигается учено-художественная часть у насъ, какого труда стоитъ добывать малѣйшія свѣдѣнія объ отечественномъ, какъ трудно даже доставать художественныя иностранныя изданія, жаловалась еще разъ газета въ одномъ мѣстѣ. Не ясно ли, что у нихъ нѣтъ сбыта: охотники любятъ стальныя и деревянныя гравюры, но художественно-историческая книга въ лавкѣ книгопродавца—лежачій капиталъ съ надеждой совершеннаго уничтоженія".

Кромѣ воззрѣній литературныхъ, научныхъ и художественныхъ, въ отдѣлѣ критики и библіографіи встрѣчалось много сужденій, относившихся къ различнымъ явленіямъ жизни. Общественная жизнь затрогивалась въ нихъ съ весьма разнообразныхъ сторонъ. Рисовались, хотя и очень отрывочно, по поводу сужденія о той или другой книгѣ, какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны современной жизни. По этимъ отрывочнымъ указаніямъ можно было судить о различныхъ явленіяхъ умственной, нравственной и экономической жизни общества. Изъ нихъ, напримѣръ, можно было вывести заключеніе о слабомъ стремленіи въ огромной долѣ общества къ положительнымъ знаніямъ. „У насъ мало любятъ положительныя знанія, сказано было въ „Сынѣ Отечества" 1839 г., и худо понимаютъ, что образованіе фактическое и прочное потребно и философу, и поэту, и чиновнику, и каждому, кто изъявляетъ какое нибудь требованіе на образованность и просвѣщеніе. Безпрестанно видите, что тотъ, кто не спускаетъ съ устъ именъ Гегеля и Баадера, является сущимъ невѣждой въ самыхъ первыхъ основаніяхъ самыхъ необходимыхъ положительныхъ знаній. Нашъ русскій агрономъ и не подумаетъ запастись учеными свѣдѣніями предварительными, у него толкъ идетъ только о *черноземѣ* да *назамѣ;* на что ему, примѣрно, *математика?* Нашъ *литераторъ* не совѣстится не знать первыхъ началъ астрономіи и геологіи, ему дѣло до *ямба* и *хорея*, а великія, дивныя явленія земли и неба чужды его поэтическаго слуха и риѳмическаго сердца". „Библіотека для Чтенія" дѣлала намеки на печальныя явленія въ семейной жизни. „Наше сердце обливается кро-

вью при одной мысли, какое ужасное, безотчетное вліяніе имѣютъ мужья, самый отвратительный родъ мужчинъ, на свои семейства, на своихъ женъ и дѣтей, иронизировалъ названный журналъ. Безумцы! что имъ за дѣло до дѣтей! Тираны! они требуютъ, чтобы супруги оставались имъ вѣрны, даже въ столицахъ! Можно ли дойти до такого варварства? Гдѣ тутъ права природы, гдѣ свобода воли?" „Нынче женщина понимаетъ, что она такое, и скоро вы узнаете, что такое женщина", тономъ прорицателя добавлялъ онъ *). Въ „Телескопѣ" было указано на стремленіе многихъ изъ среды бѣднаго городскаго населенія къ безбрачной жизни и на увеличивавшееся отъ этого число незаконнорожденныхъ дѣтей. Для уничтоженія этого явленія рецензентъ, поддерживая мысль разбираемой книги, предлагалъ устройство воспитательныхъ домовъ для законнорожденныхъ дѣтей бѣдныхъ родителей. Въ перспективѣ видѣлась отъ этого польза для нравственности, промышленности, народнаго богатства и просвѣщенія. При этомъ изъ разбираемой книги выписывались слѣдующія строчки: „Еслибъ учреждена была у насъ касса по городамъ для собранія пожертвованій въ пользу такихъ заведеній; я увѣренъ, что явилось бы очень много доброхотныхъ дателей: мы видимъ почти ежедневно въ газетахъ, какія великія суммы назначаются въ завѣщаніяхъ и проч. на богоугодныя заведенія. Что-жъ можетъ быть богоугоднѣе такого дѣйствія? А русскіе богачи, которые гораздо щедрѣе Девоншировъ и Норфольковъ, наши Голицыны, Шереметевы, Орловы, Яковлевы, Бекетовы—не говорю уже объ имени священномъ въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія, объ имени Демидовыхъ — неужели не захотѣли бы принять участіе въ такомъ великомъ дѣлѣ, коимъ Россія подала бы примѣръ всей просвѣщенной Европѣ? Клянусь Богомъ, что я бѣдный человѣкъ, получающій въ годъ 1000 р. жалованья, прибѣжалъ бы съ нею, безъ памяти отъ радости, при первомъ извѣстіи о такомъ учрежденіи" **). Иногда въ критическихъ

*) „Библіотека для Чтенія" 1839 г., т. XIII, стр. 6.
**) „Телескопъ" 1832 г., ч. II, стр. 390.

статьяхъ рисовалась бытовая сторона, а также физіономія нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностей и городовъ. Таковъ, напримѣръ, былъ очеркъ Москвы въ 30-хъ годахъ, взятый изъ сочиненія Андросова и помѣщенный въ «Телескопѣ» 1832 г. «Взглянемъ ли мы теперь на Москву въ ея объемѣ? сказано было въ немъ. Тутъ все отличительно. Ея необъятное протяженіе, громады зданій, заслоняющія однѣ другія; улицы неровныя; извилистые, колѣнчатые переулки; домы, то готовые выдвинуться на улицу, то скрытые въ глубинѣ широкихъ дворовъ, заросшихъ травою, обращенные фасами въ разныя стороны; близкое сосѣдство великолѣпной пустоты и тѣсноты заразительной, пышности и бѣдности; обширныя неправильныя площади; во многихъ мѣстахъ одичавшіе, уединенные сады; пруды; церкви съ ихъ мрачною архитектурою, съ широкими монастырями, на которыхъ нерѣдко изъ-подъ травы выказываются развалившіеся старинные надгробные камни; разнообразные палисады, опрятно выкрашенные, изъ за которыхъ часто выглядываютъ капустныя гряды: все это живо, ярко, пестро". При разборѣ нѣкоторыхъ статистическихъ сочиненій иногда указывались случаи смерти отъ неосторожности, пьянства и невѣжества, характеристическіе для обрисовки русскаго авось. Такъ, въ одномъ журналѣ, были указаны, между прочимъ, слѣдующіе случаи: Осенью 1828 г. одинъ купецъ, гулявшій въ трактирѣ въ Марьиной рощѣ до поздней ночи, проѣхалъ пьяный домой, и былъ на другой день найденъ во рву, задавленнымъ вмѣстѣ съ извощикомъ опрокинувшимися дрожками. Въ 1830 г., въ Москвѣ, одна пьяная женщина, упавъ лицомъ въ лаханъ, не могла приподняться и захлебнулась. Одинъ дворникъ, принявъ спавшаго на дворѣ рабочаго за собаку, въ то время, когда послѣдній высунулъ изъ травы голову, ударилъ по головѣ дубиной, что было мочи и убилъ рабочаго. Между несчастными случаями, бывшими въ 30-хъ годахъ въ Москвѣ, были замѣчательны слѣдующіе: 12 рабочихъ по неосторожности упали въ котлы и сварились, 3 обварились въ банѣ, окатившись горячею водою, 3 пьяныхъ подавились, 5 по неосто-

рожности сгорѣли, 6 человѣкъ запарились, 3 въ банѣ, а 3 въ кухонныхъ печахъ.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи указано было на множество курьезовъ разнаго рода и оригинальныхъ мнѣній и взглядовъ. Къ такимъ курьезамъ относился, напримѣръ, каталогъ книгъ библіотеки Московскаго университета, составленный Ройсомъ. Въ каталогѣ были, между прочимъ, отдѣлы *искусство покорять тѣло человѣческое* (искусство военное) и *искусство сохранять и вылѣчивать тѣло человѣческое* (медицина); филологія была отнесена къ искусствамъ, для книгъ математическихъ совсѣмъ не было отдѣла. По началу, положенному въ основаніе дѣленія на отдѣлы, ихъ приходилось отнести къ путешествіямъ! Православные священники были названы въ каталогѣ *греческими пасторами* *). Къ подобнымъ курьезамъ можно также отнести выдержки сдѣланныя въ одномъ журналѣ изъ сочиненія извѣстнаго въ свое время агронома Шелехова «Главныя основанія земледѣлія». Въ журналѣ были приведены такія мѣста: *Въ породѣ злаковъ повторилось предыдущее планеты*; *овесъ находится подъ особымъ покровительствомъ воды*, *ячмень подъ властію воздуха*; *растеніе есть собственно планета на планетѣ*; *масляныя произрастенія—кліенты огня*, *рожь—кліентъ материка*, *жито — кліентъ воздуха*; *пшеница*, *какъ растеніе со стороны огня, сего первенствующаго производителя и вѣнчителя всего*, *должна занимать и первое передъ самою рожью мѣсто на почвѣ*, *т. е. быть посѣяна прежде ржи*. Въ другомъ агрономическомъ сочиненіи, подъ названіемъ «Деревенское зеркало», вмѣстѣ съ наставленіями о паханіи, посѣвахъ, унавоживаніи и домоводствѣ, были помѣщены сказки о Честонѣ Малоумѣ, дурномъ помѣщикѣ, сластолюбцѣ, и объ управителѣ бѣдномъ офицерѣ Правдининѣ, который „въ семилѣтнюю съ пруссаками войну довольно шатался и насмотрѣлся въ Помераніи, Бранденбургіи и Шлезіи по деревнямъ и мѣстечкамъ тамошняго земледѣлія, скотоводства и

*) „Телескопъ“ 1831 г., ч. VI, стр. 411.

хозяйства, за ранами вышелъ въ отставку, и былъ опредѣленъ въ нѣкоторый городъ воеводскимъ товарищемъ, гдѣ воевода Кривдухинъ, хотя не стоилъ лыка, да селяне ставили его за велико, потому что онъ на воеводствѣ одинъ оралъ, какъ чортъ въ своемъ болотѣ". Статья объ овцеводствѣ начиналась словами:

Какую пользу вамъ даетъ овца, баранъ,
Суконный носите изъ шерсти ихъ кафтанъ,
Чулки, со шляпою, коты и рукавицы,
А женки съ дочерьми цвѣтныя передницы;
Изъ кожъ шьютъ шубы всѣ, спасаяся отъ хлада,
Отъ овцеводства намъ великая награда.

Статьѣ о картофелѣ предпослано было такое четверостишіе:

Картофели здоровы, вкусны
И въ пищѣ никому не гнусны;
Всѣхъ лучше бѣлые пригодны для людей,
А красноватые коровамъ, для свиней.

Къ оригинальнымъ научнымъ взглядамъ, указывавшимся критикою, принадлежали, между прочимъ, нѣкоторыя воззрѣнія натуръ-философовъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующія, принадлежащія знаменитому естествоиспытателю Окену и указанныя въ „Телескопѣ", въ которомъ они были приведены какъ нѣчто имѣющее твердое научное основаніе. Нервы, мясо и кости составляютъ животное въ животномъ, остальное все есть растеніе. Внутренности суть растеніе въ животномъ, а именно: кишки — корень, система сосудовъ— стволъ, легкое—листья. Осязаніе есть чувство земное, вкусъ— водяное, обоняніе - воздушное. Всѣ они чувства планетныя, такъ какъ ощущаютъ три элемента планеты. — Слухъ есть чувство эѳирное, зрѣніе—свѣтовое. — Глазъ есть все тѣло, все животное. Въ немъ яснѣйшимъ и раздѣльнѣйшимъ образомъ представлены вмѣстѣ всѣ животныя системы: руки и ноги, грудь и брюхо. Свѣтъ глазомъ объемлется, вдыхается, переваривается и такимъ образомъ ощущается. Руки и ноги повторяются въ глазныхъ мышцахъ и глазницѣ; у многихъ рыбъ онъ утвержденъ на стебелькѣ, какъ у раковъ. Эти мышцы движутъ глазъ во всѣ стороны какъ руку. Зад-

няя глазная оболочка соотвѣтствуетъ кожѣ тѣла, передняя роговая — ногтямъ пальцевъ. Сосудистая оболочка есть система дыханія въ глазѣ. Радужная соотвѣтствуетъ гортани, зрачокъ—голосовому отверстію; его расширеніе и сжатіе есть дыхательное движеніе. Сосудистая оболочка заключаетъ въ себѣ костяную массу, хрусталикъ—жабры. Болѣзни хрусталика суть болѣзни костей—ломота. Въ камерахъ глаза отдѣляется постоянно вода, продуктъ пищеваренія. Глазная впадина есть ротъ. Вѣки соотвѣтствуютъ губамъ и равно прикрываются волосами.—По различному развитію чувственныхъ органовъ, въ человѣческомъ родѣ различаются пять разностей или поколѣній: кожа-человѣкъ — черный африканецъ, языкъ-человѣкъ—темно-кофейный австраліецъ, носъ-человѣкъ—красный американецъ, ухо-человѣкъ—желтый азіатецъ, глазъ-человѣкъ—бѣлый европеецъ. Такимъ образомъ въ каждой расѣ замѣчается большее или меньшее соотвѣтствіе какому-нибудь изъ названныхъ органовъ человѣческаго тѣла. Точно также во всѣхъ породахъ животныхъ замѣчается соотвѣтствіе какой-нибудь части животнаго организма. Между рыбами сомы—костяныя рыбы, по преобладающему развитію въ нихъ костей, осетры—нервныя, акулы—чувственныя, камбалы—желудочныя и т. д. *).

Библіографическій отдѣлъ журналовъ 30-хъ годовъ представлялъ разборы, относившіеся къ громадной массѣ самыхъ разнообразныхъ книгъ. Одинъ и тотъ же рецензентъ брался говорить о сочиненіяхъ самаго разнороднаго характера. Этимъ, можетъ быть, объяснялось иногда то, что отзывы о нѣкоторыхъ книгахъ ограничивались двумя, тремя строчками. Отсюда часто происходила голословность критики. Одинъ и тотъ же критикъ часто разбиралъ сочиненія философскія, историческія, естественнонаучныя, математическія, юридическія, политико-экономическія, богословскія, сельскохозяйственныя, медицинскія, и т. д. Отсюда происходили промахи со стороны рецензентовъ, отсюда происте-

*) „Телескопъ" 1832 г., ч. II, стр. 524—528.

кала иногда и полемика. Случалось, что иной рецензентъ, не обладая положительными свѣдѣніями по иному предмету, отдѣлывался общими фразами, остротами, разборомъ стилистической стороны или указаніемъ ареографическихъ ошибокъ.

Говоря о критикѣ и библіографіи нельзя не сказать и о полемической сторонѣ этого отдѣла. Полемическое начало было развито въ этомъ отдѣлѣ въ значительной степени. При разборѣ той или другой книги часто затрогивалось самолюбіе какого-нибудь извѣстнаго критика, писателя или журналиста и отсюда возгоралась война. Чаще всего приходилось страдать самолюбію Булгарина, Сенковскаго и Полеваго. Взаимное шпигованье яркой чертой проходитъ по отдѣлу библіографіи 30-хъ годовъ. Иногда полемика возгоралась изъ-за пустяковъ, но были часто и весьма основательныя причины для нея. Ниже всякой критики были полемическіе пріемы «Сѣверной Пчелы», основывавшей незыблемость своихъ приговоровъ на давности своего пребыванія въ литературѣ. Впрочемъ, это не помѣшало обмолвиться ей слѣдующимъ здравымъ взглядомъ на полемику: „Полемика, удержанная въ законныхъ границахъ, есть необходимая стихія журнала. Витійствовать противъ нее есть или необдуманность, или литературное ханжество. Единогласія въ мнѣніяхъ требовать нельзя. Говорить всегда свое и отъ себя, не слушая другихъ, не объясняясь съ другими, не возражая при случаѣ другимъ, есть физическое упражненіе языка безъ цѣли и послѣдствій. Равновѣсіе есть общій законъ природы, а нѣтъ равновѣсія безъ противоборства силъ. Вопреки мнѣнію критика, который называетъ полемику *родомъ прозы низкимъ и отвратительнымъ*, мы утверждаемъ и сошлемся на убѣдительные примѣры, что полемика можетъ вознестись до высшей и увлекательнѣйшей прозы".

Кромѣ оригинальныхъ статей, въ отдѣлѣ критики встрѣчались статьи, принадлежавшія замѣчательнымъ западноевропейскимъ критикамъ. Между послѣдними встрѣчались

Жюль Жаненъ, Низаръ, Варнгагенъ фонъ-Энзе, Кенигъ и другіе.

Обращаемся къ отдѣлу смѣси. Этотъ отдѣлъ былъ чрезвычайно сильно развитъ въ журналахъ 30-хъ годовъ. Это было какое-то море съ исчезавшими вдали берегами. Всѣ части свѣта, всѣ народы, всѣ царства природы, всѣ области знанія несли дань этому отдѣлу. Въ немъ прошло множество замѣчательныхъ современниковъ, въ немъ сообщена была масса полезныхъ свѣдѣній, относившихся къ различнымъ областямъ знанія. Грустное въ немъ перемѣшивалось съ смѣшнымъ, великое съ малымъ, наука съ искусствомъ, отечественное съ иноземнымъ. Въ немъ читатели знакомились съ новѣйшими изобрѣтеніями и открытіями и съ домашней стороной жизни великихъ современниковъ. Въ современной намъ журналистикѣ все это отошло въ область преданій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ названномъ отдѣлѣ было много балласта, но было много и такого, что могло быть отнесено къ пріятному и полезному чтенію. Особенно интересны были статьи смѣси въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Библіотекѣ для Чтенія". Между статьями встрѣчались очень обширныя и по содержанію, и по объему. Такова, напримѣръ, статья подъ названіемъ «Петербургъ и Москва», помѣщенная въ «Сынѣ Отечества» 1839 г. Въ ней приводится интересное сравненіе названныхъ городовъ. Преимущества дѣлятся между ними пополамъ. Въ Петербургѣ, говоритъ авторъ, много европейскаго. Улицы его прямыя, широкія, чистыя, движеніе по нимъ безопаснѣе и воздухъ его чище, чѣмъ въ Москвѣ. «Въ немъ безпрестанно воздвигаются новые храмы, общественныя зданія, мосты». Дома ростутъ съ чудесною быстротою. Все блеститъ, все покрыто лакомъ. Въ Петербургѣ три театра. Есть чрезвычайно удобныя мѣста для прогулокъ. Особенно хороша Англійская набережная: тутъ рѣка, гранитная набережная, пароходы. Въ Петербургѣ читаются публичныя лекціи, въ немъ есть картинныя галлереи, музеи, публичныя библіотеки. Въ Москвѣ улицы узки, кривы, косы, нечисты. Она обзаводится новыми зданіями

медленно. Въ ней нѣтъ торцовыхъ мостовыхъ, городской почты, газоваго освѣщенія. Литературная жизнь ограничивается однимъ «Московскимъ Наблюдателемъ». Но въ Москвѣ процвѣтаетъ низшая литература. Типографія Кирилова работаетъ неутомимо. Въ ней жили и писали Орловъ и Кузьмичевъ. Въ Москвѣ нѣтъ безденежныхъ курсовъ физики, химіи, сельскаго хозяйства. Остроградскій, Гессъ, Нечаевъ, Усовъ не читаютъ здѣсь лекцій. Есть только одинъ курсъ химіи для фабрикантовъ. Нѣтъ ни картинныхъ галлерей, ни музеевъ, ни публичныхъ библіотекъ. Частныя библіотеки незначительны. Театры—сколокъ съ петербургскихъ. Ихъ два и они часто бываютъ пусты. Гуляньями Москва также бѣднѣе Петербурга. Тверской бульваръ почти единственное мѣсто, гдѣ можно видѣть хорошую публику. Кузнецкій мостъ—бѣдное подражаніе или, правильнѣе, пародія Невскаго проспекта. Лѣтомъ въ Москвѣ гулять негдѣ. Прѣсненскіе пруды, Нескучное находятся далеко отъ центра города; да и гулять тогда некому: помѣщики, пріѣзжающіе зимой, весною возвращаются въ свои деревни, столичные жители отправляются на дачи. Театръ, чтеніе имѣютъ для москвичей мало прелестей. Они предпочитаютъ цыганъ и звѣриную травлю (медвѣди). Въ одеждѣ замѣчается меньше вкуса. Замѣтна любовь къ пестротѣ, отражающаяся и въ архитектурѣ. Москва могла бы похвалиться садомъ одного любителя, но и въ немъ замѣтно отсутствіе вкуса. На маленькомъ пространствѣ въ немъ скучены пруды, мосты, корабли, готическія башни, китайскіе храмы, индійскія пагоды, турецкіе кіоски, голландскія стриженыя деревья, хижины, тріумфальныя ворота, и проч. Въ саду статуи, нимфы, солдаты въ полной формѣ, деревянные, выкрашенные приличными красками. Гостиный дворъ хуже петербургскаго. Его жильцы ограничиваютъ чтеніе Московскими Вѣдомостями, а бухгалтерію деревянными счетами. Несмотря на все это ни одинъ патріотъ не долженъ и не можетъ быть равнодушенъ къ Москвѣ. Не говоря объ историческомъ значеніи матери городовъ русскихъ, нельзя не полюбить ее отъ души за доброту и гостепріимство и за

отсутствіе этикета и эгоизма младшей столицы. Нельзя не любить ее за набожность, горячій патріотизмъ, филантропію. Въ ней есть Кремль, священный историческими воспоминаніями. Душевность Москвы сказывается даже на ея балахъ. На сѣверѣ балы холодны, безжизненны; чувство подавлено разсчетомъ; женихи славятся меркантильнымъ духомъ; для нихъ невѣста—акція, которой курсъ имъ извѣстенъ, и если они танцуютъ, то спекулируютъ на акцію.—Замѣчательна въ статьѣ характеристика публики петербургскихъ театровъ: Михайловскаго, Александринскаго и Большаго. Публика перваго, говоритъ авторъ, аристократическая. Всѣ мѣста абонированы. Посѣщеніе театра есть нѣкоторая обязанность, служба, причемъ наблюдается самый строгій этикетъ. Зрители аплодируютъ мало, вызываютъ рѣдко, вслѣдствіе чего одобреніе высоко цѣнится. Въ Александринскомъ театрѣ публика исключительно русская. Провинціалы считаютъ за обязанность на другой вечеръ послѣ пріѣзда явиться въ этотъ театръ. Публика добра и невзыскательна. Она наслаждается театромъ съ фанатизмомъ и любитъ похлопать за свои деньги. У многихъ при выходѣ болятъ ладони. Театръ трясется въ основаніи, когда аплодируютъ артисткѣ. Неумѣренными рукоплесканіями эта публика повредила многимъ талантамъ. Въ Большомъ театрѣ можно замѣтить смѣшеніе всѣхъ націй. Въ статьяхъ смѣси можно было найти и другія свѣдѣнія, относившіяся къ русскимъ столицамъ. Въ „Сынѣ Отечества", напримѣръ, была помѣщена сравнительная таблица Петербурга и Москвы. Изъ ней оказывалось слѣдующее. Въ 1838 г. въ Петербургѣ считалось жителей 469,700, въ Москвѣ—348,562. Въ нихъ было *):

	Въ Петербургѣ.	Въ Москвѣ:
Духовныхъ	1,867	5,164
Чиновниковъ гражд. . .	19,569	5,788
Русскихъ купцовъ . . .	9,509	10,752
Цѣховыхъ	22,990	8,711

*) „Сынъ Отечества" 1839 г., т. IX, стр, 5—15.

Дворовыхъ при дом. . .	20,391	23,809
Крестьянъ	126,313	122,588
Родилось	10,427	7,697
Умерло	7,275	7,707
Каменныхъ домовъ . . .	3,243	3,613
Деревянныхъ	5,418	9,040
Церквей и монастырей .	173	395
Придѣловъ при нихъ . .	265	637
Колоколовъ	647	2,149
Покражъ было на сумму .	195,500	166,098
Отыскано на сумму . . .	103,759	44,538
Кражъ и мошенн. было .	8,248	977

Въ томъ же журалѣ въ одномъ мѣстѣ было сказано о закрытіи въ Петербургѣ въ 1839 г. неподдержаннаго Водопроводнаго Общества, существовавшаго весьма недолго. «Жаль, что мало нашлось ревнителей, пожелавшихъ подкрѣпить это, одно изъ полезнѣйшихъ въ нашей столицѣ, предпріятій», сказано было въ журналѣ. «На первый разъ надобна была настойчивость, какъ при всякомъ новомъ дѣлѣ». Въ томъ же журналѣ было указано на необходимость постояннаго моста черезъ Неву. Лучшимъ считался цѣпной, на двухъ каменныхъ быкахъ, съ подъемомъ между ними. Высказана также была мысль о томъ, что хорошо было бы продлить набережную мимо Адмиралтейства.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» интересны были, между прочимъ, статьи Макарова, подъ названіемъ «Библіографическія рѣдкости». Въ нихъ были разсмотрѣны журналы «Трутень» и «Кошелекъ» и старинные мѣсяцесловы. Изъ журнала Новикова «Трутень» было сдѣлано много интересныхъ выдержекъ, каковы, напримѣръ, слѣдующія: «Въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до десяти пудъ: желающіе въ поставкѣ онаго подрядиться, могутъ явиться въ ономъ мѣстѣ»; «недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ полученное ему мѣсто, и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть; желающіе ее купить, могутъ сыскать его

въ здѣшнемъ городѣ»; «профессоръ карточныхъ азартныхъ игръ поссорился съ полиціею, и для того отъѣзжаетъ въ Москву». При этомъ, между прочимъ, было въ статьѣ о «Трутнѣ» замѣчено, что въ его время въ Петербургѣ не было ни одной русской книжной лавки. Книги продавались у иностранцевъ-переплетчиковъ, какъ, напримѣръ, у Тидцеліуса и Веге, съ которыми былъ очень друженъ Ломоносовъ *). Въ „Кошелькѣ" Новиковъ нападалъ на французовъ и пристрастіе къ французскому. Его нападки дошли до французскаго посольства и французскій посланникъ говорилъ о нихъ съ нѣкоторыми изъ русскихъ вельможъ, замѣтивъ имъ, что нападки Новикова — англійская штука. Это обстоятельство не могло не повредить Новикову **). Статья о старинныхъ мѣсяцесловахъ 1785, 1794 и 1795 годовъ также очень занимательна. Изъ содержанія мѣсяцесловов видно, что Екатерина II основала по 1785 г. 193 города.

Въ мѣсяцесловахъ говорилось много о различныхъ физическихъ явленіяхъ. Между прочимъ, было сказано, что въ 1783 г., въ Парижѣ былъ такой холодъ, что весь городъ былъ готовъ замерзнуть. Набожные люди смотрѣли на это явленіе, какъ на наказаніе Божіе за безбожное ученіе энциклопедистовъ. Различными необыкновенными явленіями изобиловалъ 1784 г. Замѣчательно было обиліе снѣга въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Такъ, въ Парижѣ было употреблено для очищенія улицъ отъ снѣга до 20,000 рабочихъ. „Всѣ народы ожидали чего-то въ трепетѣ", сказано въ статьѣ. Въ Италіи горѣли понтійскія болота. Въ Тиролѣ запылала цѣлая гора. — На календаряхъ были сдѣланы на поляхъ интересныя отмѣтки. Въ одной изъ нихъ значилось: *родилась дочь Дарья, марта 23-го дня, пополуночи перваго часа на тридцать седьмой минутѣ*. Была отмѣтка о конскомъ заводѣ, причемъ всѣ жеребцы были отмѣчены *воронопѣгими*.

---

*) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. V, стр. 26—32.

**) Тамъ же, т. I, стр. 38.

Были отмѣтки о сборѣ хлѣба, яицъ, птицъ и т. п.—Часто встрѣчались въ смѣси различныя статистическія данныя. Такъ, было указано, въ одномъ журналѣ, что по исчисленіямъ одного трудолюбиваго человѣка, со времени изобрѣтенія книгопечатанія по 1822 г., вышло въ свѣтъ 3,681,960 сочиненій. По вычисленіямъ другаго всѣ вышедшія и сохранившіеся съ названнаго времени книги заняли бы линію въ 30,000 верстъ, притомъ размѣщеніи, какое дается книгамъ въ библіотекахъ. Между различными книгами однихъ сочиненій, касавшихся Франціи, было насчитано до 80,000. — Между историческими статьями была замѣчательна статья „Обстоятельства геройской смерти подполковника Энгельгардта въ 1812 году", помѣщенная въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 г. Содержаніе было извлечено изъ черновыхъ писемъ одного смоленскаго священника, бывшаго свидѣтелемъ смерти Энгельгардта, разстрѣленнаго въ Смоленскѣ въ 1812 г., по приговору французскаго военнаго суда. Смерть Энгельгардта сопровождалась интересными подробностями. Когда читали приговоръ, Энгельгардтъ не далъ его дочитать и закричалъ по-французски: „полно врать, пора перестать, заряжай поскорѣе и пали, чтобъ не видать больше раззоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ". Начали завязывать ему глаза, но онъ не позволилъ, сказавъ: „прочь, никто не видѣлъ своей смерти, а я ее буду видѣть". Когда было выпущено 18 зарядовъ, Энгельгардтъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничь, поднявъ руки и глаза къ небу. — Много было статей, которыя были разсчитаны на предоставленіе читателямъ остраго чтенія. Образчиками такихъ статеекъ могутъ служить слѣдующія. „Придворныя пѣвчіе королевы Викторіи имѣютъ въ сложности 338 лѣтъ а именно: Г. Рильдъ теноръ 70 лѣтъ, Солль басъ 60, Эвенсъ теноръ 61, Гевесъ басъ 58, Кларкъ басъ 57, Кновельтъ теноръ 60. Надобно признаться, что это самая консервативная капель въ Европѣ". „Лордъ Б. давалъ недавно обѣдъ во Флоренціи своимъ друзьямъ, на которомъ поданы были

зелень, рыба и мясо совершенно свѣжія, за два года передъ тѣмъ приготовленныя по методѣ Апперта, въ закупоренныхъ банкахъ. Для питья подавали гостямъ морскую дистилированную воду, съ виномъ, которое лежало на днѣ Темзы, въ одномъ утонувшемъ кораблѣ, слишкомъ сто лѣтъ. Хлѣбъ приготовленъ былъ изъ тысячалѣтней египетской пшеницы, найденной въ саркофагѣ ѳивской мумія". „Недавно парижскій банкиръ Ротшильдъ игралъ въ экарте съ банкиромъ Гоппе, и спустилъ послѣднему въ нѣсколько часовъ 100,000 франковъ. Ротшильдъ бросилъ карты и сказалъ флегматически партнеру: „Довольно, я началъ проигрывать, теперь пойду спать". „Во время болѣзни папы Климента XVII, въ 1534 г., употреблено было, въ теченіе десяти дней, лекарства на 40,000 червонцевъ, ибо тогдашніе врачи давали порошки, приготовленные изъ золота, алмазовъ и жемчуга».— «Изъ Рима пишутъ, что папа реставрировалъ фресковыя картины Рафаэля въ Ватиканѣ, которыя съ 1702 г. не были даже ни разу вычищены, такъ что густой слой пыли совершенно закрывалъ ихъ отъ взоровъ».

Здѣсь мы отходимъ отъ заросшаго густой травой кургана русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ, съ твердою и успокоительною надеждою, что изслѣдователи, откапывающіе кости скиѳскихъ царей, докапываются наконецъ и до слѣдовъ русской мысли названнаго времени. Въ ожиданіи этого, поставимъ почтительно и съ чувствомъ благодарности эпитафію на дорогой для каждаго мыслящаго русскаго человѣка могилѣ, взявъ для этого слова лежащаго въ ней вмѣстѣ съ другими дѣятелями русскаго слова Бѣлинскаго:

«Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ созерцать минувшее и сравнивать его съ настоящимъ. Всякая черта прошедшаго времени, всякій отголосокъ изъ этой бездны, въ которую все стремится и изъ которой ничто не возвращается, для насъ любопытны, поучительны и даже прекрасны. Какъ бы ни нелѣпа была книга, какъ бы ни глупъ былъ журналъ, но

если они принадлежатъ къ сферѣ идей и мыслей, уже не существующихъ, если ихъ оживляютъ интересы, къ которымъ мы уже холодны,—то эта книга и этотъ журналъ получаютъ въ нашихъ глазахъ такое достоинство, какого они, можетъ быть, не имѣли и въ глазахъ современниковъ: они дѣлаются для насъ живыми лѣтописями прошедшаго, говорящею могилою умершихъ надеждъ, интересовъ, задушевныхъ мнѣній и мыслей».

ОПЕЧАТКИ.

Стран	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
9	14 сн.	ремантизма	романтизма
23	8 „	щумомъ	шумомъ
82	12 „	*горничные,* служители	*горничные* служители
34	2 „	Letres	Lettres
38	2 „	Чтить	Чтить
45	12 „	Карамзинъ въ то....	Карамзинъ—въ то...
61	7 „	съ созданіи	въ созданіи
68	2-3 св.	Rusland	Russland
70	7 „	Der Gesellechafter	Der Gesellschafter
85	4 „	Полтата	Полтава
99	11 „	Филоссофіи	Философіи
116	4-5 „	Дюмонъ, Дюрвиля	Дюмонъ—Дюрвиля
218	1 „	начитаній	начинаній
229	11 „	наперстниками	наперсниками
285	4 сн.	листическимъ	мистическимъ
286	16 „	Лѣтній	Лѣсной
321	11 св.	Amiens Plato, amiens Socrates, sed magis amica veritas	Amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas.
323	15 сн.	грамотъ	граматъ
435	13 „	змдовъ	видовъ
438	2 св.	Марафола	Марафона
440	8 „	Нарова	Норова
462	11 сн.	Сомбамбулы	Сомнамбулы
495	6 „	Норговцы	Торговцы
593	4 св.	ареографическихъ.	орѳографическихъ.
600	13 сн.	докапываются	докапаются.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр

Предисловіе 1

Двадцатые года.

Глава I. Общій очеркъ 3

Глава II. Лица 18

Глава III. Явленія обыденной общественной жизни. . . 131

Глава IV. Характеръ литературныхъ произведеній различныхъ журнальныхъ отдѣловъ 169

Тридцатые года.

Глава I. Общій очеркъ 243

Глава II. Лица. 286

Глава III. Явленія обыденной общественной жизни . . . 486

Глава IV. Характеръ литературныхъ произведеній различныхъ журнальныхъ отдѣловъ. 537

Находятся въ продажѣ слѣдующія книги:

Весинъ, С. Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составленъ по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. 2-ое исправленное и дополненное изданіе. (Одобренъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и рекомендованъ IV отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи). Цѣна 75 коп., съ перес. 1 рубль. (Складъ изд. въ „Невской книжной торговлѣ", В. Остр. 5 линія, д. № 6.)

Весинъ, Л. Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 г. (1710—1876). Ц. 3 р. 50 к. (Складъ изданія въ магазинѣ „Новаго Времени", Невскій, 60)

239239

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2—32.

RETURN TO → **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 **HOME USE**	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be Renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW

~~FEB 19 1988~~
3-18-89
MAY 03 1992
RECEIVED
AUG 09 1995
CIRCULATION DEPT.

FORM NO. DD6,
UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

15 MM/73-795

YC127285

U.C. BERKELEY LIBRARIES

B001024741